

18+

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН №8 2021 ГАЗЕТА

«И Млечный Путь над головой...»

ЛАУРЕАТЫ ЕЖЕГОДНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ ПАРТИИ СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ 2020

Поздравляем победителей и лауреатов!

КОЗВОНИН Фёдор Романович

Родился 2 октября 1987 года в городе Кирове. Работал санитаром травматологического отделения экстренной помощи и инспектором охраны 4-й категории. Затем прошёл ускоренный курс обучения на специальность «повар», однако работать по ней не пошёл, сменив целый ряд профессий: санитар судебно-медицинской экспертизы, коневод, старший менеджер по продажам, охранник. В 2019 начал обучение в вечерней школе, чтобы закончить среднее образование.

ВАХИТОВА Розалия Азатовна

Родилась 6 мая 1998 года в Уфе. Выпускница филологического факультета БГПУ им. Акмуллы. Публиковалась в журналах «Бельские просторы», «Юность», «Детская роман-газета», в альманахе «Веретено». Постоянный участник семинаров Совета молодых литераторов Союза писателей России (Москва, Уфа, Ульяновск и т.д.). Работает редактором в журнале «Бельские просторы».

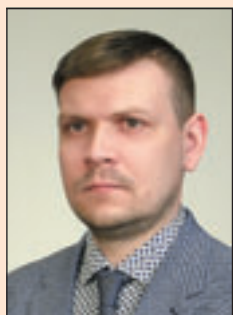
ПОПОВ Артем Васильевич

Родился в 1980 году в Северодвинске. Работал в школе педагогом дополнительного образования — вёл кружок «Газетное дело». С 2008 по 2018 годы трудился в Администрации Северодвинска. Лауреат ряда Всероссийских литературных конкурсов. Лауреат литературной премии Главы Северодвинска и Совета депутатов Северодвинска «Никольское устье» (2020 год, за книгу «Счастье прошедшего времени»).

ВОЛКОВА Марина Георгиевна

Родилась в 1981 году в Ленинграде. С 2000 по 2006 год работала следователем в Следственном Управлении при УВД Адмиралтейского района Санкт-Петербурга. Стихи начала писать с самого детства. Произведения публиковались в коллективных сборниках и периодических изданиях («Наш Современник», «Новгород литературный», «Голос эпохи», «Мгинские мосты» и др.) Автор двух поэтических сборников «Веру храня в рассвет» (2013) и «Очарованная странница» (2017).

КУЛЮКИН Андрей Андреевич

Родился 27 февраля 1987 года в Москве. Учился в Пензенском артиллерийском инженерном институте. Жил и работал в Самаре, Пензе. В настоящее время живет в городе Североморске Мурманской области, обучается в аспирантуре Мурманского арктического государственного университета. Увлекается литературой, пишет стихи. Член Мурманской организации Союза писателей России. Изданы два сборника стихов.

ГИАЦИНТОВА Юлия Николаевна

Родилась и выросла в Москве, в семье врачей. Окончила Литературный институт им. А. М. Горького, семинар О. Николаевой (ранее — Е. Рейна). Публиковалась в журналах «Юность», «Нева», альманахе «День поэзии». Автор сборников «Оберег» («Художественная литература», 2013), «В поле птица» («Филинь», 2018).

Н А Р О Д Н Ы Й Ж У Р Н А Л

РОМАН-ГАЗЕТА

УЧРЕДИТЕЛЬ ООО «РОМАН-ГАЗЕТА»

ЖУРНАЛ ЗАРЕГИСТРИРОВАН В КОМИТЕТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО ПЕЧАТИ. СВИДЕТЕЛЬСТВО О РЕГИСТРАЦИИ №013639 от 31 МАЯ 1995 г.

Учредитель и издатель
ООО «Роман-газета»

Главный редактор
Юрий Козлов

Редакционная коллегия:
Дмитрий Белюкин
Алексей Варламов
Анатолий Заболоцкий
Владимир Личутин
Юрий Поляков

Ответственный редактор
Елена Русакова

Права на использование товарного знака «Роман-газета» принадлежат ООО «Роман-газета»
© ООО «Роман-газета», 2021
Все права защищены

Журнал зарегистрирован в Министерстве связи и массовых коммуникаций РФ. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-68350 от 30.12.2016 г.

Подписаться на журнал «Роман-газета» можно в отделениях связи и через Интернет: roman-gazeta-1927@yandex.ru

Подписные индексы издания:

в объединенном каталоге

«Пресса России»

38915 на полугодие;

в электронном каталоге

«Почта России»

П1526 на полугодие

Точка зрения автора может не совпадать с позицией редакции

2021 №8 /1877/ Основана в 1927 г.

И Млечный Путь над головой...

Сергей МИРОНОВ,

Председатель Социалистической политической партии
«СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ — ПАТРИОТЫ — ЗА ПРАВДУ»

Молодая литература живёт и развивается

Литературная премия СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ «В поисках правды и справедливости» существует шесть лет. Название премии оказалось пророческим. С этого года партия обрела новое имя — СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ — ЗА ПРАВДУ. Мы — единственная партия на политическом горизонте России, системно и продуктивно работающая с молодыми поэтами, прозаиками, публицистами. Победители и лауреаты премии прежних лет сегодня определяют лицо современной молодой российской литературы. Это Платон Беседин, Андрей Тимофеев, Юрий Лунин, Максим Жуков, Михаил Кильдяшов, Зарина Бикмуллина, Тихон Синицын, Василий Нацентов и многие другие авторы.

Минувший год выдался трудным. Но он запомнился не только связанными с пандемией бедами, пришедшими во многие семьи. 2020 год показал, что наше государство достойно встретило серьёзный вызов, а наши люди по-прежнему готовы протянуть руку помощи ближнему.

Жюри премии потеряло двух прекрасных специалистов: декана философского факультета, члена-корреспондента Российской академии наук В. В. Миронова и заместителя главного редактора журнала «Наш современник» А. И. Казинцева. На последнем заседании Жюри мы почтили их память минутой молчания.

Постоянный диалог с молодой творческой интеллигенцией стал визитной карточкой партии. Литература — душа народа. Когда-то СССР считался самой читающей страной в мире. Читая присланные на конкурс произведения (в прошлом году их поступило более трёхсот), я вижу, чем живёт молодое поколение, какие проблемы волнуют авторов, как, по их мнению, они должны решаться. Это помогает мне, как лидеру парламентской партии, в законодательной и общественной работе. Я знаю, что сегодня труд писателя тяжёл, а хлеб скуден. Но молодая многонациональная российская литература живёт и развивается, поднимает острые вопросы, ищет оригинальные формы самовыражения. Главное же — у неё есть читатель! Я часто захожу в книжные магазины — на презентации, встречи с писателями, за книгами — и ответственно заявляю, что большинство посетителей — молодые люди.

Литературная премия «В поисках правды и справедливости» — наш вклад в поддержку творческого потенциала молодого поколения. Нам важно не только поддержать авторов, нам важно, чтобы молодое поколение научилось справедливо оценивать то, что предлагает мировая современная литература, отделять зерна от плевел, анализировать произведения с позиции любви к Родине. Это возможно в том числе благодаря молодым авторам, создающим яркие произведения патриотической направленности. Таким, как победители и лауреаты литературной премии СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ «В поисках правды и справедливости».

Хочу поздравить победителей — авторов «премиального» номера «Роман-газеты», пожелать им долгой и плодотворной жизни в литературе, а заодно объявляю о старте очередного — седьмого — сезона Премии!

Жизнь продолжается!

Руслан ТАТАРИНОВ

Председатель Оргкомитета ежегодной Литературной премии СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ,
Руководитель аппарата фракции «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ» в Государственной Думе
Федерального Собрания Российской Федерации

Талантливых работ – много!

Работа Премии продолжалась в течение года, несмотря на пандемию. Ко Дню Победы мы подготовили ряд видеобращений к живущим в разных регионах страны ветеранам войны. В акции приняли участие победители Премии и члены Жюри. Единственная в прошедшем году выставка в Государственной Думе, посвящённая памяти поэтов и писателей-фронтовиков, тоже была подготовлена СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИЕЙ. Важная часть выставки – материалы Литературной премии СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ, работы молодых авторов о Великой Отечественной войне. Выставка прошла замечательно, ее поддержали ведущие институты и музеи нашей страны, госархивы РГБ, РГАЛИ, Музея Победы, МГИМО, а также родственники литераторов-фронтовиков, которые свято хранят память о Константине Симонове, Василии Лебедеве-Кумаче, Юрии Бондареве и других. Выражаем всем глубокую благодарность.

За время работы Премии с 2015 года в Оргкомитет прислано большое количество по-настоящему талантливых работ. Издание литературного альманаха с лучшими произведениями победителей Премии за все шесть лет работы может стать следующим шагом. С. М. Миронов поддержал идею альманаха.

ИЗ ПРОТОКОЛА**Заседания Жюри ежегодной литературной премии СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ**

Москва, Государственная Дума

12 февраля 2021 года

Присутствовали:

Миронов Сергей Михайлович — Председатель Жюри ежегодной Литературной премии **СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ**, Председатель Социалистической политической партии «**СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ — ПАТРИОТЫ — ЗА ПРАВДУ**», Руководитель фракции «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ» в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации.

Татарин Руслан Владимирович — Председатель Оргкомитета ежегодной Литературной премии **СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ**, Руководитель аппарата фракции «СПРАВЕДЛИВАЯ РОССИЯ» в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации.

Члены Жюри.**Повестка:**

1. О подведении итогов 2020 года ежегодной Литературной премии **СПРАВЕДЛИВОЙ РОССИИ** (далее — Премия).
2. Утверждение списков победителей и лауреатов Премии для торжественного награждения.

По первому и второму вопросу решили:

1. Утвердить следующий список победителей Премии в номинациях:

«МОЛОДАЯ ПОЭЗИЯ РОССИИ»

I место: Волкова Марина Георгиевна, сборник стихотворений «Моя Россия, взгляд сквозь время», г. Санкт-Петербург;
Гиацинтова Юлия Николаевна, сборник стихотворений, г. Москва (лауреат Премии 2018 года);

II место: Кулюкин Андрей Андреевич, сборник «Небеса нараспашку», Мурманская область.

III место: Игнатьева Екатерина Юрьевна, сборник стихотворений «На сломе», Ленинградская область.

Специальными дипломами Премии и публикацией в журнале «Роман-газета» отметить З. Р. Бикмуллин (Республика Татарстан), Р. В. Рубанова (Курская область).

«МОЛОДАЯ ПРОЗА РОССИИ»

I место: Козвонин Фёдор Романович, роман «Шабашник», Кировская область.

II место: Вахитова Розалия Азатовна, сборник рассказов «Атасызлык», Республика Башкортостан.

III место: Попов Артём Васильевич, рассказы, Архангельская область, г. Северодвинск.

Специальными дипломами Премии отметить О. В. Авдееву, «Разлука с Надеждой», Новгородская область, В. В. Татур, «Нанозавры», Московская область, И. Коркину-Чугдаару, «Разорванная нить», Республика Саха (Якутия).

«МОЛОДАЯ ПУБЛИЦИСТИКА РОССИИ»

I место: Вершинин Илья Александрович, подборка критических статей, Эстония.

II место: Бобылева Анна Анатольевна, очерк «Жизнь недомашних животных», Кемеровская область.

III место: Фахретдинов Михаил Мирзаевич, сборник очерков, Томская область.

Председатель Жюри **С. М. МИРОНОВ**
Председатель Оргкомитета **Р. В. ТАТАРИНОВ**

Федор КОЗВОНИН

Шабашник

Фрагменты романа

17.09.201... года. Киров

...Десять дней назад Сергея уволили с работы. Уволили, просто поставив перед фактом, и даже не стали придумывать причины, чтобы указать на дверь. Дело было в том, что для большой фирмы, где он работал, наступили не самые лучшие времена и было принято решение несколько сменить профиль деятельности. В новый профиль Сергей уже не вписывался. С формальной точки зрения, дело было обстряпано ловко и кругло: фирма была поделена на несколько мелких фиктивных индивидуальных предпринимательств и тот индивидуальный предприниматель, за которым по документам числился Сергей, ликвидировался. То есть предприниматель как личность ещё существовал, но все его недавние полномочия теперь готовились делегировать какому-то другому зицпредседателю.

Конечно, можно было написать в прокуратуру или в трудовую инспекцию. Конечно, они бы прижали к ногтю подставное лицо, на имя которого был составлен трудовой договор: описали бейсболку с прямым козырьком, шорты и кроссовки. Его бы признали негодяем, сказали бы: «Ай-яй-яй, как плохо!» — и испортили дальнейшую предпринимательскую жизнь, но Сергею от этого вряд ли стало бы легче: движимое и недвижимое имущество дороже пятисот рублей благополучно переписано на маму-пенсионерку и выйдет так, что бывший начальник живёт в этом мире на иждивении, доходов не имеет и взять с него нечего, хотя ещё вчера он так старательно и убедительно корчил из себя владетельного князя с многомудрой ухмылочкой. На деле вчерашний игемон даже не нашёл сил лично объявить об увольнении — по телефону с Сергеем говорил руководитель параллельного звена, а в офисе ждал бухгалтер. При этом тот, кто действительно принимал решения, тот, кто владел и распоряжался предприятием через череду доверенностей, подставных фирм и юридических лиц, был недоступен для претензий законным порядком. Разве что в окно ему кирпич бросить. Но от этого Сергею точно не стало бы легче.

Поэтому Сергей решил не заморачиваться битвой с ветряными мельницами, а спокойно написал заявление об увольнении, получил на руки документы и пошёл искать работу.

Хорошо, что Сергей был парнем негордым и рукастым — многое в этой жизни успел попробовать, поэтому надеялся, что на разосланные им резюме в конце концов придёт ответ. Но время шло, а работы не было. Зато был огород, копанье в котором было чем-то средним между исполнением религиозного обряда и физкультурой: привычкой, способом отвлечься и забыться.

На эти сельскохозяйственные мытарства внимательно смотрел Андрей Иванович, который прямо сейчас стоял у забора и хлопал себя по карманам в поисках сигарет. Облокотившись на забор и сложив ладони замком, Иванович опустил голову так, что выбритый подбородок лёг на основание большого пальца правой руки, в то время как ладонь правой руки и большой палец левой почти полностью закрыли рот. Вытянув шею, чтобы губы поднялись выше скрещенных пальцев, он крикнул:

— Бог в помощь!

Сергей встрепенулся, резко обернулся, но, увидев знакомое лицо, снял наушники:

— О, здравствуй, Иванович! Дай огоньку. Как твой кот?

Иванович снова похлопал себя по всем карманам, хотя точно помнил, что зажигалку он положил в левый нагрудный. Как-то само собой получилось.

— Да ничего, выздоровел вроде — глаза больше не слезятся, да и сам поправился, а то был тощим, как твой велосипед...

— А чем болел-то он? Выяснил хоть? — озабоченно и с ноткой сомнения спросил Сергей.

— Да какой там! Кололи ему три дня лекарства, которые в клинике дали, — два витамина и один антибиотик. Я, главное, сколько ни допытывался до того коновала, а так и не вызнал, что он Ваське моему диагностировал. — Иванович прикурил и, поперхнувшись, выпустил дым уголком рта. — Не, хорошо устроились, а? Лечат от чего попало — только денег им дай, ага. Косарь содрали прямо как с куста!

— Нормально, блин! — От удивления Сергей хлопнул себя ладонью по бедру. — Я весной от пневмонии лечился и за таблетки и уколы отдал сотен шесть. И это три недели лечения.

— Вот! А я кота три дня лечил. Нет, давно пора прижать эти шараги — понимают, паразиты, что раз животное не скажет, что и где у него болит, то с хозяина можно драть, как со сволочи. И ведь не скажешь тоже, мол, жалко денег — пусть подышает? Нет ведь?! А поди его разбери — может, это у животного как простуда у человека — лечи-не лечи, а само через неделю пройдёт. Или действительно животное при смерти и потом всю жизнь себе поминать будешь, как денег пожалел.

— Так да, на это у них и расчёт. Кстати, я тут прикинул, а ведь мой кот лучше моего питается! Вот я только что из магазина: пятачку потратил, а из неё

три сотни на корм коту. Ещё хорошо, что я на велике, а так бы на проезд ещё сорокет ушёл.

— Да, вот ты про проезд сказал. Видал, что на вокзале делают? Гляди, билет в кассе брал, а мне вместо одной бумажки две суют. Что за дела такие, думаю, но у кассы разбираться не стал — сзади очередь напирает. А в поезд сел, гляжу — во! Уже сами себе рекламу покупаем.

Опустив руку в правый нагрудный карман куртки, он достал и протянул Сергею билет с прикрепленной к нему скрепкой степлера рекламкой. Сергей мельком посмотрел на строчки, и его глаза загорелись восторгом.

— Слушай, Иваныч, тебе ведь эта бумажка не нужна? Можно, я возьму?

— Да бери, конечно, ни во что она мне не упёрлась... — Иваныч довольно усмехнулся и барственно приосанился, но тут же, как будто спохватившись, взмахнул рукой в каком-то театральном жесте. — Кстати! Я ведь чего зашёл-то? Дело у меня к тебе, шабашка. Я только спешу сейчас, а к тебе вечером загляну, чтоб подробно обсудить?

— Да не вопрос. Буду ждать.

— Варенья принесу свежего, чаю попьём.

— Ну, вот и договорились!

Придя домой, Сергей внимательно рассмотрел рекламку, в которой говорилось о том, что в самом центре Москвы действует организация, помогающая трудоустроиться всем встречным и поперечным — столярам, плотникам, каменщикам, охранникам, водителям, поварам, грузчикам, разнорабочим и дворникам. Зарплата, конечно, не астрономическая, но приятная — выходило значительно больше, чем Сергей получал раньше.

Чтобы разузнать подробнее, Сергей зашёл по первой выскочившей в поисковике ссылке. Вроде и тут всё в относительном порядке — да, находились негативные реплики, но сдержанно-хвалебных отзывов было больше. Получается, что работа себе и работа: не хорошая и не плохая. Нормальная.

— Значит, если ещё неделю ничего не нарисует... — сказал Сергей своему коту и почесал его за ухом. Кот зажмурил глаза от удовольствия.

Иваныча Сергей знал с самого детства. Конечно, тогда он был не «Иваныч», а «дядя Андрей» — друг и коллега отца. Отец развёлся с матерью в середине девяностых и сгинул где-то без вести на ниве строительства новой личной жизни — сына и бывшую жену он излишним вниманием не обременял. Сергей его почти не помнил. Покойная мать тоже редко вспоминала бывшего супруга. Иваныч же, у которого была дача в соседнем с деревней садоводстве, всегда при встрече радушно приветствовал Серёжу шутками-прибаутками. Когда парень подросток, Ива-

ныч радушно одалживал его инструментом или дельным советом, на том и сдружились. Ну, не то чтоб уж закадычными друзья стали — разница в возрасте создавала известную дистанцию, но приятелями были близкими. С отцом Сергея Иваныч не поддерживал отношений тоже где-то с середины девяностых: что-то они тогда не поделили. Тогда же Иваныч вышел на пенсию по инвалидности из-за производственной травмы. Что это была за травма и чем занимается Андрей в свободное время, Сергей не знал — ну, дачник себе и дачник.

Ровно в семь вечера в окно постучали.

— Снова здравствуй, дорогой! — Иваныч махнул раскрытой пятернёй.

Сергей поспешил открыть дверь и впустить гостя. Пока Андрей снимал камуфляжную куртку, Сергей суетился у стола:

— А я как раз чай заварил. Иваныч, тебе сколько сахара?

— Без сахара, что ты! С вареньем же. На-ка вот, держи банку — вчера только варил, ещё утром тёплое было. Яблочное, с корицей.

— Может, моего попробуешь? Облепиховое, тоже свежее. — Сергей было подался к буфету, но Иваныч остановил его порыв:

— Не, лучше яблочного. От облепихи изжога у меня. Не уважаю эту ягоду маньчжурскую.

Пожав плечами и положив добрую треть банки в вазочку с претензией на хрусталь, Сергей всё же ушёл к буфету, откуда достал пакет сушек и пересыпал в такую же, как вазочка, хрустальную салатницу. Сушки были с маком. Хозяин разлил заварку по чашкам. Иваныч о чём-то подумал и махнул рукой:

— Ай, ладно. Положи одну ложку сахара!

Сергей улыбнулся и насыпал в горячий чай ложку с препорядочной горкой.

— Слушай, а ты никогда на вахту не ездил? — с каким-то нетерпением спросил Сергей.

— Нет, сам-то я не ездил. — Иваныч будто ждал этого вопроса. Он с достоинством поднёс к носу чашку, с видимым удовольствием понюхал, но отставил в сторону: горячо. — Я же всё на заводе своём. Брат вот ездил когда-то на Север, большую денюгу там зашибал, но это давно было, год девяносто пятый, что ли? Что точно помню, так что страху он там натерпелся — караул. Прикинь, их после вахты прямо на перроне вокзала бандиты на пушки поставили. — Андрей посмотрел Сергею прямо в глаза. — Но пронесло. Повезло, говорит, потому что боялся деньги пропить и положил их на самое дно сумки, в носки — под свитерами, штанами, трусами... Спяну он бы туда не полез, а в кошельке была мелочь — её-то братки и забрали не глядя. Но некоторые работяги бесплатно, считай, отработали. Брат ещё говорил, что у иных бандитов рожки знакомые были: вроде он кого-то из них в охране месторождения видел. Больше брат туда не ездил.

Сергей как-то совсем безвкусно отхлебнул чая, обмакнул сушку в варенье, откусил половину и, тщательно прожевав, высказал кому-то, кого не было за столом:

— Ну, теперь-то на вокзалах полицейские дежурят, да и деньги не наליком дают, а на карту переводят... — Тут он снова посмотрел на Иваныча. — Просто я чего? Меня твоя рекламка заинтересовала — сижу, прикидываю. Может, рвануть, а?

— Это с билета-то которая? Да хрен его знает. Хотя столица наша, конечно, город богатый... Неужели ты здесь работу найти не можешь?

— Сколько уже ищу, а ничего подходящего нет! На четыре собеседования ходил — одно, что «мы вам перезвоним». И на моё резюме результат один — по три раза в день звонят и предлагают менеджером быть по продажам. Я сперва удивился, подумал — а чего бы и нет? Приехал к ним в контору, которая в новом БЦ на берегу реки у моста, знаешь? Вот. Приехал туда, значит, на двенадцатый этаж поднялся, а там всё чинно, благородно — девушка красивая в блузке и галстук за стойкой. Анкету, значит, заполнил, сижу на диване кожаном, вызова жду, готовлюсь. Ну, думаю, повезло мне наконец — теперь бабло грести лопатой буду! Вызвали. Сидит в кабинете дядька такой солидный, в пиджаке и сразу, с ходу прямо давай мне рассказывать, как он так же, как и я, два года назад пришёл в эту же организацию, но только в Казани. На мои ноги поглядел и говорит, что тоже денег на кроссовки нормальные не было, но через три месяца он машину купил, ещё через год подразделением руководил, а теперь сам открывает такой же центр в Кирове, потому что контора у них инновационная, передовая и методы европейские, но интегрированные в отечественные реалии. Я весь расплылся, представляя, как себе «Ниву»-пятидверку к новому году куплю, но потом соображаю, спрашиваю, а что делать-то надо? А он мне, мол, мы такие-растакые-этакие...

— Наркота, что ли? — Иваныч усмехнулся от своей догадки.

— Да нет. Короче, полчаса он воду лил и по ушам ездил... Смысл такой — ездить по райцентрам и там страховые полисы пенсионерам втюхивать, убеждать их в том, чтобы они свои пенсии переводили в наш негосударственный пенсионный фонд. Работать я буду за процент, и формула расчёта там какая-то очень мутная — большую часть денег я получу потом, как раз месяца через три, когда все бумаги пройдут и всё оформят. А до того времени мне причитается тридцать рублей за один полис и оклад восемь косарей, но через два месяца будет аж по пятихатке сверху за каждый заключённый договор.

— А что ж ты, по подъездам бегать будешь? Где пенсионеров-то этих брать?

— Иногда и по подъездам, но в основном, типа, какую-то стойку в поликлинике или на почте ста-

вить будут. Типа, ходит туда народ как раз с документами и там можно их тёпленькими брать. Сам говорит, что у себя в Казани он по двести человек за день подписывал.

— В Казани-то, может, столько народу и обрабатываешь, но никак не у нас в каком-нибудь райцентре.

— И я так подумал. Человек десять я за день оприходуя, двадцать — край. То есть больше шести сотен за день не получу, а командировка туда на четыре дня, потом три дня отдыха и даже если по двадцать человек в день получится, то в месяц это и десяти косых не будет. Ладно, плюс оклад, но всё равно не густо! Конечно, через два месяца, когда всё оформят...

— Погоди, а ты разве учился на менеджера-то?

— В том-то и дело, что нет. Три года назад симками торговал, вот в трудовой и запись — «менеджер по продажам». Я это в резюме указал, вот, видать, меня и нашли.

— Но диплома у тебя нет?

— Вот именно, что нет. Я и работу-то не менеджером искал, не продавца даже. — Сергей отхлебнул чая. — Но и не в этом ещё дело. Я с тем дядей солидным раскланялся, сказал, что подумаю над его предложением сегодня-завтра, а сам, не выходя из офисного центра, в интернет. Сразу выяснил, что в Казани о такой фирме никто никогда не слышал, а потом узнал, что в Москве за один такой же заключённый договор платят тыщу триста. Причём сразу, а не через два месяца.

— Теперь понятно, зачем этот «татарин» набирает себе именно таких «специалистов» — чтобы ни один у него больше двух месяцев не отработал. Это если по районам мотаться за пятнадцать косарей, то через неделю убежишь от такой работы. — Чашка Иваныча стояла нетронутой и неразмешанный сахар на дне превратился во что-то слипшееся и безнадёжное.

— Понятно, что в эту контору я больше ни ногой. Зато кое-что я понял.

— Что же?

— Что хотел бы в Москве поработать! — Сергей торжествующе отхлебнул из своей чашки.

— Будто ты в Кирове не зарабатываешь!

— Заработаю, но когда? Через три года? Через пять? Через десять? И вот этот вариант с вахтой в Москву мне очень понравился, в смысле 60/60. То есть ты два месяца работаешь, а потом два месяца свободен. И при деньгах, которые тут за такую же работу не получишь. И целых два свободных месяца! Хочешь — пей, хочешь — не пей, но, главное, можешь делать свои дела спокойно и без истерики.

В зрачках Иваныча вспыхнули какие-то огоньки, будто горящие газовые вышки на фоне непроглядно-чёрного запыленного неба, но тут же потухли:

— Говоришь ты резонно, да, но лучше пока постынь на эту тему и меня послушай. Я ведь чего к тебе пришёл...

Иваныч задумался, словно врач, прикидывающий, стоит ли сообщать пациенту страшный диагноз:

— Если только между нами, хорошо? — Он испытующе посмотрел в глаза Сергею. Что-то для себя поняв, продолжил бодрым тоном: — Вот оно иногда так бывает, что можно и подзаработать, и своему другу помочь — одним выстрелом двух зайцев! Ты ведь, наверное, слышал, что я хочу свой участок продать? Весь этот сад, который отец получил при Брежневке — со всеми яблонями, который покойник сажал, а я, ещё школьником, помогал. Со всей иргой, крыжовником, йоштой... С колодцем, который целое лето в восемьдесят четвертом копали... Можно, я закурю?

— Да, вот пепельница.

Иваныч глубоко затянулся, выпустил пару дымных колечек, долетевших до самой печки. Потом сделал уже обычную затяжку, выпустил дым через нос, стряхнул пепел щелчком ногтя большого пальца о фильтр:

— Тут какое дело. Столичный холдинг землю у садоводов скупает и житья всё равно не будет — купят не подобра, так поздорову, а потом всё тракторами укатают. Им ведь без разницы: яблони тут, колодец, качель — им лишь бы только землю, сотки... Вот я и решил максимально свой дом застраховать.

— Ну, это правильно. А то наймут упыря за бутылку, чтобы петуха пустил...

— Нет, ты дослушай. Мне и нужно, чтобы дом сгорел и чтоб сгорел к едрене матери! Чтобы в пепел! И в этом помочь мне можешь только ты...

При этих словах зрачки глаз Сергея сначала устремились куда-то вверх, к лампочке, потом поворотили вправо, затем влево и наконец устали строго перед собой, глаза в глаза собеседника:

— Погоди, Иваныч, ведь это преступление... — Но тот призывно и с нетерпением смотрел на Сергея так, будто не сомневался, что тот согласится. — Да и рука у меня не поднимется — сколько там всего и моими руками переделано...

— Ну, зачем так-то... И меня ты очень обяжешь, поможешь даже.

Сергей отвёл глаза, озадаченной ухмылкой поднял правый край рта, а потом неуверенно посмотрел на Иваныча:

— Блин, дядя Андрей, может, ты сам, а?

— Да я бы сам давно сжёг, но не могу — всё же память... Понимаешь, когда в восемьдесят втором Италия во главе с Росси и Дзоффом растоптала в финале мундиала ФРГ, мои сверстники поголовно хотели быть похожими на Дасаева и Блохина, я был похож на форменную чурку, когда отец вместо сарайчика капитальную дачу построил. В основном-то, конечно, работал отец с мужиками, а я гвозди гнутые прямилил, рубероид резал, рейки пилил и на родник за во-

дой бегал, но почти всё лето за этим пролетело! Загорел — просто страсть! В школе хвастался, что в Алуште отдыхал, но потом запутался и сказал, что курорт был в Гаграх... В классе всё равно узнали, что я всё лето у ручья с ведром толокся... Эх, детство!

Иваныч с какой-то ненавистью затушил окурок в пепельнице.

— Зато в восемьдесят четвертом я уже полноправно с батей на пару работал, когда копали колодец. Один копает, а другой в телеге отвозит. Видел, может, бугорок слева от ворот в садоводство? Так это от нашей глиняной горы осталось. Конечно, за то лето я подкачался неплохо, но космического Платини во Франции на Евро я пропустил. И когда мои однокашники на мопедах всю с девчонками катались, у меня на ладонях мозоли роговели. В школе потом до октября не мог приноровиться ручку держать — не рука была, а лапища! Тем летом нормальные пацаны зарабатывали гонореею, а я заработал кифоз. Тьфу ты... А через год я полез на крышу ставить новый колпак на печную трубу. Упал и сломал ногу и потому вместо Рязанского гвардейского училища я поступил на фрезеровщика. Эх, столько всего впереди могло быть...

Иваныч достал из мятой пачки новую сигарету, помял пальцами, с грустью посмотрел на неё и положил обратно в пачку.

— Зато без экзаменов приняли! И, в принципе, на Сельмаше в те времена было спокойнее, чем под Кандагаром, так что, наверное, оно и к лучшему. Хотя я мира и не повидал, но зато цел и почти здоров. И с дачей-то как жалко... Ведь год назад всё зашил, окна вставил по последнему слову техники — думал, старость тут встречу, под этими самыми яблонями. И именно тогда пошли слухи о том, что у нас будут строить какие-то теплицы, мать их, а значит, спокойной старости у меня здесь всё равно не будет. — Он зачерпнул ложку яблочного варенья, положил её в рот и проглотил с видом разведчика, глотающего секретную шифровку. — Да и алиби мне надо, понимаешь? Чтоб у страховщиков вопросов лишних не было. К тому же тебе деньги сейчас тоже не повредят. Заранее даже дать могу, хоть сейчас сразу всё.

Судорожным, дёрганым и нервным движением Иваныч полез в карман брюк:

— Ничего, ничего. — Он достал шесть купюр и положил их на край стола, под пепельницу. — Я как представляю, что бульдозером мой дом снесут — даже сердце прихватывает. Безумно больно, если это чужие люди сделают. А ты ведь свой.

Сергей посмотрел на Иваныча, потом на деньги, о чём-то подумал и посмотрел Иванычу прямо в глаза:

— Ну, если так, то я согласен.

— Спасибо тебе. Нет, правда, огромное спасибо, ведь... А, ладно! Главное, что и ты теперь лишнюю

дыру, он уже было обрадовался, что всё прошло гладко, как вдруг, вылезая на четвереньках из кустов, поднимаясь на ноги и отряхивая колени, услышал за спиной шорох — это по мягкой земле резиновыми сапогами ступала невысокая женщина средних лет, знакомая до боли, от которой что-то сжалось в груди и перехватило дыхание. Перед ним стояла с большой хозяйственной сумкой в руке Елена Юрьевна — бывшая классная руководительница с шестого по девятый класс. Она шла из своего сада на электричку, а теперь, остолбенев, широко раскрытыми глазами смотрела прямо на своего бывшего ученика.

Мыслей никаких не было, был только вопль, а ноги сами понесли по пригорку к железной дороге. Пробежав мостик через речушку, ноги забежали на железнодорожную насыпь и в один прыжок перепрыгнули через рельсы. Дальше ноги и задница скатились на другую сторону и опрометью бросились в лесополосу. Там они неслись ещё метров двести, пока наконец снова не вернулись в подчинение переставшей вопить голове и упали за куст шиповника. За спиной отдавал небу последнее закаты. Впереди полнеба вторым закатом освещал пожар и столб густого чёрного дыма строго перпендикулярно земле уходил в самую вышину, унося с собой всё то, на что два поколения потратили свои лучшие годы и силы.

Пролежав под кустом на мокрой земле минут пять, Сергей смог вернуть что-то похожее на самообладание и привести отчаянно беспорядочную мысленную вакханалию в безысходный и беспросветный, но всё же стройный хоровод. В том, что он погорел капитально, Сергей не сомневался. Учительница не могла его не узнать — два года он просидел перед ней на второй парте первого ряда, а потом ещё два года на третьей парте второго ряда. Конечно, не виделся с ней он уже давно, но, к огромному своему теперь сожалению, не последовал моде и окладистой бороды не отрастил, а она была бы сейчас очень кстати. Елена Юрьевна всегда казалась ему женщиной строгой и принципиальной, поэтому, когда полиция будет опрашивать садоводов, она от малчиваться не будет. А Иваныч... Иваныч, конечно, смолчал, если б свидетелей не обнаружилось, но когда Сергея прижмут, то своего заявления он просто не сможет забрать, иначе страховщики съедят. А на кого страховщики повесят весь ущерб, теперь можно было даже не гадать... И ещё дадут лет пять. Ох, дорого же мне обойдутся эти тридцать тысяч, — пролетело в голове. Пожалуй, единственным выходом было сбежать, причём сбежать так, чтобы не нашли. Не на пару дней, но хотя бы на пару месяцев — там ментам надо будет дело закрывать, так что свернут потихому, поди — не Эрмитаж же он поджёт, не дверь у ФСБ! А страховщики, верно, на кого-нибудь расходы спишут — всё равно к тому времени с Иванычем надо будет расплатиться, а тот на него зла не держит.

Теперь надо сделать так, чтобы никаких улик, кроме показаний учительницы, не было, да и вдруг её опрашивать не станут вовсе? Надо вспомнить. Других свидетелей быть не должно. Отпечатков он оставить не мог — в перчатках всё делал, которые до сих пор на руках. Придётся от обуви избавиться — вдруг следы оставил? А если с собакой искать будут, то по запаху бензиновому легко найдут — значит, надо след сбить, тем более совсем рядом вторая ветка железной дороги, где как раз цистерны не то с газом, не то с мазутом стоят. Туда и надо бежать и пройти там с километр — после такого манёвра ни одна сука ничего не пронюхает.

Уже пройдя коридором из смыкающихся высоко над головой полувековых берёз, когда родную деревню почти было уже видно, Сергей услышал вой сирены, который почти сразу прекратился, но таким железом по стеклу прошёл по всему нутру... Всё упало из того, что только могло упасть. Значит, уже ищут, и ищут рядом. Если уже не нашли. Остаётся только побег. Вот как раз на вахту и сбегу — иди меня ищи в столице! Ох, и попал же я...

— Всех этих грёбаных диспетчеров я бы поувольнял к чёртовой матери! Или лучше так — раз сами такие вызовы принимают, то пусть сами и ездят на них! — Молодой, но уже лысеющий врач сидел на пассажирском сиденье машины «скорой помощи». Одной рукой он держал дымящуюся сигарету, а другой эмоционально жестикуюлировал, как Ленин на броневике.

— Да ну, что ты, Олегыч, не кипятись — она же по телефону не видит, с кем говорит. — Водитель вальяжно крутил руль, объезжая неровности и ухабы грунтовой дороги, идущей вдоль электроподстанции от деревни к городу. — Ей ведь если говорят, мол, лежит, стонет, за сердце держится, встать не может — она и передаёт вызов нам, реанимационной кардиобригаде.

— А спросить не судьба, не пил ли этот «сердечник» месяц без просыху?

— Ну, так ей же об этом не сказали. Да и на месте диспетчера я бы тоже это... того! Потому и перестраховываются.

— Вот если с пожарными или полицией так перестраховаться, то тебе потом мало не покажется! Ты видал, чтоб на какого-нибудь обормота, который в подъезде насрал, наряд СОБРа вызывали? Вот и я не видел, а вдруг он террорист и на самом деле бомбу заложил? Перестраховаться же надо! А алкаша похмельного, которому надо дать рассолу, а потом по морде, должна спецбригада реанимационная пользоваться? Причём ещё ладно бы рядом с нашей подстанцией было, а то в это захоластье ехать, где каждый второй — алкаш, а каждый третий — ээк... В ж...у! — Врач зло выбросил окурок в окно.

— А как же клятва Гиппократа? — саркастично усмехнулся водитель, но тут машина подскочила на кочке и сама собою включилась сирена.

— Слышь ты, демагог! Ты мне тут софистику не разводи, а лучше выключи эту шарманку, иначе тут реально вся округа с приступами сердечными сляжет!

— Да я пытаюсь! Заело что-то... — Водитель свирепел прямо на глазах, пытаюсь выключить сирену, но та не поддавалась и вопила почём зря. — Побрал бы чёрт этих синеботов с их дорогами! Чем пить-то без просыху, так лучше бы ямы завалили!

— Чем? Бутылками? — съехидничал доктор.

— Да хоть бы и бутылками! В курсе, что в Верхнекамском районе пожарные только туда ездят, где дороги хорошие, а где плохие — не ездят? Так и нам надо! — Сирена наконец выключилась, и машина «скорой» свернула с ухабистой грунтовой дороги на разбитую асфальтовую, которая вела в город.

Двери электрички закрылись. Приятный, но холодный женский голос объявил:

«Осторожно, двери закрываются! Следующая станция — Киров». Поезд тронулся.

— Здравствуй, Леночка! Как дела?

— Привет, Нин. Да ничего, жива-здоровая, слава богу. Вот из сада еду, последние помидоры собрала — пусть дома краснеют, в цвет входят. За Юрку только своего беспокоюсь — он в этом году никуда не поступил. Теперь боюсь, что в армию загребут...

— Ну, сейчас служить только год — условия лучше и контроль за этим строже. — Нина хотела добавить что-то ещё, но, словно пожевав с закрытым ртом свои мысли, решила сдержать их при себе. — Нет, твоего Юрку, конечно, жалко, он ведь парень умный, толковый — чего он в педагогический не поступал?

— Да как вожжа под хвост попала — говорит, если учиться, то у лучших! И отправил документы только в МГИМО, МГУ и СПбГУ — отовсюду отказ. Да и слава богу! Вот где бы мы с отцом денег взяли, чтобы он в Питере или Москве жил? Так что, может, оно и к лучшему — глядишь, дурь из него в армии повыбьют, гонон сойдёт. Тем более служившим какие-то льготы положены.

— Это ты верно говоришь, в столичные институты теперь провинциалам сложно поступить. Слышала, что они с ЕГЭ делают? Тут вопрос подняли, что, если экзамен у нас единый, так пусть он будет одинаковым для всех.

— Это как?

— А так, что разные регионы решают разные варианты. Вот, к примеру, математика та же, задание из геометрии: если у нас в области дети находили площадь круга, то московские ребята искали площадь квадрата.

— Но это же нечестно! Квадрата площадь любой считает, а круга формулу я не помню. Ведь два Пи умножить на радиус?

— Это не площадь у тебя получится, а длина окружности. Площадь чтобы найти, надо Пи умножить на радиус в квадрате. — Нина посмотрела на подругу, поджала губы и кивнула головой. — Вот и выходит, что ты, учитель физики, экзамен не сдала или получила балл ниже, чем столичный школьник. А чего? Ему задали найти площадь простой фигуры и тебе задали площадь простой фигуры.

— Да, нехорошо выходит, несправедливо... Ой, я ведь какого страху натерпелась! До сих пор дрожу. Сейчас с сада иду, мимо забора где, знаешь? И тут передо мной прямо из кустов выскакивает парень молодой — лет двадцать максимум. Кавказец какой-то или азиат — я в полумраке не разобрала, чёрненький такой. Глаза выпучены, весь бешеный — меня увидел, заорал и в лес убежал, дороги не разбирая. Я уж к платформе-то в обход пошла, чтоб через деревню — там хоть в окнах свет горит, люди живые есть. Вот что он там в кустах делать мог? Может, больной?

— Нет, не больной это, а наркоман. Или продавец-закладчик. Сейчас ведь знаешь, они не из рук в руки продают, а в подъездах, во дворах прячут, а потом покупателю только координаты сообщают — тот идёт и забирает. Но в городе свидетелей много, там их милиция гоняет, а здесь, на окраине, им и вольготно. Так что спугнула ты его, и хорошо, что всё обошлось. Ты одна бы не ходила тут вечерами, а то мало ли — если эти у вас там повадились, то добра не жди.

— Ой... Конечно, я теперь без мужа в сад одна не поеду... А парень-то симпатичный такой, только испуганный. И наркоман... Нет, лучше бы в армии служил. Пропадёт ведь ни за грош.

— Жалко их, конечно. И чего они вот все тут забыли? У них ведь там тепло, там фрукты, там море, а тут у нас что?

— Ну, не скажи. Вот я сегодня шла — такой воздух вкусный — хоть ножом режь и в банку на зиму оставляй! Когда вот вся эта прелая листва, свежесть от речки, запах дыма... Словно последняя улыбка природы — грустная, но очень красивая. У меня даже голова кругом идёт! И зачем им все эти наркотики, когда благодать такая кругом?

Тот же голос из динамика: «Киров. Конечная остановка».

— Ладно, пока. Вон меня Миша на перроне ждёт — побегу.

— Пока! А я посижу, подожду, пока все выйдут, — оно хоть и последней, зато не толкаться.

18.09.201... года. Киров

Сергей свернул с железной дороги не направо, в сторону деревни, а налево, на запасную боковую ветку и по ней, мимо разграбленных и разрушенных кооперативных гаражей, вышел на примыкающую к заво-

ду промзону. Завод когда-то имел всесоюзное значение: под прикрытием сельскохозяйственного машиностроения он выпускал изделия, предназначенные для самых решительных и окончательных битв, но не всегда за урожай. Теперь этот завод выпускал шпингалеты, плохие дверные замки и фрезерные станки. Говорили, что в последние годы заработали линии, брошенные ещё до Перестройки, и там снова наладили выпуск разных специальных изделий крайне узкого спектра применения, но широкого воздействия. Да говорят, что в Москве кур доят.

Сам завод начался тут тогда, когда страна, любившая отмечать свой сельскохозяйственный праздник в октябре, озадачилась приобретением новых и обширных угодий. Его неустанная работа в три смены изрядно поспособствовала тому, чтоб переломить хребет неуёмному аграрию, когда тот успел подмять под себя чернозёмы и уже двинулся к чёрному золоту: подсечно-огневое земледелие принесло ему заслуженные горькие плоды.

Пройдя мимо завода, Сергей сел на скамейке конечной остановки, отдышался. Достал телефон из кармана, вышел из режима полёта и набрал номер друга:

— Гендос, здорова! Слушай, можно у тебя переночевать сегодня, а?

— Да чо ты, Серёг, какой вопрос? Ты один будешь?

— Да, один.

— Тогда, конечно, приходи. А что случилось?

— Да долго рассказывать, ерундовина одна тут вышла... Лучше при встрече, ок?

— Ну ладно, при встрече — так при встрече. Только я сейчас не у себя живу, у матери.

— Блин, а если я приду, то это удобно будет?

— Да, конечно, не парься. Она даже рада будет тебя повидать.

— Ну, раз так, то жди. Скоро буду.

Синий троллейбус, который идёт на Восток, вкрадчиво отворил двери и повёз своего пассажира долгих девять остановок через мост мимо парков, парковок и панельных многоэтажек. На пятой остановке была школа, где Сергей с Геной вместе учились. Вот за этими гаражами они с Геной сражались на палках, а спустя пару лет вместо контрольной по алгебре курили сигареты из мягкой пачки и слушали один на двоих плеер, который пел про куклу колдуна и о том, как мужики ели мясо...

Троллейбус снова безапелляционно отворил двери у бывшего кинотеатра «Восток», и Сергей пошёл к знакомому, но хорошо забытому дому, из которого Гена съехал лет восемь назад, чтобы снимать малосемейку. Теперь он снова вернулся под крыло матушки.

Открытая дверь с домофоном, второй этаж без лифта. Всё тот же звонок с чирикающей птичкой, всё та же дверь, всё та же ручка... Говорят, организм

человека полностью обновляется за семь лет, то есть за это время в нём не остаётся ни одной прежней клетки — ни в его костях, ни в глазах, ни в мозге. То есть человек уже не тот, каким был, — он становится копией себя самого, приобретая новые или теряя свои старые качества и свойства. Вещи же остаются неизменными, точно такими, какими были в самом своём начале, и поэтому лучше людей помнят прошлое. В сущности, вещи людям для того и нужны — чтобы быть рукотворным и осязаемым свидетельством того, что это прошлое действительно с ними было. Вот и Сергей сразу вспомнил шкаф, коврик, полку для обуви и весенний пейзаж маслом на стене. Как будто ничего и не изменилось. Это чувство прошло приятной немотой по сердцу и понравилось Сергею. Только радушный Гена казался каким-то потускневшим.

Из кухни радиоприёмник сообщил бравым мужским голосом: «Мы долго готовились к увеличению пенсионного возраста и подошли к этому только сейчас, в том числе потому, что созданы условия для продолжительности жизни в рамках программы 80+».

Сергей, насладившись чувством того, что время над ним не властно, наобум брякнул:

— Блин, давненько я у тебя здесь не был. Лет, наверное, десять?

— Может, даже больше... Кажется, тем летом, после выпускного, когда помогал нам обоим из магазина тащить.

— Точно! Это же, значит, сколько же... Тринадцать лет, что ли? Кажется, будто вчера было. — Сергей нежно провёл ладонью по стене, как будто гладил большое и доброе животное. Наверное, Вещий Олег также прощался с любимым конём. — Обоим-то те самые?

— Да, это они. Обветшали, но всё ещё ничего. Держатся.

Сергей пристально взгляделся в рисунок на стыке:

— Помню, тётя Лариса их тогда чуть не полдня выбирала, хотя там и десятка образцов не было. Ведь чуть не в лупу на них глядела, примеряясь. Скрупулёзно к делу подошла.

Радио продолжало вкрадчивым, но уверенным голосом: «...тем, кому предстояло выходить на пенсию по старому законодательству в ближайшие два года, установить особую льготу — право оформить пенсию на шесть месяцев ранее нового пенсионного возраста. Для примера, человек, который по новому пенсионному возрасту должен будет уходить на пенсию в январе следующего года, сможет сделать это уже в июле года текущего!»

— Ты ещё не видел, как мы с ней их тогда клеили, — ведь целая история была! Чуть не с логарифмической линейкой каждый кусок, с радианами, с поправкой на ветер и геомагнитное поле. Она перед этим мероприятием кучу всякой литературы о ре-

монте проштудировала, чтобы досконально процесс понимать, — я себя всё то время, что шла работа, чувствовал, как будто в лаборатории секретного института: всё по граммам, и не то что минутам или секундам, а по терциям! Потому и ни одного стыка не увидишь — всё по орнаменту, крапинка в крапинку и ни одного подтёка. И за тринадцать лет нигде ничего не отклеилось, ни одного пузыря не образовалось. Вот разве что обветшало, но это уж время. Ничего с этим не поделаться.

Радио заговорило женским голосом: «Человек, который дольше сохраняет профессиональные стереотипы и дольше находится в строю, он, как правило, по своему биологическому возрасту моложе тех, кто рано оставляет профессиональную деятельность».

— Пошли кофе пить, чего тут в коридоре стоять?

Когда они вошли на кухню, Гена первым делом выключил приёмник. Потом включил чайник и, пока тот закипал, насыпал кофе и сахар в чашки. На улице было уже темно, и оранжевый свет фонарей делал улицу загадочной, таинственной и манящей.

Сергей звучно отхлебнул из чашки хороший, но не такой душистый, как тринадцать лет назад, кофе:

— Кстати, где тётя Лариса? Я думал, что она как белый человек до пяти работает, а сейчас уже девять с копейками.

— Так она не там уже работает, в другом месте. После десяти придёт.

— А почему она с молочного комбината уволилась? Ведь начальницей немаленькой была, отделом маркетинга руководила, да? — Молчание Гены Сергей принял за признание своей правоты. — Да и на работу ходить, считай, через дорогу. Или, погодика... Ей ведь на пенсию вроде ещё рано?

— Ну, как тебе сказать... Ты разве не в курсе, что молкомбинат объединился с агрофирмой?

— В курсе. Когда агрофирму пару лет назад москвичи купили, то лихо развернулись — реклама там, магазины фирменные на каждом углу. Под себя, слышал, много частных подмяли, которые оказались в сфере интересов. Слухи ходят, что главный в агрофирме с губернатором на короткой ноге. Но к Ларисе Евгеньевне это какое отношение имеет? Если фирма стала в два раза больше, то и отдел маркетинга должен стать в два раза больше, разве нет?

— Ну, во-первых, не в два, а в полтора. У агрофирмы свой отдел был, у комбината свой и у каждого свой руководитель. Теперь отдел один и двух руководителей ему не надо.

— Вот оно как... Я даже и не подумал. Но ведь она у тебя специалист большой — и по президентской программе училась, и на симпозиумы какие-то ездила?

Глаза Геннадия широко раскрылись, а раздувшиеся ноздри, казалось, втянули в себя весь воздух в округе:

— Да в девяностые без неё бы весь этот комбинат грёбаный на металлолом разобрали, чтобы в нулевые на руинах парковку с торговым центром построить! Я же знаю, что это она завод на себе вытащила. Из принципа вытащила, чтобы своё не пропало, чтоб родное и настоящее было, а не федеральная стерильная и выхолощенная химия, которая даже не киснет. Чтобы наше село не погибло, чтобы фермеры в менеджеры и охранники не подались! — Гена ударил ребром раскрытой ладони по столешнице.

Сергей внимательно и нарочито медленно, чтоб немного охладить пыл друга, оглядел немудрящую кухню:

— И удержала на плаву эту баржу дырявую, а потом на голом энтузиазме вывела её во флагманы... А про агрофирму стало что-то слышно только тогда, когда туда деньги пришли столичные. С деньгами-то и дурак может.

— Дурак-то может, но если бы только в деньгах было дело. Этот последний год — просто какой-то кромешный ад: круг за кругом и дальше всё хуже. Со смерти отца началось. Мать через неделю после похорон стала его вещи разбирать и нашла какие-то древние любовные письма. Будто бес в неё тогда вселился: бегала, рвала их, кричала, а потом у неё что-то с сердцем случилось — на диван упала и встать не может: тяжело дышит, за грудь держится и почему-то кашляет. Я «скорую» вызвал, но она в больницу ехать отказалась. Тогда врач ей валидола какого-то дал и велел в поликлинику сходить. Она потом всю ночь плакала. И ведь главное: письма всё старые, советские — я по обрывкам понял, что это отцу писали, когда он в армии служил. За каким чёртом он их хранил вообще? Потом мама пошла на диспансеризацию и крепко поругалась с терапевтом, к которому лет десять до этого ходила. Даже жалобу на него в министерство написала и в другую поликлинику определилась.

— Что ж ей врач такого сделал? Конечно, она у тебя женщина серьёзная и строгая даже, но чтоб в министерство...

— Ей предварительно поставленный диагноз не понравился. Само подозрение... Сам не знаю, она мне не сказала. Говорила потом, что если ему самому делать нечего, то пусть и ходит по невропатологам, а у неё и свои заботы есть. Но дело даже не в этом. Дело в том, что об этом как-то начальница отдела маркетинга агрофирмы прознала, а у неё племянник в полиции служит. В общем, спустя пару недель к нам приходит пьянущая соседка и давай к матери лезть, внаглую требовать денег, как будто бы та ей должна. Мать, естественно, её взашей вытолкала, но тут по лестнице поднимается полицейский. Алкашка давай кричать, мол, убивают, долг не возвращают и отправилась побои снимать. Мент тот с мамой поговорил, успокоил, мол, понятно, кто ж ту пьяницу не знает, а

потому нечего и внимания обращать. Через неделю к матери на работу приходит повестка в суд по делу о побоях...

— То есть повестку не домой принесли, а на работу?

— В том-то и дело, что на работу. Чтобы точно прознали и чтоб матери дополнительный стресс. Мама спокойно собралась, даже мне не позвонила — думала, формальность на полчаса. Но там ей как предъявили, что на алкоголицу ту она набросилась, когда та просто по лестнице поднималась. Потом из прежней поликлиники какую-то мутную справку прислали, и поэтому выписали ей постановление на принудительное психиатрическое обследование и прямо из зала суда её под конвоем отвезли в натуральный дурдом. Телефон у ней отобрали, поэтому мы только на следующий день узнали, где она и что с ней, а пока по инстанциям ходили с жалобами и ходатайствами, то срок её обследования и прошёл.

— То есть вот так вот запросто упрятали здорового человека в психушку без права на переписку?

Гена криво и очень грустно усмехнулся:

— С их точки зрения выходило, что не упрятали, а госпитализировали на обследование. То есть посещать обследуемую можно, передавать посылки тоже — их не досматривали даже. Её там электрическим током не били, в простыню не заворачивали, галоперидолом не накачивали — просто тесты разные, обследования, анализы, пустырьник и не более того. Потом и телефон вернули... Как жаль, что похороны отца все средства вытянули и на нормальному адвокату денег не было. Решили с родственниками сами обойтись и вот — обошлись, блин. Знал бы я сразу, так кредит бы взял... Главное, обследование её абсолютно нормальной признало, алкашка от претензий отказалась, а дело закрыли за отсутствием события преступления, но после такого стало ясно, кого из главных маркетологов сократят. На мать потом смотреть нельзя было — призраком, тенью самой себя стала. Я, кстати, потом узнал, что та змея подмосковная и после психушки боялась, что её попросят подвинуться, поэтому ещё подстраховалась: опеку над внучкой оформила. Прикинь, она заставила родную дочь отказаться от прав на ребёнка в свою пользу, чтобы стать опекуном несовершеннолетнего, а такую уже по закону сокращать нельзя. Охренеть, да?

— Слушай, но неужели Ларисе Евгеньевне во всём огромном холдинге другой работы не нашли?

— Нет, ну конечно же работу ей предложили. Предложили так, чтоб она отказалась, — в этом же отделе работать под началом подколodной калоши. Мать, само собой, этой вакансией не соблазнилась. После она два месяца на пособии просидела и пошла работать старшим продавцом в бутик обувной. Сапоги там, туфли, ботинки, средства ухода. Там у неё

вышел конфликт с покупательницей... Ты тот ролик в «Новостях» не видел?

Сергей отрицательно помотал головой.

— Ну, не много потерял. Конечно, мама неправа была, потому что прав-то всегда клиент, но та же её явно спровоцировала, чтобы хайпа словить и канал свой убогий раскрутить. И хотя под видео большинство комментариев было в поддержку мамы, мол, ещё не так этих малолеток надо, но после этого мама полгода не работала. Тогда я и переехал, боязно за неё стало. Очень она изменилась, ведь то, что раньше можно было назвать просто горячим темпераментом, в форменную истеричность переросло. Но иногда такие сантименты на неё находят, что только держись — даже когда я совсем маленький был, такой заботы и внимания не припомню... Но всё равно она дома сидеть не хочет — пошла работать кухонной рабочей в кафешку: овощи чистить и посуду мыть. Говорит, что когда люди вокруг, то ей проще и что она так скорее в себя придёт. Кстати, она уже минут пятнадцать как должна бы домой прийти.

В дверь раздался звонок. За ней стоял запыхавшийся и как будто не в себе мужчина средних лет. Под руку он держал трясущуюся и вяло улыбающуюся в пустоту Ларису Евгеньевну.

— Здравствуйте, дядя Витя... Что случилось?

Гена взял мать за руку. Она посмотрела на него и бессмысленно отвела взгляд.

Сосед порывисто и с опаской оглядел незнакомого ему Серёжу с ног до головы и повернулся обратно к Гене:

— Ты, это... Вот — принимай. Я, главное-то, сижу на кухне и слышу — на площадке кто-то плачет. Выхожу, а там Лара сидит. Я ей, мол, что случилось-то, обидел, что ль, кто, а она меня будто не узнаёт и спрашивает, почему её квартира не восемь, а шестнадцать? Я говорю, потому что подъезд не твой, а мой, но она будто и не слышит. Короче, вот. — Он за плечи подтолкнул Ларису Евгеньевну к сыну.

Гена трепетно обнял мать, которая всё так же дрожала:

— Спасибо, что помогли ей.

— Да я что, тут бы каждый... Если что, то я ведь всегда рад... Может, «скорую» вызвать?

— Нет, большое вам спасибо, дядя Витя!

Дверь поскорее закрыли и усадили Ларису Евгеньевну на диван. Разглядев Серёжу, она, как показалось, очень обрадовалась ему и с потерянными виноватым взглядом прошептала:

— Ты не думай, я только рыбки поем, посплю — оно всё и пройдет. Это ерунда всё.

Сергей шепнул Гене на ухо:

— Надо бы того, первого терапевта навестить...

— Чего-то типа этого я и боялся...

Ларису Евгеньевну напоили пустырьником и уложили спать. Было видно, что именно сейчас Гене не

до своего друга, он даже будто и забыл о его присутствии. Поэтому Сергей очень удивился спустя пару минут, когда Гена, словно сбросив с себя груз тяжких идей и дум, расправил затёкшие под гнётом скорби мысли, непринуждённо улыбнулся:

— Ладно, а что у тебя-то стряслось? Тебе-то почему дома не спится?

— Да как тебе сказать... — Сергей вкратце пересказал Гене историю с садом Иваныча. За время пересказа вновь включенное радио дважды передало сигнал точного времени.

— Слушай, мне кажется, что это всё не случайно...

— Да тут не в том дело, случайно или нет, а в том, что я неслабо подставился и теперь мне ноги надо на вахту уносить — чтоб подальше и чтобы подольше.

— Думаешь, поможет?

— Есть другие предложения? Если Елена Юрьевна даст показания, то мне крышка. Тем более что они и так уже с сиреной по деревне катаются.

— Так и видела она тебя не у него на участке с канистрой, а под забором. В случае чего, иди в отказ и стой на том, что просто пьяный там валялся, а от её шагов очнулся. Очнулся, вспомнил, как в восьмом классе она тебе как раз именно такое подзаборное будущее пророчила, и поэтому ты от неё бегом и убежал.

— Слушай, вообще-то ты прав. Наверное, оно так и есть, но я всё равно боюсь. Вот если какой-то след остался, отпечаток или улика, а меня в оборот возьмут? С другой стороны, работы у меня всё равно нету, а так я двух зайцев убью — и денег заработаю, и от ментов отгребу.

— Ну, может быть... Только я тебе чем помочь могу?

— Блин, теперь я даже и не знаю, у тебя своя беда такая...

— Беда-то беда, но я к этому готов был давно. Сейчас ведь всё равно ничего не сделаешь — «скорую» вызывать бесполезно, поэтому пусть пока отоспится, а через пару дней я с ней к неврологу пойду. Развеяться мне надо, Серый! Переключиться на что-то. Хотя бы и на тебя.

— Тогда надо мои вещи и документы из дома забрать. И с котом что-то решить...

— Пф... Хорошо, что ты не какой-нибудь Хаттаб, чтобы вокруг дома ФСБ в кустах.

— Скажешь, блин, тоже! Короче, зайди ко мне домой, возьми документы — они в сумочке небольшой лежат, типа барсетки. Брезентовая такая. Шмоток возьми, которые поздней осенью пригодиться могут — там спортивная сумка лежит. И — во! Ты в сумку сначала документы положи, а сверху одежду. Если вдруг, мало ли кто тебя спросит, чего ты ко мне ходил, то скажи, что свою рабочую одежду забираешь. Да, и зарядку для телефона с наушниками не забудь.

— Завтра тогда съезжу. Но что с котом делать? Может, я его к себе заберу, пока ты в бегах вахтуешь?

— Он и тебя тут с ума сведёт... — Сергей осёкся, но Гена сделал вид, что ничего не заметил.

— Тогда без проблем.

Когда Лариса Евгеньевна уснула, Сергей достал из кармана объявление о вахте, повертел его в руках и, собравшись с духом, набрал номер.

Бодрый женский голос в трубке радостно приветствовал Сергея:

— Здравствуйте! Вы позвонили в аутсорсинговую компанию «Работа всем». Если вы хотите решить вопрос трудоустройства, нажмите «1». Если вас интересует поиск персонала, нажмите «2». Если вас...

Сергей нажал «1», и голос стал вкрадчивым и участливым:

— Вы хотите решить вопрос трудоустройства. Ожидайте оператора на линии... четыре минуты, — закончил уже какой-то совсем другой голос.

В продолжение этого времени Сергей слушал неопределённую музыку в трубке и рассматривал так удачно и добротнo подогнанные друг к другу обои.

Наконец на той стороне провода отозвались:

— Меня зовут Виктория, компания «Работа всем», здравствуйте!

— Здравствуйте! Звоню вам по объявлению, по поводу вахтовой работы...

— Что бы вы хотели узнать и как я могу к вам обращаться?

— Меня зовут Сергей Чулымов, я хотел бы узнать, о какой конкретно работе идёт речь, а то в объявлении всё как-то расплывчато.

— Тут дело вот в чём. У нас обширная база работодателей Москвы и Московской области, которая ежедневно пополняется новыми вакансиями, и ежедневно к нам едут со всей страны специалисты, которые эти вакансии занимают. То есть та вакансия, которая актуальна в данный момент, может быть занята уже через несколько минут. Зачем я буду вас обнадёживать или расстраивать, ведь ещё через пару минут появится новая и наверняка лучшая вакансия, правильно? Поэтому вы уже на месте, в офисе с тьютором всё решите.

— С тьютором?

— Да, с вашим персональным наставником. К тому же предложение работодателей всегда превышает спрос, так что в любом случае вам будет из чего выбрать. В вашем распоряжении будут как вакансии без специальной подготовки, а именно разные грузчики, упаковщики, разнорабочие, дворники, так и из должностей квалифицированных: повара, кровельщики, монтажники и прочее. Компания предоставляет комфортабельное жильё, обеспечивает питанием, помогает и способствует оформлению необходимых документов, если такие понадобятся.

— А сколько платите?

— Оплата труда, как и вакансии, соответственно, тоже разная, но не менее, чем шестьдесят тысяч за два месяца, которые вы получите по окончании вахты. Но это минимум, на практике редко кто работает меньше, чем за сорок тысяч в месяц. Также выплачиваются еженедельные авансы и различные бонусы.

— А график работы какой?

— В зависимости от объекта, но вы всегда можете подстроить его под себя, ведь мы охотно идём на встречу. Хотите — работайте пять на два, хотите — два на два, а можете и вообще без выходных.

— Хорошо, а где вы находитесь?

— Станция метро Новослободская, Вторая Милуская улица, дом 12, корпус «б», цокольный этаж. Работаем каждый будний день с восьми утра до шести вечера. Я вам сейчас отправлю сообщение с адресом и контактами. На собеседование лучше приходить в первой половине дня, тогда уже к вечеру мы сможем определить вас на объект. Сергей, я ответила на все ваши вопросы?

— Значит, минимум шестьдесят тысяч за два месяца, проживанием и питанием обеспечивают? Я всё верно понял?

— Да, всё в точности так.

— Большое вам спасибо! Думаю, что уже послезавтра буду у вас.

— Тогда отлично! До встречи, Сергей!

Ещё до полудня Гена вернулся из деревни:

— Короче, вот тебе твоё барахло. Никаких ментов не было, а была «скорая», к одному алкашу зывали. Засады нет, я с соседями поговорил.

— Фак! Ты что, с ума сошёл?

— Да меня тётя Тамара захватила — полчаса по ушам ездила про коз своих, про собак, про капусту и про соседа-бандита. Я ей, мол, вот ведь случись чего, так к вам сюда ни милиция, ни «скорая» не проедет. Она мне говорит, «скорая»-то ещё ничего, ругаются, но ездят, а вот ментов ждать нечего. Звонишь им: «Убивают!», а они отвечают, что раз ещё не убили, то и нам делать у вас нечего. В том году у соседа хулиганы окно выставили, так участковый к ним только на третий день приехал. А не жарко было, начало апреля: они, бедные, с окном разбитым три дня сидели и потом ещё день ждали обещанных криминалистов.

— Но ведь она со мной рядом живёт, через забор. Может, они сирену потом включили?

— Может быть, и так. Чего им тоже — не Япончика ловят. Поди, сирену-то «скорая» включала?

— Это к алконавту-то на вызов? Удивительно, что вообще приехали.

Сергей принялся рыться в сумке:

— Ага, всё, кажется, на месте. Паспорт, полис, пенсионное... Военник тоже тут. Нормально! Я тогда сейчас на вокзал, там поезда и дождусь.

— А чего это так рыбой пахнет?

— Лариса Евгеньевна очень просила рыбки — я ей мойвы пожарил с луком. Опять спит.

— Ну и хорошо, значит. Блин, может, тебе так с этой Москвой не пороть горячку — переждал бы у меня ещё пару дней, а там бы я ещё в деревню съездил, разузнал бы, что к чему.

— Понимаешь, я Елены Юрьевны боюсь и нерасторпности наших ментов. Видела она меня и не могла не узнать, а когда её опросят — чёрт его знает. Может, вообще через неделю. Сам же говоришь, что те с выбитым окном ментов три дня ждали. И ведь они, наверное, участкового теребили, а Иванычу оно не больно-то упало — заявление написал, и баста. Не хочу сидеть на измене месяц и каждого шороха бояться. Да и денег заработать хочу, приятное с полезным совместить.

— Ну, как знаешь. Чур чего, тогда — до связи!

19.09.201... года. Плацкартный вагон. Киров—Москва

«Возможно, на тебя смотрит миллионер!» Это такая наклейка на зеркале в туалете плацкартного вагона. Наклейка пропагандирует железнодорожную лотерею, а в зеркале отражается печальное и уставшее лицо Сергея. Интересно, сколько людей соблазнилось и приняло участие в этом мероприятии? С одной стороны, от надписи веяло какой-то вахтёрской уверенностью и она очень гармонично вставала в один ряд с табличками, оспаривать правомерность которых бессмысленно: «Не курить!», «Не прислоняться!», «Ногами на унитаз не вставать!». И, если судить по шрифту и стилистике, повелительно-указующие таблички и рекламу розыгрыша делал один и тот же дизайнер. Причём делал пакетом, скопом, гуртом и за одну и ту же зарплату. Из-за этого казалось, что вероятность увидеть в зеркале миллионера была сопоставима с вероятностью испортить биотуалет или получить штраф за курение. Но, с другой стороны, чтобы не курить и ломать унитазы, никаких усилий прилагать не нужно. Значит, не было смысла участвовать в лотерее, потому что смотрящим миллионером ты являешься так же, как ты являешься тем, кому не стоит прислоняться к дверям и вставать на унитаз ногами.

Поэтому возможный миллионер смыл следы своего пребывания в пахнущий хлоркой биотуалет, который оголтело всосал полученное с жутким хлопком и будто холостым контрольным выстрелил в пустоту. Потом миллионер вымыл руки не пригодной для питья технической водой и почистил зубы. Ведь если пить нельзя, то полоскать же можно? Но реклама лотереи всё равно примеряла на смотрящего шкуру миллионера: как было бы здорово вырвать без боя у судьбы кусок, который тебе не принадлежит! Ку-

сок, которого ты не заслужил и который всё равно не пойдёт тебе впрок. Так что Сергей решил в лотерею не участвовать. Он вышел из туалета и, пройдя несколько метров вдоль торчащих в его сторону разнокалиберных пяток, сел за откидной столик, достал из рюкзака кружку, вынул из нагрудного кармана пакетик чая и пошёл в другую сторону вагона за кипятком снова мимо пяток, обмундированных в носки самых разных цветов и фасонов.

— ...что президент РЖД плацкартные вагоны назвал стриптизом коллективным, поэтому...

Набрав кипятка из титана, похожего на какой-то адский механизм, сочинённый сумрачным гением на погибель человекам, Сергей заварил чай. Вагон постоянно дрожал, шатался, кренился в разные стороны, и сохранить равновесие стоило немалого труда.

— ...значит, пусть он в своих шубохранилищах этим и занимается, потому что иначе...

Сергей вернулся на своё место и сел лицом в направлении движения поезда. Хотя было уже темно, но движение за окном чего-то невнятного и таинственного в своей непрерывности казалось умиротворяющим, а изредка мелькающие огни семафоров казались чекпойнтами, золотыми воротами из компьютерных игр детства, и это успокаивало — значит, ещё один шаг к цели сделан.

На следующем перед Сергеем нижнем боковом месте сидел одетый в тельняшку мужчина лет пятидесяти в очках и с бородой. Мужчина пил чай из стакана в подстаканнике и читал потрёпанную книгу, изданную в те времена, когда ещё не севшая на нефтегазовую иглу страна приходила в себя от первого полёта человека в космос. Материал переплёта этой книги был каким-то совершенно привычным, но при этом непонятным — это была не ткань, не кожа, а нечто среднее. Вроде вещь повсеместная и привычная, а как назвать и что это вообще такое, и знать не знаешь. Оттого и неловко, потому что стыдно осознавать, что и привычных-то, обыденных вещей не знаешь. На обложке было написано «Вещий», а вот следующее слово было закрыто ладонью читающего.

Соседями Сергея сбоку были двое: похожий на сильно обрусевшего итальянца худощавый и неприятно небритый мужчина лет сорока, а напротив его полки суетилась примерно тех же лет статная женщина в очках — неотразимо яркая блондинка с землистого цвета лицом в оспинах.

Расстелив на столике газету, женщина достала из сумки что-то завернутое в целлофан и напоминающее батон колбасного сыра. Она нарезала его под углом тонкими ломтиками и внутри, как начинка в рулете, оказалась колбаса с мелкими вкраплениями жира. Всё это время мужчина сидел с толстым сборником сканвордов на коленях, но ручки у него не было.

Совершив тот же, что и Сергей, отважный поход за кипятком, женщина насыпала в кружку кофе «три в одном» из пакетика, томно посмотрела вдаль.

— Вы не в курсе, скоро остановка? — спросила она у потрёпанного «итальянца».

— Если чтобы покурить выйти, то до Нижнего терпеть придётся. — Плацкартный челентано деловито посмотрел на циферблат наручных часов, которые он достал из кармана треников. — Значит, ещё шесть часов ехать.

— Тогда нам остаётся только кофе пить. — Женщина положила обе ладони на столик. — Давайте знакомиться, что ли, дорога ведь не близкая? Меня Марина зовут.

— А меня Леонид, — он поперхнулся. — Лёня то есть.

— Очень приятно, Лёня. Вот, угощайтесь. — Марина обворожительно улыбнулась.

Мужчина, заметно стусевавшись перед этой улыбкой, недоверчиво взял кусок и разглядел внутри сыра колбасу:

— Ничего себе! Два в одном!

— Да, мы любим удивлять аудиторию, на которую нацелены, — при этих словах Лёня покраснел и положил ногу на ногу. Заметившая это Марина продолжала: — Я в Москву еду, командировка от колбасного бутика «Шилкрафт». Буду выставять и демонстрировать прелести и деликатесы нашей компании: салями из кабана с белыми грибами, сыровяленые чипсы из оленины, чоризо из медвежатины, бобринный брегенвурст, мортаделла из тетерева, брауншвейгская из лосятины и кабанятины, сырокопченая колбаса из гуся с коньяком в сыре а-ля грюйер... Вот она, как раз на столе. Ну, чтоб вы знали, что едите. Вкусно?

— Да просто объедение! — Обалделый замухрышка заёрзал на койке.

— Всё натуральное, настоящее. Своё то есть, вятское. — Сложив руки на груди, блондинка посмотрела в окно, словно позировала для портрета. — У нас налажена работа с промышленниками, и в этом деле мы первые если не в России, то в нашем регионе точно. Правда, выхода на большие сети пока нет — у нас ведь рука руку моет, поэтому, может быть, в столице и получится найти свою нишу, выйти на рынок и заинтересовать бизнес-партнёров, а у себя дома... Но не будем о грустном. Вот вам, например, понравилось?

— Очень вкусно, говорю же. Думаю, такое вот многих заинтересует.

— Да вы больше берите, не стесняйтесь! Вороне бог послал не один кусок.

Губы мужчины скривились, будто он одновременно хотел плюнуть и выmaterиться, но не сделал ни того, ни другого:

— Ой, а вот о воронах не надо, ладно?

— Почему?

— Да Юлька, дочка моя, просто на этих воронах свихнулась — спасу нет. Читает про них с утра до ночи, прикинь, да? Пока её подруги по дискотекам, она какие-то мифы мусолит. Нормальные девки в кино ходят, по каткам разным, клубам, а ей ничего, кроме этой сволочи летучей, не надо. Она даже домашнего ворона заводила!

— Это ведь накладно, наверное? — с кажущимся очень искренним интересом спросила Марина.

— Ещё как накладно! На день рождения выпросила. Вот что нормальной девке надо? Правильно: телефон, платье, туфли, а этой... Главное, стоит-то он ни разу немало! Две моих зарплаты! Я ей сразу сказал: «Тебе надо, поэтому ты за ним и ходи. И чтоб он по квартире не летал!» Так он месяц у неё в комнате просидел и изодрал все обои, все подушки изнахратил, все углы загадил, а она в нём души не чаёт! Даже когда он ей из ноутбука все кнопки повывергал, она ему только пальчиком погрозила! И молча в мастерскую пошла. У меня не заикнулась даже на ремонт денег попросить. Но из терпения я вышел, когда он её в плечо клюнул, причём до крови аж! Она-то ничего, но я думаю, а если в другой раз он её в лоб или глаз? Изуродует ведь на всю жизнь, и куда я... — Он оборвался на полуслове. — В общем, пока она в школе была, я пришёл в её комнату, открыл окно и этого — метлой! Выгнал, окно закрыл, а потом стекло разбил, будто это птица сделала. Дочка три дня ревья ревела!

— Ох, извини, что прерываю, но не мог бы помочь мне достать матрац с третьей полки, а то я до этой верхотуры не допрыгну сама.

Леонид торжественно встал посередине первой полки и вытянулся, насколько хватило сил, Марина как будто совершенно случайно потёрлась плечом об его бедро. Когда же она заправляла койку, то опять же совершенно случайно, но надолго задержала свой призывно обтянутый пёстрыми леггинсами тыл ровно напротив лица Лёни. Леггинсы были неприлично меньшего размера, чем им бы следовало быть. От всего этого Леонид вспотел, в растерянности потёр рукой татуировку на левом плече со щитом, мечом и буквами «ПВ». Потеряв было нить разговора, но не имея сил молчать, он вспомнил и продолжил:

— Теперь боюсь, что на Новый год ещё одного птеродактиля выпрашивать начнёт. И разговоров у неё только о воронах! Сказки детские читает — то про Крабата, то про Ворона Вороновича, а раз друзей у неё нет, то эти все свои мысли и идеи она мне излагает — и что Черномор у Пушкина — это ворон, и про яблоки молодильные у ворона в саду, и про то, что Жар-Птица на самом деле ворон.

— Так она ведь на то и Жар, она яркой должна быть, чтоб светиться!

— И я ей о чём! Он же чёрный, говорю! А потому и чёрный, говорит, что единственный до Солнца долетел и жар его вынести смог, но только почернел, закоптился.

— Ну, логика, конечно, есть...

— Да что там логика... Я теперь знаю, что во время войны сам Черчилль велел воронов в этом... как его у них? Башня-то ихняя?

— Биг Бен? — что-то вспыхнуло в глазах Марины. Лёня сглотнул:

— Не, Тауэр, во. В этом самом Тауэре Черчилль воронов и подкармливал — англичане очень суеверные были и верили, что если вороны с насиженных мест снимутся, то будет беда. И что у Одина, бога чухонского, два ворона было — первый за него мыслит, а другой за него всё помнит. И у половины греческих богов тоже всё вороны — у Афины, у Аполлона, что у этого... врач-то который древний?

— Эскулап? — Марина поёжилась плечами, будто ей вдруг стало холодно, но Лёня увлёкся рассказом и ничего не заметил.

— Не, Асклепий! Во имечко-то, да? А запомнил, потому что каждый день по десять раз! Да фиг с ними, с греками! Чукчи наши, не спились ещё которые, думают, что мир ворон создал. Не знаешь, у них там на этом Севере вообще вороны есть?

— Там их если им только на выставках кто показывает, в зоопарках. А вообще Север — это же очень грустно и холодно. Как там люди вообще живут? Мне и в нашем климате очень холодно и зябко... — Марина уже обхватила себя за плечи и вся сжалась, как живописная Алёнушка, которой для полного несчастья в жизни не хватает только козлёночка. — Я на медсестру училась когда-то — мечтала в Пицунду уехать, в ведомственный пансионат. Там и платили хорошо, и климат хороший... Но потом Союз развалился, а следом и Пицунды, считай, не стало. Поэтому я бросила училище и пошла в бухгалтера. Но по специальности не работала совсем, всё только числилась. По сути, была то секретаршей, то директором исполнительным в масштабах двух киосков и одного подпольного цеха, а то и козой отпуска, на которую в случае чего шишки повалятся. Слава богу, что не получилось ни разу из меня козу ту сделать — обычно всё как-то само собой или закрывалось, или хозяина съедали рыбы покрупнее. Кажется, тут я тоже уже своё дорабатываю — кирдык конторе приходит, несмотря на эти все понты. Я Андрею Ивановичу, директору нашему, говорю, что лучше в Петербург ехать, ведь в Москве одни мусульмане да евреи, а продукция наша не кошерная и не халяль, но он уверен, что Питер — та же провинция, только с метро и музеями, а сила и деньги в Москве.

Марина грустно потупила глаза, вздохнула и, немного помолчав, продолжила:

— Но мне-то что? Лишь бы командировочные платили. А вообще поездка эта только манёвр перед

тем, как компанию продать выгоднее — мол, участники Экспоцентра, все дела.

— Вот что в Москве одни жи... евреи и мусульмане, так это ты в самую точку! Без них и у меня не обошлось! Юлька сейчас индейскую мифологию читает. Ага! Я ей говорю, что ни хрена своей мифологии у этих индейцев нет, всё у других народов спёрли, а может быть и не спёрли, а просто кто-то эти «индейские» мифы за самих индейцев выдумал. Выдумал, а теперь печатает и девочкам молодым, которые ещё ничего не понимают, подсовывает. Ведь этих чингачгуков, считай, и не осталось совсем — кого поубивали, а кого по заповедникам разогнали. А заповедники эти по другую сторону океана и уж сильно вряд ли, что моя Светка когда-то там окажется и спросит у первого встречного могикинина про его ворона любимого. А потом сам давай кумекать и понял, что к чему. Не в индейцах тут вообще дело, ими одно что прикрываться удобно. Ни за что не поверишь!

— Неужели мусульмане? — ещё только что такая беззащитная Марина распрямила плечи и скрестила на груди руки.

— Почему же мусульмане? Еврейские это всё проделки. — Леонид обрадовался, что удивил Марину, и торжествовал, как кочет на плетне. — Ты знаешь, что Христа меж двух разбойников распяли? Один его уважал, уверовал на кресте-то... Но не в первом дело, а во втором, который над Христом стебался. За эту глуму прилетел ворон и выклевал тому разбойнику глаз! Маленько непонятно, да? Тут штука в том, что был такой пророк Илия, тоже очень почитаемый... Илья-пророк ведь и мой покровитель! Я ведь в ВДВ служил когда... Но об этом потом. — Леонид снисходительно прищурился куда-то в район сомкнутых колен Марины. — Короче, дело в том, что пророк Илия вороном оборачивался и Христа в пустыне кормил. Понимаешь? Он и был тем вороном, который разбойника уконтрапунил прямо с неба! И я подумал о воронах вообще, без всей этой мифологии художественной. Тут и вспомнил, что нос у воронов огромный, и каркают они противно, и чёрные, и падальщики, и жадные очень, под себя гребут? — Довольный собой Лёня откинулся на койке, скрестил руки на груди. — Понимаешь меня теперь? Вороны — евреи мира животных! Жиды с самого детства пытаются детям внушить, что вороны хорошие на самом-то деле! Что и мудрые, что и добрые, чтоб верили им. Хитро действуют, не напрямую, а на подсознание, исподтишка... Зато наверняка! Вот тебе и Каркуша с самых яслей по телевизору, а как подрастёт — тут и Карыч. Думаешь, стихотворение у поэта По про ворона знаменитое такое потому, что уж очень написано распрекрасно? Нет! Потому что евреям на руку пришлось — они его и раскрутили, чтобы такие вот дурёхи, как моя, читали и думали...

Леониду казалось, что он производит на Марину грандиозное впечатление, поэтому он вспомнил телевизионное выступление какого-то генерала конца девяностых:

— Нет, ну сучье племя, а? Я бы их в окно выкидывал, вот прямо в темноту эту — на щебенку и под колёса! Так что, чёрный ворон, я не твой! — Лёня призывно подмигнул. — А бабы-то их, еврейские, они ведь когда...

— Подожди, я сейчас схожу мочалку выжму, — сказала блондинка, встала и ушла в сторону туалета. Там она миллионершу увидит.

Сергей наконец уснул и проспал тревожным, беспокойным сном, пока его не разбудили пьяные вопли:

— Что ты мне руки крутишь, гад? Ты на кого наехал, э? Слышь, пёс?! Знаешь вообще, кто я? Подрядчик, мля, в законе коронованный! Я нюх топтал! Погоны с тебя сниму!

Пока здоровенный полицейский выводил буяна из вагона, проводница объясняла его напарнику:

— ... Да, это он в туалете покурил, зеркало разбил и ещё какой-то пакет в вакуумном унитазе смыл. Теперь до Москвы никому туда не сходить... Конечно, я его предупреждала, но он же пьяный в стельку. Так что забирайте его, а потом он пусть как хочет, так от Нижнего и добирается.

Сергей вышел следом на перрон и молча смотрел, как упирающегося Лёню полицейские вели куда-то за здание вокзала. Дул холодный, пронзительный ветер, и полицейские были очень не рады ночной работе, поэтому Лёня несколько раз стукнулся о стену вокзала, которое в этом освещении казалось одинокой базальтовой скалой. «Вещий» в тельняшке стоял рядом и курил:

— Интересно, что он завтра сделает первым делом, когда очухается? Подумает, что напрасно не определился, как зовут его дочку: Юля или Света? Или пожалеет, что соврал про службу в ВДВ, когда на плече татуировка погранвойск?

Сергей удивлённо посмотрел на соседа, дремоту сняло как рукой. Тот продолжал:

— Это же всё заметно даже слушателю, которому разговор вообще до лампочки, а если этот дуралей поверил, что им заинтересовались, то должен каждое своё слово взвешивать. Просто незачем было врать, вообще рот открывать не стоило — всё и так в руки идёт! Наверняка в его мечтах не только она угощала его колбасой, но и он от души потчевал её... Придурок так и не понял, что на нём испытывали силу женских чар перед столичным вояжем.

Сергей сплюнул в сторону:

— А сейчас он ментам будет впаривать о том, кто он такой есть. И ведь лепит, что он минимум какой-нибудь помощник депутата. А как в торец не прописать такому помощнику депутата из плацкарта?

— Это уж известно, сам бог велел. Так что и тут лучше бы молчал — отделался бы только пустыми карманами. Но вообще-то женщина эта разочарованная и менты раздражённые — ещё ладно. Свинство, но ладно. Если этот Лёня только окружающим врёт, а вот если он сам себе такую пургу метёт и в неё верит, тогда, считай, что всё: конченный он человек и несчастнее его на свете нет.

— И где он такой дичи про евреев набрался?

— Наверное, в армии или у телевизора — когда он молод был, там разные выступали. Нассали парню в уши в молодые годы, а он эту веру свято пронёс сквозь года. — Бородач в тельняшке захлебнулся каким-то нутряным натужным кашлем. С облегчением сплюнув, отдышавшись, он как будто на излёте заговорил: — Знаешь, врать другим — ещё куда ни шло, потому что рано или поздно эти другие поймут, что к чему, отвернутся и уйдут. Но уйдут уже наученные лапшу с ушей снимать, опыт полезный получают. А если врать себе, то ты останешься один на один с обманутым самим собой, а от себя не уйдёшь, и придётся вопрос решать кардинально. Если самому себе лжёшь и свою же ложь принимаешь, то до того доходишь, что никакой правды не различаешь ни в себе, ни в других. Поэтому перестаёшь себя и других уважать, не ценишь никого, не любишь, а без любви сам не замечаешь, как до полного скотства доходишь. Никогда себе не ври. Не забывай об этом, пожалуйста.

«Вещий» докурил и пошёл обратно к вагону. Уже подойдя к подножке и взявшись за поручень, он сказал, резко обернувшись назад и глядя Сергею куда-то выше глаз, в район лба:

— А переплёт моей книги из ледерина сделан. Ну, так. Вдруг тебе интересно.

20.09.201... года. Москва

Потолкавшись в очереди освобождавших плацкартный вагон пассажиров, Сергей оказался на платформе Ярославского вокзала. Сам не заметил, как это произошло — платформа была вровень с дверями поезда, не такой, как в Кирове, где нужно было, придерживая поручень, смело ринуться вниз. Тут было проще — нужно просто сделать шаг, и перед тобой... Москва! Как много это слово значит для каждого немосквича, впервые прибывшего в столицу: в нём былинное великодушие, и державная благодать, и государственное величие, и раскинувшееся спокойной рекой тихое могущество. Здесь вся национальная широта души и горный полёт снисходительной непоколебимости — и всё это в одном, таком дорогом для сердца каждого слове, первым слогом которого будто вбираешь в себя, пробуешь, и, ощутив всю терпкую медвяность вкуса, в благодарном восхищении открываешь рот: «Мос-ква».

В самом воздухе этого города ощущается какая-то обволакивающая душу свобода, душеспасительная лёгкость и духотворная магия. Рюкзак за спиной кажется каким-то совершенно невесомым, будто и нету его вовсе. Есть только высокое голубое небо, а под ним добрая мощь широких проспектов, которые непрерывным и нескончаемым строгим потоком незблемо верно движутся куда-то вдаль во имя всего самого хорошего. Спешащие же среди фонарей и светофоров осмысленно-беспорядочные пешеходы — это шумный камыш и беспокойная осока у подножья холмов торговых центров, особняков и церквей, которые сами лишь подлесок для храмов, башен и небоскрёбов, увидеть вершины которых можно только если навзничь закидывать голову. Сергей почувствовал себя неуютно, ему захотелось поскорее стать частью всего этого: хоть ряской малозначной над омутом, хоть ракиновым кустом над стремниной, а хоть бы и ивой понад берегом крутым. Даже спящий под памятником Ленину бродяга, вид которого в Кирове порядком бы смутил и озадачил Сергея, тут казался вполне органичной болотной кочкой, которая живёт по писанным самой для себя законам и никто ей не указ.

Спустившись в метро, в котором ему ещё никогда бывать не случалось, Сергей сначала ничего удивительного не заметил, потому что прагматично всё новое пытался заместить и сопоставить с тем, что он уже видел, с тем, что стало ему привычным и обыденным. Поэтому станция «Комсомольская» в глазах Сергея сперва предстала каким-то глубоким подземным переходом, по которому электрички ездят. Конечно, это очень удобно, но из-за чего ажиотаж такой, почему столько восторгов? Не будет же столько народу на ровном месте с ума сходить и восхищаться тем, что малейшего внимания не заслуживает. Подземные переходы кировчане своим достоинством не считали, громогласно не славили, а про метро Сергей с ходу вспомнил целую уйму песен, которые играли на больших радиостанциях, а клипы на эти песни показывали по самым центральным каналам.

Сергей встал и внимательно огляделся по сторонам... Именно здесь, по задумке архитекторов, Москва должна навсегда пленять собою людей, чтобы потом не верить их слезам.

Мраморные стены вокруг блестящие и светлые, над головой купола: просторно, светло и душно, как в музее или храме. Но этот храм — он храм наоборот: не над ландшафтом окружающим высится, а под спудом хоронится. Так надёжнее будет. К тому же храм или музей — это дело праздничное, торжественное, требующее к себе особого отношения, уважения и настроения. Каждый день шастать не будешь. А метро — не цель, а средство передвижения, здесь всегда многие тысячи волей-неволей, но общаются к исконному и общему, тому, что и влечёт людей в этот город.

Улыбнувшись этим мыслям, Сергей сел в поезд. С такой же улыбкой он пересел на Кольцевой и с этой же улыбкой вышел через пару станций. И поехал вверх на эскалаторе.

Но на поверхности Сергея настолько ошеломили окружившие его призрачная тишина и безмолвная пустота, что улыбка спала с лица и он скорее поспешил по адресу из своего потрёпанного блокнота. Безмолвный вакуум ошелолил, навалился и накрыл с головой, как февральский сугроб, как сноп затхлого сена или зеленоватая вода пруда, когда широко шагнул и, к своему ужасу, не нашёл ногою дна, зато вкус и запах тины ударил в пытавшийся вдохнуть нос. Почему вокруг никого нет? Нет ни детей, ни пенсионеров, ни празднующихся бездельников. Только на стеклянной остановке кто-то длиннополый сидел и чего-то ждал, а за остановкой дворник выметал окурки и с осуждением поглядывал на проезжающие автомобили. Стало неудобно, сумрачно и захотелось поскорее убежать от гнетущей пустоты.

Значит, корпус «б» двенадцатого дома по этой вот улице. Войдя в тень двора, Сергей почувствовал, как будто он попал в другой мир со своими законами, муссонами и приливами. Внутри квартала заметно какое-то копошение и атмосфера не та, которая была только что на главной улице у метро. Здесь, у дороги, на которой с трудом разъедутся две легковушки, всё какое-то совсем другое, независимое. Будто незаметно пересёк границу разных государств.

Здание, к которому Сергей держал путь в тысячу километров, было похоже на сувенирный снежный шар, где под стеклянным куполом кружились снежинки и какой-то такой же стерильно-праздничной была и атмосфера вокруг него. То есть здание было вовсе не из ряда вон таким пряничным домиком, наоборот, оно было полуторазэтажным сооружением непонятного первоначального назначения, обшитое чем-то тёмно-серым и блестящим с претензией на мрамор; больше походило на спрессованные мусорные пакеты. У фасада курили разные люди в одинаковых пиджаках и что-то весело обсуждали. Видимо, только что пришли на работу в свою то ли адвокатскую, то ли коллекторскую, то ли микрофинансовую контору — таблички Сергей не разглядел. Через дорогу невнятные грузчики разгружали стройматериалы, а солидный мужчина в джинсах и футболке-поло зорко следил за процессом. По той же стороне улицы, навстречу поло-мужчине показательно небрежно дефилировала надменная женщина младшего пенсионного возраста с апатичным далматинцем на поводке. То есть картина перед глазами обыденная, но что-то в ней смущало. Будто видишь перед собой не доделанную ещё аппликацию, где все элементы собраны, расставлены по местам, но пока не приклеены к листу, поэтому не составляют единства: чуть коснись листа или подует ветер — всё полетит в раз-

ные стороны, безвозвратно развалится. Словно отдельно друг от друга грузчики и мешки с цементом, а хозяин мешков тоже от этого всего отдельно. Унылый пёс бредёт по своему собственному пространству отдельно от поводка и тротуара. И уж подавно отдельно от хозяйки, которую даже совместный всемирный эфир никак не объединяет с разными пиджаками на одинаковых людях. У этой молодой старухи аура упругая, напряжённая и пассивно-агрессивная, как скафандр. Пиджаки же обитали в своем пространстве — прокуренно-инфантильном и вялотекущем по беспочвенности. Почему создатель этого коллажа бросил работу? Может, демиург заметил какую-то фатальную ошибку и ушёл в другое место творить что-то другое, научившись на горьком опыте? Или, сделав основную, главную и самую сложную работу, мастер оставил всё на попечение не весьма прилежному и старательному балбесу-ученику? Или мозаичный бизнес у хозяина отжали завистники, которые сумели отжать, но не сумели дела завершить? Или демиурга, творца, создателя и криэйтора никакого вовсе нет. Отсюда и результат, который налицо, когда всё к месту, но неуместно.

Как бы то ни было, а призывная вывеска агентства «Работа всем!» на торце здания указывала на подвал, который кокетливо именовался цокольным этажом. В этот подвал Сергей и спустился, процокал в цоколь и оказался в месте, которое ниже плитуса. Тяжёлая дверь открылась с трудом и скрипом. Наверное, тут когда-то был подвал продуктового магазина: вот и ниши от холодильных камер, а вот там, похоже, был дебаркадер с лентой для разгрузки и приёма товара. Значит, наверху, в бывшем торговом зале магазина, теперь делали бизнес мужики в пиджаках, а подвал достался рекрутёрам, которые обшили коридоры гипсокартоном и сайдингом и тоже обделывают свои дела.

В нишу стены была вмурована пятиэтажная полка, какие обычно делают для обуви, но много больше — туда соискатели складывали свои дорожные сумки. Ожидать своей очереди можно было на стульях с маленькой столешницей вроде тех, которые показывают в фильмах про американскую школу. О школе напоминал и офисный мольберт, флипчарт, на котором ничего не было написано, а у противоположной стены стоял маленький проектор. Вспомнив школьные годы, уроки физики и свою классную руководительницу, Сергей почувствовал себя очень неудобно. Хорошо, что его вызвали почти сразу.

В небольшом кабинете, метр на полтора, сидела девушка с чертами лица жрицы ассирийской богини Нинлили. Глубокие, как колодцы Ниневии, глаза этой вавилонской весталки хранили божественную радость процветания. На бейдже было написано «Алана, тьютор».

— Здравствуйте! Издалека к нам?

Сергей нерешительно расшаркался в дверях. Алана улыбнулась:

— Присаживайтесь, в ногах правды нет. Какая вакансия вас заинтересовала?

Сергей сел на табурет, поставил рюкзак на колени и обнял его обеими руками:

— Я, собственно, по объявлению этому вот... — Он встал, поставил рюкзак на табурет, долго рылся там, пока наконец не достал обшарпанный блокнот. В нём лежала рекламка, которую ему когда-то дал Иваныч. Сергей протянул Алане бумажку, и та приняла её с каким-то подобострастным интересом.

— Я, когда звонил позавчера, мне сказали, что заранее ничего обещать не могут, но работу подберут с ходу. Вроде того, что много народу, много и работы, а расклад по три раза за день меняется.

— К сожалению или счастью, но вам всё сказали верно, — бодро отчеканила Алана. Глядя на солидную статью Сергея и его бороду, которая скорее была длинной щетиной, девушка сомневалась и не могла определить, кто перед ней: претендент ли на редкую хорошую должность или вздорный маргинал, которого никуда не пристроить. Непонятный возраст, когда в начальники вроде рано, но и в подчинённые уже поздно.

— А что вы умеете?

Сергей, всё ещё не пришедший в себя от воспоминаний о последней встрече с учительницей физики, опешил:

— Ну, как... Могу плотничать, могу бетонщиком, могу кровельщиком маленько, в электрике тоже понимаю. А так — хоть охранником, хоть грузчиком, хоть разнорабочим. — Лицо Аланы просияло, а очень красивые глаза даже заблестели.

— Ну, тогда подберем для вас место без проблем! Как раз в столовую завода требуется разнорабочий. Очень хорошее место — кто там работал, те потом обратно просятся, часто на вторую и даже третью вахту остаются без отдыха. Оплата почасовая, по одиннадцать часов в день. График вахтовый, строгий — шесть на один. Жить будете в бывшем ведомственном воспитательно-оздоровительном учреждении недалеко от места работы. Питание, мытье, стирка — всё организовано. Если не ошибаюсь, у вас не только в месте проживания, но и на рабочем месте стиральная машина будет.

— Звучит неплохо!

Алана готовилась отвечать на вопросы, разъяснять что-то непонятное, убеждать, заискивать, по этому приятно удивилась сговорчивости Сергея.

— Значит, вы сперва поезжайте в медцентр, сдайте анализы, а оттуда сразу на Белорусский вокзал и там садитесь на электричку до Дорохово. Как сядете, сразу позвоните по этому номеру Александру — он будет вашим бригадиром, встретит вас на месте, всё объяснит и всё покажет. Если вам что-то вдруг не

понравится, если какие-то вопросы возникнут, то не стесняйтесь, сразу звоните — вот здесь номер вашего куратора, Николая Николаевича, а вот мой номер, если вдруг не дозвонитесь до него. Удачно вам отработать! Надеюсь, вам понравится у нас!

— Я на это тоже очень надеюсь.

Закрывая за собой тугую и тяжёлую дверь, Сергей оглянулся и увидел смотрящую ему вслед Алану. Почему-то ему было очень приятно и уютно отражаться в её глазах.

— ...совести нет! Они сейчас уже, осенью ранней в магазине египетскую картошку продают, которая дороже бананов стоит! Довели страну! — Идущие на встречу Сергею двое активно обсуждали ситуацию на полках в магазине.

Под ноги попалась алюминиевая банка с улыбающимся лицом артистки и тут же полетела в сторону от удара ботинком. Странно выходило как-то, непонятно — куратор какой-то, бригадир, тьютор... Кто у них главнее, кто чем занимается, кто за что отвечает? Жалко, что не уточнил и не разобрался. Как-то всё это неудобно, бестолково, эфемерно, беспорядочно, расплывчато, но интуитивно понятно. Гуттаперчево, как говорила бабушка.

Вот так вот, по совсем не гуттаперчевому городу, Сергей и не видел окружающих его достопримечательностей. Казалось, этот район строили так: сложили в один мешок уродливые торговые центры, помпезные офисы, церкви, храмы, хрущёвские пятиэтажки и особняки девятнадцатого века. Мешок завязали, старательно перемешали и высыпали так, как пришлось. А как пришлось — так оно и ладно: неудобно, бестолково, беспорядочно, расплывчато, но интуитивно понятно. Есть мнение, что бытие определяет сознание. Наверное, в данном случае автор этого тезиса был абсолютно прав.

Как он ездил в медцентр, что там делал, где покупал зубную пасту и зачем передел рубашку — всего этого Сергей не помнил. Это не провал в памяти, не амнезия — просто всех этих передвижений Сергей не заметил, как не замечаешь рутинных и безразличных тебе вещей. Иногда забываешь, чистил ли зубы, покупал ли билет в автобусе, точно ли повесил ключи на гвоздь. Не обращаешь внимания на висящий полгода у подъезда рекламный плакат или пропускаешь мимо ушей прогноз погоды для другого города: Твери, Турина или Салехарда.

В себя он пришёл только стоя у Белорусского вокзала, когда к нему подошла вкрадчивая веснушчатая барышня. Сергей подумал, что она хочет у него сигарету попросить, но та озорно глянула в сторону, обеими руками хлопнула себя по бёдрам, плавно провела ладонями снизу вверх, таинственно улыбнулась и вовсе не вопросительной, а восторженной интонацией объявила:

— Девушку на час желаете?

Не ожидавший такого предложения Сергей смеялся и пробурчал под нос: «извините-спасибо-в-другой-раз» — и поспешил на платформу, куда только что прибыла электричка до Можайска. Объявили посадку. Сергей позвонил бригадиру в Дорохово, тот сказал, что встретит, но чтоб Сергей ещё ему позвонил, когда подъезжать будет.

Алана и Николай Николаевич, мужчина под серым пиджаке, белой рубашке и чёрных джинсах, после окончания тяжёлого трудового дня сидели в кафе. Алана взяла капучино с корицей и морковный торт, а Николай Николаевич заказал флэт уайт и фисташковый чизкейк. Когда принесли кофе и чизкейки, Алана взяла чашку, с удовольствием вдохнула аромат кофе, но тут же поставила чашку на место:

— Николай Николаевич, дорогой, что-то я сегодня совсем измоталась. Вот уже видеть не могу всех этих несчастных, которые сюда приходят за зарплатой «от сорока тысяч». Они ведь ещё не знают, что в конце вахты двадцатки не получат. Даже немного смешно видеть, какими барами они в офис заходят и как выходят с поджатым хвостом, боясь, что и последнее-то отнимут и восвосяи они ни с чем приедут. Сил моих нет больше. Можно мне перевестись на другую должность, с бумагами чтобы работать?

Николай Николаевич, до этого внимательно и с участием слушавший, отхлебнул из своей чашки и, что-то пожевав губами, собрался с мыслями:

— Алана, понимаешь, ты нам необходима именно тут, потому что при такой красивой, молодой и волоокой девушке ни одна гримза таёжная шебуршать не станет, не говоря уже о каком-нибудь пахаре воронежском, который таких, как ты, только в кино видал.

Щёки Аланы зарделись, она кокетливо поправила причёску, но тут же опомнилась и продолжила строже:

— Но мы же их обираем! Почему сразу не писать в объявлении о реальной, а не мифической зарплате? Я сколько раз выслушиваю, что если бы человек знал об этих вычетах, то ни за что бы не поехал, потому что у себя дома он столько же заработает.

— Конечно же это нечестно. — Николай Николаевич вытянул под столом длинные ноги в чёрных джинсах. — Но это всё равно лучше, чем у них в области! Эти, которые говорят, что у себя они бы больше заработали... Кхм.. Они считали, сколько они проживают, проедают и пропивают? Пусть сначала прикинут, а потом говорят, где их обманывают — там или здесь. Там у него после месяца работы если пятачка на кармане в день полочки осталась, так он рад и счастлив. А у нас он двадцать тысяч выхлопа имеет, ведь он ни на что не тратится: жильё, еда, телевизор — пожалуйста! Так что он в выигрыше, как

ни крути. Разве что досуга у нас для него меньше и с дисциплиной строже, но им досуга и не надо — они ведь почти все алкаши и кредитники.

— Но они говорят, что ехали туда, где средняя зарплата, если верить тому, что пишут в газетах, почти семьдесят тысяч, поэтому человек уверен, что он не требует для себя многого. Им те же кредиты, ипотеки платить...

Губы Николая Николаевича опасно сузились:

— Ты семьдесят косарей получаешь? Вот и я не получаю. Слыхала анекдот такой? Судья обращается к свидетелю: «Я прошу вас на минуту забыть, что вы работаете в Госкомстате, и говорить суду правду и только правду». Нет, вот если человек сам себя в угол загнал, сам в эту кабалу залез, то это я виноват разве? В его Владимире грузчику точно вдвое меньше платят, чем он заработает здесь. Так что пусть он лучше у нас на вторую вахту останется, чем у него банк каморку отождёт.

— Да мы вообще рабовладельцы какие-то получаемся! Мало того, что двадцать процентов имеем с их заработка по умолчанию, так ещё и на всём прочем имеем гешефт. Та же общага в Дорохово нам обходится в триста рублей за комнату в день, а у нас там шесть, а то и восемь человек живёт, а мы с каждого двести пятьдесят вычитаем. С медиками у нас тоже подмазано — нам одна книжка обходится в полторы тысячи, а мы вычитаем три. Спецдежда эта тоже, которая двести рублей за комплект, мы им продаём за тысячу двести. Это же грабёж безбожный! И кидаем мы их с объекта на объект, как скотину бездушную, ей-богу! Сегодня он в Дорохово в столовой картошку мешками таскает, завтра в Тучково кофе жарит, а послезавтра в Егорьевске бутылки пластиковые выдувает под соус соевый. Ни к работе привыкнуть, ни к людям, ни к месту. — Слёзы накапались на глаза Аланы, носик некрасиво сжался.

Николай Николаевич спохватился:

— Остынь немножко. Послушай меня, а если я тебе скажу, что это они в Москву едут, а мы только этот поток регулируем, чтобы он в каком-то цивилизованном русле шёл? Так тебе спокойнее будет? Но, может быть, оно и к лучшему, что этот придурок тут, под страхом штрафа и под охраной работает себе тихонечко, чем у себя, в родных-то пенатах, за гаражами бы пьянствовал? А что такому спьяну может в голову прийти? Да всё что угодно! А тут, когда он два месяца насухую отходит, в свой Саратов деньги привезёт, а? Глядишь, и возьмётся потом не за рюмку, а за ум. Поэтому мы не только спасаем Рязань от потенциального бездельника, хулигана, разбойника и насильника, но ещё и дарим той Сызрани нового, перекованного гражданина, от которого можно ожидать чего-то большего, чем хрен из кустов в лесополосе маленькой девочке.

Алана вытерла краем носового платка слёзы:

— Ты тоже сгущаешь краски, будто у нас одни маргиналы работают. Сегодня вот у меня один парень был, из Вятки, кажется. Нормальный такой, неглупый, сдержанный. Много где работал, много чего умеет, но, видимо, соблазнила его зарплата высокая в объявлении, вот он и приехал. Человек приехал честно работать за честную зарплату. Как мне потом такому объявить, что его заработок мы ополовинили?

— Понятно, что может один-другой попасться, который не пьянь, который доверчивый просто. Конечно, такого жалко, но ведь если лес рубят, то щепки летят! Мы десяток спасли, даже если они сами считают иначе, а одного... притормозили на пару месяцев. Да и он, если уж действительно неглупый, может считать такую вахту расширением кругозора и бюджетным путешествием по средней полосе России. Вот у нас он, например, Бородинское поле увидеть может.

— Говорят, его дачами застроили почти всё.

— Ну, что теперь делать? В такое время живём. Прогресс на нас уверенной поступью движется! Но ведь что-то хоть там осталось?

— Ну, что-то должно было остаться..

— Вот и будет с него! Где он ещё такое увидит, а? В его Таганроге и такого нет. И вообще, уж если на то пошло, для того, которого мы реально обманули, это уроком станет — вперёд сначала будет думать и себе цену поймёт, своему времени и силам. Или к нам работать попросится, чтобы бригадиром быть, а нам неглупые бригадиры очень нужны! А тут уж он точно не прогадает, потому что в его Липецке пятизначные зарплаты только губернатор и прокурор получают. Так что нечего тут разводиться! Мы, считай, благое дело делаем!

— Так ведь, понимаешь... Из десяти людей, что у нас отработало, девять больше не вернутся. Обманывая, обсчитывая, мы их ожесточаем, и когда они к себе домой возвращаются, то своим друзьям-знакомым рассказывают, как их обидели. А обидели где? В Москве. Кто? Москвичи. И те, которые нормальные, но просто доверчивые, наверняка ведь общаются с такими же, как и они сами. Поэтому со временем у нас действительно одно отребье работать будет, а провинциалы фигу в кармане на нас держать станут. Нет, я не хочу сказать, что из искры разгорится пламя, но ничего хорошего ждать не стоит точно. Понятно, что год-другой бизнес ещё существовать будет, но потом сойдёт на нет — с нами, как с МММ или Гербалайфом дело иметь будут только окончательно поехавшие. Так что надеюсь, что в следующем году я всё же поступлю на бюджет и забуду об этой конторе, как о страшном сне. Нет, ты не подумай, я очень тебе благодарна, что вписал меня сюда, когда я с творческим заданием в МГУ провалилась, но сил моих больше нет.

— Ну, разве мог я сестренку двоюродную ни с чем во Владикавказ отправить, тем более что это я тебе благодарен должен быть, ведь после тебя процент беглых почти вдвое меньше, чем у других. Твоя красота и обаяние действительно многое решают. Видимо, они боятся тебя подвести. Думают, что это на тебе как-то отразится. Наивные.

— Вот поэтому я себя ещё гаже чувствую.

Николай Николаевич положил ей руку на плечо:

— Ну ладно, что ты. Так уж близко к сердцу не принимай — меньше года осталось, а там ты точно поступишь, и гори оно всё огнём. Я ведь тоже отсюда на пенсию выходить не планирую и о карьере здесь не мечтаю, знаешь ли. Фортанёт — куда-нибудь лучше впишусь, а нет, так я деньги откладываю и уже сейчас, если что, могу пекаренку небольшую открыть. И ты в следующем году волноваться на экзамене не станешь, ведь уже обростёшь в Москве друзьями и связями. И про нашу контору будешь вспоминать, как о страшном сне, который закончился.

— Может, ты и прав.

Кофе был допит, десерты съедены. Уходя, Николай Николаевич расплатился картой. Алана завернулась в свой серый плащ. Ей было зябко.

Рядом с Сергеем, в параллельном ряду вагона электрички, у окна сел основательнейшего вида батюшка — в рясе, с окладистой бородою и ящиком для пожертвований на широкой басовитой груди. Был батюшка телом крепок, глазами улыбчив и щеками почти что ал. Всем своим видом он внушал уверенное к себе почитание и послушание.

Поезд тронулся. Под мерный стук колёс в окне проплывали заборы из профнастила, бетонные эстакады и остовы брошенных тракторов. В вагон вошли два охранника, похожие на злых Чука и Гека, следом за ними впорхнули две девушки-контролёрши. Чук, встав у дальней от Сергея двери, сложил руки на поясе, а Гек, пружинисто пройдя сквозь весь вагон, перекрыл от несанкционированных передвижений ближнюю дверь. Ноги на ширине расставленных плеч, руки заведены за спину, усталый и презрительный взгляд в сторону. Где-то позади Сергея ласковый, но холодный, как оттепель в конце февраля, мужской голос устало произнёс:

— Видишь, для кого-то охрана — это работа, а для кого-то — диагноз.

— Я думал, таких вот ещё двадцать лет назад «Белой стрелой» вылечили.

— Таких «Белой стрелой» лечить — как из СС-20 по воробьям. Им при товарище Холодкове находилось достойное применение, а теперь вот по торговым центрам и электричкам мыкаться остаётся.

Заканчивая обход вагона, к батюшке.

— Один билет до Дорохово, дочь моя! — авторитетно прокричал поп.

Уверенно контролируя периметр и прикрывая тыл, Чук и Гек оперативно обеспечили безопасный выход представителям вагонной власти и закрыли за собой дверь в тамбур.

— Тыфу ты, окаянная! — вслед им перекрестился батюшка.

— Что, святой отец, не нравится, что женщина наконец свободная стала и от гнёта патриархального освободилась? — встрепенулась женщина лет тридцати пяти, одетая в деловую брючную пару. Обычно в таких изображают на рекламных плакатах счастливых директоров сетевых магазинов, добропорядочных яппи. — О домострое вспоминаешь? Нет уж, ба ста — кончилось ваше время беспросветное. Теперь за платье короткое и волосы распущенные женщину камнями-то не побить!

— Одумайся, что говоришь ты такое, — батюшка сложил руки на ящике для пожертвований, который был сделан то ли из морёного дуба, то ли кипариса. — Испокон веков отцы нашей церкви брали угнетённых от суетных мракобесий под свою защиту, а женщины и вовсе столпы православия, и тому порукой жития святой Агаты, Ксении Петербуржской и Батильды. Мой гнев отметка левиафановская вызвала, которую та несчастная душа по недомыслию носит.

— Это о чём ты, отче? Не одобряешь тату?

— Росписи языческие на теле — сие вздор, но то грех небольшой, от недалёкости отроческой. Я на герб пеняю, где истинный искуситель рода человеческого поваплен! Причём поваплен препаршиво.

— Ты про герб Москвы?! Опомнись, православный! Это тебе уже свой собственный святой не мил вдруг стал? — Женщина закинула ногу на ногу и вперилась взглядом в батюшку.

— Да ты, сестра моя, вижу, совсем головою хвораешь? Аль гордыня твои очи затмевает? Ужели ты змия не видишь?

— Так ведь его же лошадью топчут и копьём пронзают! — чуть не с хохотом, но уже сомневаясь, объявила дама.

— Какая лошадь топчет? Какое копьё пронзает? Разуй вежды! Они же по закону першпективы в разных местах находятся, потому ни одним своим копытом богатырский конь змия не тревожит и смотрит он не в глаза врагу лютому, но вдаль, куда он сейчас же устремится. Потому и витязь не успеет копьё опустить в пасть обло лающую, ибо забрал уже жеребец, к скоку изготовился и разве лишь пред носом дракона копьё пройдёт, чему нечистый лишь рад, ибо язык свой раздвоенный в ухмылке охальной небесам кажет.

Бабка, сидевшая прежде тихо по диагонали от батюшки, в первом левом ряду сидений, вскинулась:

— Да ты верно, мил мой, кагору перебрал иль чо? Это ведь испокон веку повелось, что Георгия так изображали. И на гербе Москвы, и на иконах, и на

гербе Империи Российской, и на медалях. Ерунду какую-то городишь, дорогой, окоlesiцу мелешь! Ты в какой церкви оформлен?

Батюшка встал во весь свой немалый рост. Поза его выражала недоумение медведя, которого зяблик клюнул в нос и поэтому надо теперь всему лесу острастку дать. Рука взвилась вверх, как у Моисея, спустившегося с горы Синай со скрижалями, а в глазах блеснуло что-то оголтело уверенное, как у протопопа Аввакума, который вёл свою паству во глубину сибирскую к истине. Не важно, что привёл на корабли тайные и схроны душевные.

— Братия и сестры! Послушайте слово верное и не дайте врагам рода человеческого вас во искушение ввести! Проповедь вам моя о граде Москве будет, дабы предупредить вас от лихой беды, ибо истинно, истинно говорю, что во граде сем не таясь поклоняются змею-искусителю, намалевав его образину препоганую на гербе своём, прикрыв вековым благочестием. — Казалось, даже колёса стали тише стучать, чтобы каждый мог слышать слово. — Случись страннику долины дикой или какому иному калике переходу спросить, мол, что изображено на полотнище алом, так лукавые москвичи отвечают, что тут изображено то, как святой великомученик Георгий змея побеждает, попирая его копьём могучим. Причём ещё бы полбеды, если бы добрые москвичи знали истину, но они в неведении пребывают, смысла не знают и тем морок гиблый лишь укрепляют.

— Большого ума тут иметь и не надо, когда это и нарисовано. Эти твои калеки дикие, они хотя и не культурологи, но в школах кое-как учились и экзамены потом сдавали! Иные так и на сто баллов! Ведь... — Но батюшка не дал договорить парню какому-то лет двадцати

— Истинно молвишь, отрок. Тут только дело не в том, что не уразумеет гость града стольного того дракона и рыцаря. Дело всё в том, что как раз таки поймет странник, что тут не исторический факт изображён и не явлена бывшая во времена былинные баталия, а что перед ним символ. А символом чего являться сия аллегория может? Тут-то ему и расскажут, что пред очами его история о том, что церковь православная, которая в образе воина милосердного, повергает в прах язычество, которое в образе змия. На том наш любопытный гость и успокоится, решив, что познал он смысл глубокий.

— Так разве икона не об этом? — с надеждой спросила окончательно смешавшаяся бизнес-леди.

— Само собою, — батюшка не снизил своего громоподобного тона, поэтому показалось, что был не ответ на вопрос, а органичное продолжение оратории. — Солгут фарисеи лукавые, ибо не пограл ещё Георгий змия на полотнище, не победил витязь серебряный дракона окаянного. Жив нечистый и со времён ветхозаветных продолжает в прелесть вводить

сердца людские, толкая их с пути истинного в колею зависти, гордыни и стяжательства, из которой потом ой как непросто выбраться! Издревле сие повелось, ибо на древних досках герой христианский копьём не утруждал свою десницу, не сжимал длани — и верили подлые, что уж таким-то видом они явно дают знать приспешникам, что ничего попирающему народы гаду не будет и поклонение иконе следует понимать как поклонение князю сего мира. Истинно говорю вам, что издревле это повелось и не одно уже колено поганцев озорных, чином православным прикрываясь, в храмах наших с превратностью дьявольской молится святым не нашим, но за святыми ликами пряча образы своих, опричных свету истинному зверей вавилонских.

— Кстати, это очень похоже на правду! Недаром Высоцкий пел, что церковь вовсе уж не святая! Нет, побольше бы таких служителей культа, — поправив очки, высказался обладатель февральского голоса. Им был гладко выбритый подтянутый мужчина пятидесяти лет. Рядом с ним сидел и внимательно слушал такой же гладко выбритый и подтянутый мужчина, но тридцатилетний и без очков.

Батюшка же грохотал дальше:

— ...начётчикам подлым лишь того и надо, чтоб под видом благолепия своё дело чёрное стяжать и стругом своим поганым бороздить просторы храма Божия, где искушать будут слабых духом и во грех маловерных вводить, дабы геенна огненная ижих поглотила, потому как исповедуют они веру эллинскую, откуда и взяли, а потом переиначили под своё лекало рассказ о витязе Персее, похотью ведомом, освобождающем от полона и смерти живота своего Андромеду, деву царского рода, отец каковой возжелал оную в жертву чудищу морскому принести. Но витязь, похотью ведомый к персям и чреслам царевны, от напасти её избавил и уподобил Левиафана, демона серафимского чина, раку простому, который лишь на безрыбье хорош бывает. Изгнали мудрые эллины жрецов демона сего и премудро поступили. Левиафановы же жрецы горемычились, пока к юной церкви Христовой не примазались и своё капище под наш аналой не спрятали. Во времена далёкие дело было, и не было ещё канона единого, чем безобразники и воспользовались.

— Ну, завёл тут какого-то Дэна Брауна, тоже. Выходит, испокон веков христиане почитают дьявола? — дрогнувшим голосом попыталась поддеть попа индепендовая барышня.

— За католиков говорить не стану, сестра моя, у них своих забот хватает. Но что под сенью святой Православной церкви веками измена деется, я истинно говорю. Где бы сие мерзавцы, овцы паршивые, дело своё ни варганили, везде зависть чёрная селится и корни пускает, извращая суть светлого дела Христова и истребляет плоды древа Божия, коие есть цер-

ковь. Смотрите, ведь не столько бедность, нищета беспросветная ведёт людей по пути этому, но зависть к соседу манит людей со всей Святой Руси в Москву, ибо не хочет уже подточенный сим червём вкушать такую же, как ближний, пищу. Не хочет такой же, как у ближнего, жены. Сребра и злата желает он больше, чем у ближнего его есть. И горницы большей, чем у ближнего, теперь он желает — коли об одной палате владеет, то о двух желает, а коли двумя обладает, то четырёх алчет. В полковничьем будучи чине, императорская корона ему блажит! И хоть бы жена его ему нелюба была, или горница тесна, или хлеб его был горек. Нет, тут диавол его очи омрачил, и стало ему своё немилым, возжелал он чужого и прельстился тоннелями подземными, которые сей червь под светлым градом прорыл и храм свой воздвигнул не против неба на земле, но супротив его, под землёю чертоги свои скрыл! Цвет же того червя — фиолетовый! Истинно говорю, чтоб знали вы это!

Поперхнувшись, батюшка залез куда-то под рясу, достал зелёную армейскую фляжку, откуда он очень аппетитно и с размахом чего-то выпил. Смахнув с усов плотные тёмные капли, продолжил:

— Никто не возропщет против слов моих, ибо нищий до Москвы не доберётся — у него и на хлеб гроша нет. Но вот алчного страсть доведёт до Белокаменной, да и не алчность ли с завистью в сём граде правят? То и есть триумф жрецов левиафановых, ибо великое злодеяние совершили, сделав столицу Святой Руси градом крепким Вавилоном, где Зверя изображений премного и безо всякой меры, где среди добрых людей, в морок введённых, сия картина считается признаком благочестия.

— Как же, батюшка, ты верно говоришь! Действительно, так всё и делается — оттого и беды наши, что лукавые у власти. — Старушка даже руками всплеснула.

— О том и глаголю я, что невольно чада наши украшают себя знаменами бесовскими, не ведая, что творят! И очи подводят краскою, что девы, что юноши, а очи есть души зеркала! А что в душе отражается долго, тем душа и становится. Волоокими зовут таких чад издревле, но истинно говорю вам, что не волоokie они, однако ваалооки, ведь сам Ваал в зеркалах их душ отражается и через это в сами души закрадывается. На погибель нам посланы из земель финикийцев и филистимлян, которые не чтут ни Бога, ни закона, а лишь золотым медведям и тельцам кланяются!

— Это он про биржу, что ли? Хорош! Надо срочно нашим сообщить, чтоб в разработку его взяли и к делу поставили. — Пятидесятилетние очки даже ного на ногу закинули от удовольствия.

— А при царе-антихристе Петре Москву вовсе проектировал масон и чернокнижник шотландский Брюс — он за основу взял гороскоп вавилонский.

Круга деление на двенадцать частей он объяснял большей пожароустойчивостью, мол, этому очень способствует планировка радиальная. Но не радиальная это планировка, а иродиальная, истинно говорю вам! И метро точь-в-точь по этой же схеме выстроили, и на станции Площадь Революции идол Анубиса воздвигли! И отроки с отроковицами, не сильно далёкие, возносят истукану хвалу и почёт, а взамен алчут вспомоществования на экзамене, дабы отвёл сатана очи учителям премудрым и не заметили те бестолковости студента своего.

— Батюшки святы... Я ведь перед каждым экзаменом тёр нос этой овчарке пограничной. — Парень в белой кепке потёр в затылке.

— Анубис и почитался жрецами египетскими как бог границы мира живых и мёртвых! Каких ещё вам доказательств надо? Вопиет моя душа!.. — Батюшка воздел руки и оглядел всех, кто ехал в вагоне.

Народ безмолвствовал, а батюшка продолжил:

— Однако реку верно, что тофет испепеляющий ждёт их, и уподобит Господь Всемогуший их гелиогабалам римским, с той разницей лишь, что, минуя клоаку великую, тела их примет в свои зловонные воды не Тибр, испражнениями языческими осквернённый и наполненный, но поруганная скверной людской река Москва отдаст их тела без упокоения на поед рыбам и гадам водным. Ad sumus!

— Bravo, батюшка!

— Точно сказал!

— Всё так и есть!

Прерванный на полуслове двадцатилетний парень долго шарил в кармане и наконец достал банкноту подходящего, по его мнению, номинала:

— Святой отец, позволь на храм пожертвовать в твою кубышку!

За ним немало пассажиров двинулось к священнику с бумажками разными — почти все с театром Большим, на котором Аполлон языческий эллинский, но попадались и с Петром-антихристом.

— То не кубышка, милый мой, то скриниум есть. Однако лепта твоя зачтётся сторицей, ибо уже через неделю, как раз к празднику Введения во храм Пресвятой Богородицы, сия банкнота будет на благое дело пушена.

— Отче, ты что-то путаешь — через неделю Воздвижение Креста Господня, а Введение в декабре только будет! — поучительно, но умилительно поправила старушка.

Оглядевшись по сторонам, батюшка засуетился:

— Дай благословлю тебя, сестра моя во Христе.

Старушка скрестила ладони и благочинно опустила голову, а батюшка поцеловал её в лоб и, троекратно перекрестив, торжественно пошёл к выходу:

— Иже Херувимы тайно образующе, и животворящей Троице трисвятую песнь... В этом раменье я и сойду!

Батюшка вышел в Полушкино. До Дорохово, куда брал билет, было ещё четыре остановки.

Сергей снова набрал номер бригадира. Тот сказал, что будет на платформе минут через пять и чтобы Сергей никуда не уходил.

20.09.201... года

Нога Сергея коснулась асфальтового покрытия платформы на самом закате. Казалось, что прощальные лучи сентябрьского солнца шли параллельно поверхности земли, поэтому табличка с названием станции была освещена так, будто свет исходит из неё самой, откуда-то из глубины выгнутого и окрашенного матовой краской куска жестянки: «Дорохово».

Сергей сделал несколько шагов вперёд и с непринадёжным видом встал у металлического ограждения — так он не будет никому мешать, но будет заметен для бригадира, который должен быть где-то тут и встречать его. Мимо чинно и вальяжно проходили вышедшие из электрички граждане, а вместо них, толкаясь и спеша, в вагоны ломались другие граждане, чтобы занять освободившиеся места и чтобы потом так же вальяжно и расслабленно выйти на своей остановке. Спустя пару минут платформа очистилась, на ней остались Сергей, компания молодых людей с пивом и mp3-колонкой, а на самом краю стоял худошавый мужчина. Из колонки разносилась песня про пользу витаминов молодым, растущим организмам, а худошавый мужчина в панаме цвета хаки был среднего роста и лет ему было тридцать пять—сорок. Он пристально, но близоруко шурясь глядывался куда-то в противоположный конец платформы, туда, где были теперь невидимые развалины бетонного завода. Сергей решил, что это и есть встречающий его бригадир Саша, но, смутившись тем, что тот не обращает на него внимания, нарочито показательно прошёл мимо, при этом пристально глядя на предполагаемого начальника. Тот на мгновение отвлёкся от созерцания запоротной дали, коротко оглядел Сергея с ног до головы и, словно отмахнувшись от наваждения, снова уставился куда-то за поворот.

Обеспокоенный тем, что кругом заметно стемнело, а его никто не встречает, Сергей решил наконец позвонить. Как только в трубке раздались гудки, стоящий спиной мужчина удивлённо схватился за карман брюк, как печёную картошку из костра достал телефон и внимательно, недоверчиво посмотрел на его экран:

— Алло!

Сергей подошёл к нему со спины и сказал:

— Здравствуйте! Вы — Александр, бригадир?

— Да. Вы приехали?

— Да, я сейчас стою на платформе в Дорохово.

— А почему тогда я вас не вижу?

— Потому что я стою у вас за спиной.

Одним прыжком, прижимая к уху трубку телефона, Александр развернулся на сто восемьдесят градусов и испуганно уставился на Сергея:

— Вот тебе раз... — Новоиспечённый бригадир осматривал Александра с удивлением и как бы ища, к чему можно придраться. — К нам обычно разнорабочих присылают всё или за пятьдесят, или пропитые в стельку, или хотя бы косорылые, а ты какой-то совсем другой, потому я тебя и проглядел... Вот я тебя сразу и не узнал, — оправдавшись перед собой, он успокоился, положил телефон в карман и протянул Сергею руку. — Александр.

— Сергей, очень приятно. — Ладонь бригадира оказалась узкой и жилистой, рукопожатие крепким.

— Пойдём в магазин, что ли? У меня сигареты кончились, да и тебе, может, надо чего купить?

Поймав смешавшийся взгляд Сергея, Александр расплылся в улыбке:

— Не знаю, что тебе там наговорили в офисе, сейчас всё по порядку расскажу. Буду краток. Мы, рабочие завода по производству телевизоров и стиральных машин, живём в бывшем пионерском лагере «Мирный», то есть условия хотя и не пять звёзд, но вполне приемлемые. На огороженной территории, куда попасть можно только через КПП, есть несколько двухэтажных домиков, а в каждом домике по восемь комнат на этаже. На каждом этаже есть общая душевая, два туалета и стиральные машины. Машины не с завода, активаторные, но исправные. Главное, что работают! — Он добродушно, но как бы с опаской хлопнул Сергея по плечу. — Всё простенько, но чисто и добротнo. Жить будешь, как царь из старого кино, — в палате. Правда, палата рассчитана на восемь человек. Но ведь лучше в тесноте, чем в обиде, правильно? Вот и я так думаю. В каждой комнате стоит холодильник, чайник электрический и мультиварка, так что с бичпакетов не помрёшь! Хотя ты ведь в столовой работать будешь?

— Да, там буду разнорабочим.

— Значит, сухомытка не грозит точно. Вообще, тебе повезло, тёплое место досталось. Я тогда тебя с Андреем поселю, он тоже в столовой работает — всё подробнее расскажет, с деталями. Я-то в этих кулинарных делах ничего не понимаю — сам с конвейера сборочного. Но вот в чём тебе точно повезло, это что кухонные на час раньше работать начинают и, соответственно, на час раньше заканчивают, с восьми утра до восьми вечера. — Александр замолк, лукаво глядя на Сергея, ожидая вопроса. Сергей подыграл:

— А в чём преимущество?

Довольный собой Александр как будто даже плечи расправил:

— Преимущество в том, что утром в твоём полном распоряжении туалет, а вечером ты властелин душа и стиральной машины! Удобно!

Сергей, соглашаясь, кивнул.

Они вошли в магазин. Сергей взял в руки продуктовую корзину, подумал, что в рюкзак много не вместится:

— А далеко отсюда до лагеря?

— Километра три-четыре. Минут сорок ходьбы.

— Нормально, значит. Можно будет и после работы сходить.

— Ну, это если у тебя желание останется. Но вообще — да, некоторые ходят. Но ты много провианта не набирай, у тебя с питанием, как у столовского, проблем не будет. И мне с тобой грузёным плестись несколько не интересно. — Александр торопливо развернулся к выходу. — Ладно, я тебя у касс подожду.

Из магазина по обочине асфальтовой дороги Александр шёл впереди, бравурно жестикуюлируя руками, будто помогая себе. Пока что они шли по окраине посёлка, переходящей в дачный посёлок: блестящие сайдингом под каменную кладку коттеджи стояли вперемежку с обшитыми выцветшей вагонкой домами. Наличники на окнах перемежались со стеклопакетами, а секционные ворота на дистанционном управлении соседствовали с полукруглыми воротами, которые делались для лошадиной оглобельно-дуговой запряжки, а не для автомобиля с плоской крышей. Только спутниковые тарелки указывали, что это дома одной, текущей, эпохи.

— Вообще у нас работать можно, многие возвращаются снова. Я вот, скажем, три вахты подряд отработал на конвейере, а теперь вторую вахту бригадиром. Доплачивают немного, но приятно. — Сергей с трудом успевал за увлекшимся Александром, который шёл налегке. — И опять же, почёт! В моём родном Ртищеве столько не заработать, хоть тресни. Домой приезжаю как король! И столица рядом — многие через эту вахту в Москву перебрались. — Александр повернулся вполборота к Сергею и, может быть, подмигнул. Но это не точно, Сергей в потёмках не разглядел. — Пока вахтуешь — там спросишь, тут узнаешь, здесь услышишь. Два месяца отработал, деньги получил и уже куда-то вписаться можно. Не так, как дурачки провинциальные думают, что ты приехал — и сразу тебе всё... Нет. Ты разведай, пойми, что к чему, и иди туда, где тебя не обманут, а дадут заработать. Тут ведь как — выжимают обычно из людей все соки, а потом выбрасывают — Россия большая, ещё понаедут!

Они пошли дальше по дороге, вышли из посёлка и оказались на пустыре, за дачами. Проходили мимо заросшего борщевиком сплошного металлического забора в три метра высотой. За забором виднелся огромный особняк — смесь ангара для самолёта и карельской лесной избышки. Огромный и несуразный. Ворота были открыты — четыре джипа KIA стояли на лужайке, в углу которой, рядом с верандой, стояла

тракторная крышка, полная пустых бутылок из-под водки. Александр с ухмылкой сплюнул:

— Это наши дальневосточные друзья-хозяева отягиваются как умеют. А они умеют! Очень нашу водку любят, до визгу поросычьего. — Александр махнул рукой остановившемуся было Сергею, подзывая к себе. — Ты на них ещё наглядишься, успеешь. Особенно утром на раздаче. Ладно, пошли, а то кто их знает — ещё орать начнут не по-нашему.

Дальше шли через садоводство. Здесь хребтами стояли обёрнутые плёнкой гидроизоляции усаживающиеся деревянные двухэтажные срубы, высящиеся своими остовами над скромными летними садовыми домиками, которые тут стояли с тех времен, когда советскому труженику начали давать по шесть соток на брата, чтобы советский труженик не позволял душе лениться даже во время заслуженного отдыха.

Александр продолжал:

— Я по столице вообще уже который год ошиваюсь. Вот не поверишь — когда приехал, то думал, что всё — с ходу билет счастливый вытянул! Устроился в фирму строительную, маляром вписался — они мне и с жильём помогли, и денег вперёд дали, и первую зарплату я получил больше обещанной — шоколад! Даже договор трудовой составили, правда, в нём была минималка прописана. Мы сперва не поняли, зачем это надо было делать, если мужики до этого не первый месяц вообще без договоров работали.

— А вы официально в той же организации продолжили числиться? У нас в городе даже у крупных частных такая история — дробят предприятие на несколько маленьких контор и, с одной стороны, получают всякие налоговые льготы, а с другой стороны, к ним нет претензий со стороны проверяющих. И всегда съехать можно...

— Тут не в этом дело, погоди пока. Ну, думаю, ладно. Проходит месяц, я, счастливый, работаю, а платят только половину — говорят, что в банке какие-то проблемы: счёт там какой-то заморозили, потому что он неправильно был оформлен. Потом через месяц снова половину, но обещают, что через месяц вот прямо всё да ещё и с процентами. Ладно. Через месяц мы как раз завершили объект и ждём, что нас перекинут на другой. В понедельник никто не приехал и телефоны молчат. До обеда ждали, а после в офис поехали своим ходом. Охранник на проходной нас не пустил, говорит, что они ещё в пятницу съехали. Тут мы репу-то и стали чесать... И это ещё всё бы ничего, но тут мне из дома звонят, говорят, что на моё имя пришло письмо из банка и в письме требуют выплат по потребительскому кредиту. Оказывается, я полтора миллиона взял... И вот я такой миллионер без регистрации и без денег на вокзале стою — куда деваться? Каких концов искать? Хоть в бега подавайся! Но, слава богу, компетентные органы выяснили, что мои бывшие работодатели с

менеджером банка были дружны и вместе с ним кредиты получали. По тем паспортам, которые они у нас для заключения договора брали. Много, говорят, народа обули. — Александр как-то мечтательно вздохнул. — Всё благополучно завершилось. Кто-то бучу поднял — дело и закрутилось. Их в оборот взяли, всех обманутых подняли, и мне только заявление написать было надо. Одно плохо, что из-за этих молодчиков мне кредит по-настоящему уже не взять — я в самом чёрном списке неплательщиков, а чтобы из него выйти, мне надо в суд подавать. Но это ладно, если что, то найду время, придумаю что-нибудь. По сути-то, я не виноват вовсе. Но по бумагам... Короче, оказался без рубля в кармане на вокзале. Учитывая, что мне дома-то не больно рады будут, сунулся сюда. Оно конечно, пришлось пахнуть, как раб на галере, — два месяца вообще без выходных, но зато стабильно и надёжно. Отвахтовал. Немного, но зато сполна получил и вернулся обратно к себе уже при деньгах, немного родню успокоил, а потом опять сюда. Ну, не хочу я, чтобы как в Ртищево, пахать за пятнашку.

Они подошли к воротам лагеря, зашли на КПП. Саша о чём-то поговорил с охранником, казавшимся самым представительным, приглашающе махнул Сергею:

— Пропуск тебе завтра сделают, а пока под мою ответственность. — Пошли, что ли, получишь бельё.

Они прошли к стоявшему рядом двухэтажному зданию, в фойе которого на истрёпанном дерматиновом кресле сидела с виду очень несчастная женщина. Александр наклонился к ней, показал рукой на Сергея и что-то сказал. Та с нескрываемым презрением ушла за лаковую дверь, сразу вернулась и протянула Сергею свёрток. В нём были простыня, наволочка и пододеяльник. Александр был очень доволен:

— Через две недели сможешь принести, сдать в стирку, а взамен новое получить.

Сергей благодарно кивнул женщине, но тут же пожалел об этом — кастелянша посмотрела на него как на врага.

Пока шли от здания лагерной администрации куда-то тёмными аллеями, Сергей удивлялся непонятным, торчащим из земли высоким жердям. Они были слишком тонкими, чтоб быть столбами, и слишком прямыми, чтобы быть антеннами.

— Александр, а что это за столбики такие торчат?

— Столбики-то эти? Это ж флашштоки! На них когда-то пионеры флаги поднимали, чтобы потом было чему салютовать. В других лагерях, кстати, работают даже на зорьки гоняют. Они там зарядку делают, на линейку строятся и тоже какое-то знамя поднимают. Хорошо, что у нас до этого ещё не додумались. Но я тебе, Серёга, скажу — очень я жалею, что Союз распался. Тогда, по крайней мере, порядка больше было

и простой работяга знал, что он не без присмотра, что ему не дадут пропасть. И в мире с нами тогда считались! Сейчас вот, кажется, тоже начинают уважать, но это всё не то. Мы тогда со всей Землёй «на ты» были, нас боялись, потому что знали, что мы сильные, беспощадные и слов на ветер не бросаем.

— Вот-вот. Раньше ведь как было? Мы им водородную бомбу, а они нам нейтронную! Они нам «Шаттл», а мы им «Буран»! Они нам Уэйна Гретцки, а у нас Третьяк! Теперь они нас, как капризных малышей, в своей комнате заперли и гулять не пускают, а мы им на это характер показываем и ужинать ихними яблоками с пармезанами не желаем. Вот хрен ли тут эти корейцы открылись? Нет бы «Рубин» какой, а?

— А я недавно видел телевизор «Рубин». Вернее, «Rubin». Интересно, это одно и то же?

— Да какая разница, внутри всё равно сплошной Китай. Одно имя только осталось, одно название, а заводы отданы китайцам или, вот, корейцам. Нерусским, короче. Но всё равно: наша страна — страна огромных возможностей и возможности эти надо реализовать. Ну вот, всё, пришли.

Они поднялись по крыльцу двухэтажного здания, похожего на поликлинику в райцентре — большое и когда-то оформленное чем-то вроде мозаики фойе, а направо и налево — комнаты.

Сергей подал Александру документы, тот их отсканировал и протянул в ответ ключ:

— Это от восьмой комнаты. Иди, располагайся. Завтра к девяти провожу до завода.

Сергей пошёл по коридору в правый сектор здания. Нашёл восьмую комнату, толкнул дверь — открыто. В ней стояли три двухъярусные кровати: две вдоль правой стены и одна у левой. Слева же стоял холодильник.

Лежавший на верхнем ярусе стоящей у окна слева кровати человек присел, свесив ноги с кровати. Он был одет в майку и производил странное впечатление — лицо человека под шестьдесят, но тело подтянутое, крепкое — не у каждого в сорок лет такое бывает.

— Добрый день! Меня Сергей зовут, я только что приехал. Разнорабочим на кухне буду.

— Здравствуй! Очень рад знакомству! Я Андрей, тоже работаю в столовой. Извини, я сейчас трансляцию матча слушаю — после пообщаемся, хорошо? Пока можешь располагаться внизу — только это не занято. Самое козырное тебе досталось, у окна. Завидую даже.

Сергей разложил скарб в тумбочке, сложил рюкзак и сумку под койку, заправил кровать и, сложив руки за головой, улёгся поверх одеяла. За окном холодный дождь поливал тёмный, заросший парк и ветви деревьев опускались под тяжестью воды почти до самой земли, до серых тропинок, пересекающих поросшие ковылём поля, которые когда-то были ра-

дующими глаз пионерии газонами. Теперь это были удручающие глаз деклассированного пролетария заросли.

Над головой Сергея была прогнувшаяся железная сетка кровати, а сосед с верхнего яруса тихонько слушал по маленькому радиоприёмнику трансляцию футбольного матча, где бодрый голос комментатора и шум трибун свидетельствовали о том, что где-то есть большие города, в которых бывают освещённые сотнями прожекторов стадионы, куда приходят поболеть за свои любимые команды тысячи счастливых, которые поют песни, улыбаются, смеются, бьют в барабаны и искренне переживают за своих любимцев.

Сергей провалился в ласковое забытьё, а когда проснулся, то трансляция матча уже заканчивалась:

«До свидания, дорогие друзья! До новых встреч на футболе! Берегите себя!»

Сергей хотел поздравить Андрея с триумфом его любимой команды, но тот уже спал. Интересно, в какой момент он отрубился? Знает ли, что его клуб одержал победу?

21.09.201... года. Дорохово, Московская область

В восемь сорок пять Сергей сидел на крыльце и ждал Александра. Тот появился ровно в девять ноль-ноль.

— Утро доброе, работяга! Всё взял с собой?

— Само собой, — ответил Сергей. Хотя спецодежду и документы он сложил в рюкзак с вечера, а полчаса назад всё перепроверил, вытряхнув на застеленную покрывалом койку, но тревожный холодок прошёл по спине и он хлопнул себя по рюкзаку. Ощувив на ощупь сквозь ткань рюкзака объёмный рыхлый пакет в большом отделении и маленький, но упругий свёрток в боковом кармане, успокоился.

— Ну, тогда пошли.

За воротами лагеря они пошли мокрой асфальтовой дорогой через лес. Александр достал из кармана пачку «Арктики» и закурил. Сильный и терпкий парфюм, как будто в крепкий сладкий чай с бергамотом налили мускусных духов, унёс Сергея куда-то далеко — вроде бы в седьмой класс, когда обычной «Балканской звезды» в киоске не оказалось и продавщица предложила взять «Арктику», которая стоила не много дороже. Сергей вспомнил, как в этот день собирал в ведра яблоки, как потом мама испекла шарлотку и как вкусно было всё это трескаться прохладным осенним вечером...

Александр вдруг остановился как вкопанный прямо посреди дороги.

— Ты ведь непьющий? — спросил он Сергея с настолько озабоченным видом, как будто забыл спросить о самом главном и вспомнил об этом в последний момент.

— Ну, как сказать... — Сергей растерялся и стал вспоминать всё выпитое за прошедшие после беззаботной юности долгие годы.

Молчание затянулось и стало слишком многозначительным. Александр торопливо и как бы желая скомкать ситуацию, пробормотал:

— Да уж скажи ты, как оно есть.

— Банку пива за компанию выпить могу, а если речь о другом, то последний раз допьяна напивался два года назад. Запойми не страдаю.

Александр облегчённо выдохнул:

— Ну вот это уже ответ по сути, это я одобряю. На самом деле, очень хорошо, что ты меру знаешь, а то у нас ведь штрафуют за это. Пять тысяч на вахте пьянка стоит.

— Да? Мне не говорили об этом.

Александр его будто не слышал:

— А они тебе говорили, что вахта у тебя заканчивается не тогда, когда ты последний день отработал и за тобой сменщик приехал, а тогда, когда с документами в офис явился?

— Нет, об этом не слышал.

— Так вот теперь слушай. В предыдущую вахту они сделали как. Когда вахта сменилась, кураторы для отработавших устроили праздник, дискотеку — вот прямо там, на поляне под флагштоком. Выкатили колонки, врубили песни, типа, «Пей пиво!» и «Выпьем за любовь!»; выставили водки пол-ящика, вина, пару пачек и пива спайку, чтобы каждый себе по вкусу нашёл. Все и рады! Тем более, раз это начальство выставило, значит, можно, правильно? А потом в час ночи охрана шмон устраивает и на всех пьяных в офис докладная идёт. Стопарь замахнул или кружку бахнул — всё, уже, считай, пьяный. Вахтовики в офис приезжают, а там каждому штраф выписан. Те возмущаться, мол, мы вахту ведь отработали! А им отвечают, что никаких своих там не знают, никому ничего не выставляли, а вот докладная от охраны — это документ, то есть аргумент весомый. И с каждого по пять рубасов, а этих «каждых» набралось двадцать пять человек. Вот и считай — выставились на пять, а обули на сто двадцать пять! Поэтому, когда начальство наливает, пить даже не вздумай. А так — хоть всю вахту кирагаз, только чтоб не в драбадан — всем на это дело глубоко фиолетово. Тот мужик, вместо которого ты приехал, на компоте брагу ставил и всегда поддавший ходил. Но работал исправно, никто ему ничего не предъявлял. Он, кстати, на дискотеку ту не пошёл, потому что ещё до неё накидался, а когда охрана шмон устроила, он спал, а не по коридорам шарahalся — его и не подняли. Вот так тут бывает, что можно беспробудно пить и беспредел творить, но под санкции не попасть, а можно из-за мелочи влететь... Тут, главное, всё делать ровно и с оглядкой.

Они вышли из мокрого ельника на широкое шоссе — несмотря на приветливое солнышко и откры-

шеся огромное голубое небо, холодный и влажный ветер продирали до костей. Где-то позади них каркнула ворона.

В шатре придорожного кафе на пластмассовом стуле сидела и курила грустная буфетчица. Чуть поодаль две девушки с дредами репетировали фаершоу. Одна раскручивала над головой парный молот-метеор, похожий на кадило, — только если в кадиле было много дыма без огня, то тут был огонь без дыма. Другая девушка пламенем плевалась и жонглировала факелами. Проходя мимо, ошарашенный Сергей чуть не свернул голову, глядя на них, Александр же прошёл как ни в чём не бывало:

— Тут много заброшенных лагерей. Таких же, как наш «Мирный». Туда по выходным разные оригиналы приезжают: рокеры, неформалы, язычники и прочие офисные работники, которые с жиру бесятся. Экзотика для тех, кому на Таиланд не хватает.

— И они так постоянно?

— Нет, обычно к празднику какому-нибудь подстраиваются. Сейчас вроде ничего такого нет? Наверное, осень провожают.

Идти по обочине шоссе было некомфортно — проносившиеся мимо дальнбойщики обдавали с головы до пят отвратительной моросью, которая ложилась равномерным слоем по всему телу. Очки сразу застилала пелена, а протирать их каждый раз не было ни возможности, ни желания. Идти рядом и разговаривать уже не получалось — обочина была слишком узкой. Александр что-то пытался говорить через плечо, но Сергей его не слышал.

Под трассой была водопропускная труба — туннель для ерика или вешних вод, похожий на вход в пещеру. Метрах в десяти от этого входа среди ржавеющей травы лежала огромная серая туша мёртвой собаки, которая при жизни была, наверное, чем-то вроде кавказской овчарки. Было непонятно, как нашло свою гибель это могучее животное. Если его сбила машина, то тело пролетело неправдоподобно далеко, а если животное умерло своей смертью, то было странно, почему конец настиг его на открытом всем ветрам, дождям и проезжающим по шоссе месте. Вряд ли смерть её была насильственной — вздувшаяся и натянутая, словно барабан, кожа на брюхе не давала трупным газам выйти наружу. Рядом с падалью росло какое-то растение с фиолетовыми цветками, похожее на люпин, только цветки были немного другой, более распушенной формы, а зелёные листья — более лохматые, вроде петрушки. Ветер, дувший со стороны поля, доносил чудовищный запах разложения, и Сергей прибавил шаг.

Наконец они добрались до проходной завода, которую миновали после того, как Александр о чём-то поговорил с охранником, а тот с озадаченным видом куда-то отзвонил.

— Смотри, они тебя под мою личную ответственность пустили, без пропуска. Не забудь Светке сказать, чтоб она тебе его выписала, а то обратно не выпустят. Давай свои документы.

Сергей послушно достал из рюкзака порядком истрепавшуюся файловую папку, где лежала медкнижка, копия паспорта и ещё какие-то бумаги из офиса.

Выйдя из проходной, они прошли метров пятьдесят до похожего на ангар здания и поднялись по дебаркадеру, откуда на второй этаж вела двухмаршевая пожарная лестница. Александр взбежал по ступенькам, распахнул железную дверь и вломился внутрь, будто намеревался кого-то спасать. Сергей оглянулся на открывшийся заводской железобетонный простор и на заросшее борщевиком поле за заводским забором и тоже шагнул в дверной проём. По широкому и светлому коридору, вымощенному кафельной плиткой, Александр шёл уверенно и целеустремлённо, разрезая пространство перед собой, чуть не печатая шаг. Сергей, на которого произвело впечатление это оказавшееся неожиданно огромным и светлым помещением, семенил позади. Дойдя почти до конца коридора, они свернули направо, в примыкающий проход — там была дверь, куда Александр с Сергеем и вошли.

— Здравствуй, Светлана! Вот, привёл тебе бойца — принимай честь по чести. И пропуск ему выпиши.

Сидящая на стуле пышущая здоровьем полная женщина удивлённо вскинула наращенными ресницами:

— Если охрана не может найти вчерашнее распоряжение Татьяны, то это проблема охраны, а не моя! А пропуск мы твоему орлу конечно же выпишем. — Она поднялась и внимательно, напустив на себя какую-то сладострастную томность, оглядела Сергея с головы до ног: — Нечасто нам такие крепыши достаются.

— Стараемся поставлять самых лучших работников! — пытаясь скорчить смешную рожу и беспощадно дурным голосом продекламировал Александр. — Куда его отправишь? На большую или малую?

— Знаешь, наверное, такого лучше к Альмире. И он от неё не сбежит, и она его не заключёт. Такому лучше мешки ворочать, чем кастрюли мыть. Мне кажется, они сработаются.

— Тогда оставляю вас с ним — разбирайтесь тут, примеряйтесь. Вот документы его — медкнижка, договор.

— Ага, — Светлана пробежалась глазами по документам в папке, — всё, увидела. Ну, хорошо, значит. Можешь быть свободным, Саша.

Александр многозначительно и с хитрецей улыбнулся. Плядя на Сергея, кивнул на Светлану, округлил глаза, подмигнул и вышел за дверь. Сергей остался стоять в углу, как и стоял.

Оторвавшись наконец от документов, Светлана встала, подошла к Сергею, нежно взяла его под руку и повела к выходу, промурлыкав:

— Пойдём, отведу тебя к месту непосредственного исполнения службы.

Вместе они пошли другим путём — через огромную столовую, где одновременно могло обедать девятьсот человек. Прошли мимо потрясающей мозаики, которая оказалась вблизи уже далеко не хороша — распечатанная на плоттере и загнанная под стекло претенциозная абстракция. Ни в какое сравнение с картинами из метро она не шла; она даже не стояла рядом с простенькими, но душевными панно из советских столовых, но выглядело нарядно. Всё очень чисто, по-современному: аккуратно, добротное и с закидоном.

Прошли большими стеклянными дверями, спустились по лестнице в фойе здания:

— Вот, обрати внимание, тут у нас банкоматы. Если вдруг надо будет денег снять. Вот там, — она указала налево, — здание администрации, там офисники сидят. Туда мы каждый день выпечку возим, там буфет небольшой. Горячие блюда, гарниры, суп, компот, выпечка — это всё готовят в пищеблоке, то есть там, куда ты пойдёшь работать. Здесь, в большой столовой, только салатами и завтраками занимаются: у нас тут раздача и разнорабочих тут двое — котломойщик и грузчик. Там, где ты будешь отбывать, тоже будете трудиться вдвоём. Но у нас грузчик местный, он, считай, балду пинает, особой работы для него нет: обед да ужин принять. а вот у тебя работы будет навалом, потому что вся бакалея, всё мясо, рыба, овощи приходят на пищеблок, на малую столовую. С котломойщиком Андреем вы скоро познакомитесь.

— А мы уже знакомы. В одной комнате живём.

— Значит, тебе очень повезло, очень умный и интеллигентный мужчина. И как такого к нам занесло, ума не приложу. Там, на пищеблоке, котломойщик тоже вахтовый — Лёша. Он нормальный парень, подружитесь.

Выйдя из главного входа завода, они свернули направо и шли по широкой дороге — если бы это было шоссе, то не меньше, чем в шесть полос. Проходил этот проспект мимо безликих и совершенно одинаковых серо-красных зданий, похожих на ангары, мимо сборочных цехов, гаражей и складов, где постоянно носились туда-сюда отчаянные карщики, заделывая на кураже умопомрачительные пируэты.

— А нам долго ещё идти?

— Устал? А я надеялась, что ты выносливый, — озорно скосила глаза Светлана. — Да вот уже, считай, пришли. О, а вот и Альмира! — Светлана махнула рукой кому-то в тёмный дверной проход серого здания.

— Сюда идите! Нечего мне больше делать, как с вами там ласы точить, — на пороге появилась невы-

сокая худощавая женщина лет пятидесяти в накинутаой поверх плеч зелёной куртке-спецовке, из-под которой выглядывал белый халат, надетый поверх вязанной серой кофты. — Я ещё заявку не набрала, а вы тут шастаете. Ты мне из этого парня лодыря не делай!

— Иди к ней, теперь она твоя начальница.

Когда Сергей подошёл к Альмире, та крепко, по мужски, пожала ему руку.

— Здравствуй. Меня Альмира зовут, я кладовщик. Со мной «на ты» — так удобнее.

— Доброе утро. Рад знакомству. Меня Сергей зовут.

— Значит, будешь Серёжа. Ты, надеюсь, не псих?

— Это как? — Сергей ждал толковых разъяснений, но Альмира молчала и каких-то рамок понятия «псих» не обозначила. Сергею пришлось смириться и ответить:

— Вроде нормальный. По крайней мере, не буйный.

— Этого я и ждала, это хорошо. В армии служил?

— Нет, не взяли.

Вместо стандартного вопроса: «Почему?» или какой-то «остроумной» шутки, Альмира только изучающе и будто немного с сожалением оглядела его фигуру.

— Разберёмся. Лишь бы истерик мне тут не устраивал. — Она залезла в карман куртки, достала оттуда пару рабочих печаток. — Держи вот, надевай, и пойдём. Мне мясную разморозку надо в порядок привести — только что машина пришла. Лёша разгрузил, а теперь ты мне всё по полкам разложишь.

Мясной разморозкой называлась комната, склад, где размораживалась, дефрострировала то есть, рыба, курица, говядина и свинина, чтобы на следующий день мясники работали с податливой продукцией. Помещение это было небольшим, три метра в длину и два в ширину, с низким потолком. Справа и слева вдоль стен стояли трёхъярусные полки.

— Так, дорогой мой, рыбу тащи сюда вот... Да не бери ты помногу, по одному лотку — мне не надо, чтоб ты завтра руки по полу волочил. Вот так, да, аккуратно. Один на другой ставь, не стесняйся. — Приказы Альмира отдавала чётко, спокойно, но так, что никакой возможности возразить не было.

— Хорошо, с рыбой мы покончили. Теперь тащи курицу, нам шесть коробок надо. Да, их вот сюда грузи, над рыбой полка. Молодец. Сколько курицы осталось? Всего пять коробок? Да не может этого быть!

Альмира вышла, сама пересчитала курицу, которой действительно оказалось только пять коробок:

— Ну вот, придётся ещё заказывать. Куда вот им... Ладно. Бери свинины две коробки и ставь вот сюда... Это же говядина! Ты свинину и говядину не различаешь? Ну вот тебе и раз, прислали мне на голову! — Сергею стало очень стыдно, что он не разбирается в таких банальных вещах. Но стало и досадно,

что с него этого знания требуют — не мясником же он сюда пришёл работать, а грузчиком. Эти противоположные чувства как будто промелькнули на его лице, Альмира сжалилась: — Ладно, раз уж принёс, то ставь одну коробку туда вот, на верхнюю полку, а эту неси обратно. Да, бери то, другое мясо, которое в зелёной упаковке. Эх, горе ты моё луковое.

Внимательно оглядев полки и сверившись со списком, Альмира вышла из комнаты для дефрострации.

— Хорошо, теперь пошли в сыпучку.

Они прошли мимо коридора холодильных камер, мимо горы картонных коробок, мимо горы сваленных в кучу поддонов.

— Так, ну-ка, бери этот мешок сахара и понесли его скорей в овощной цех — там нормальные весы. Теперь бери эти две чеплашки. — Альмира протянула ему две жестяные ёмкости, в каких обычно на столовской раздаче лежат гарниры. — Давай, в одну надо десять с половиной сахара, а в другую — двенадцать. Да осторожней же, ёлки-палки! — Сергей слишком усердно размахнулся полным сахара ковшиком и немного сладких и липучих кристаллов упало на пол. — Я только вчера тут прибралась, все полки с Лёшей передвинули — не хватало, чтоб ты тут опять всё сахаром засыпал.

За этот день Сергей узнал много нового. Он научился отличать свинину от говядины, стал правильно открывать мешки, аккуратно надрезая и выдёргивая нитку. Узнал, что ставить в холодильник горячий суп, компот и гарниры можно и они от этого не протухнут — от этого может испортиться холодильник, но если холодильник не твой, то и забота не твоя.

Ещё он познакомился с Лёшей, который работал котломойщиком. За день перекинулся с ним парой фраз — поговорить времени не нашлось, но и тех фраз было достаточно, чтобы понять — он человек неординарный: работал в высоких армейских ботинках, себя просил называть «Брэдом», говорил нарочито гёкая, слабriвая речь излишним и оттого неестественным суржиком. Широкоплечий, высокий, с прямой спиной — он очень несуразно смотрелся с пенной губкой в одной руке и двухведёрной кастрюлей в другой. Не под стать это было ему. Но представить себе его с автоматом или на олимпийском пьедестале тоже не получалось, а вот если во фраке, в накрахмаленной белой рубашке и с застывшей широкой улыбкой в дверях ресторана, метрдотелем этаким, то выходило в самый раз. От него веяло какой-то надёжностью, уверенностью, это была не кичливая и вызывающая самоуверенность гуся из подворотни; не надёжность старого казака из былинных времён, который выстраивает мир вокруг себя, — в случае Лёши это была внутренняя самодостаточность и безотходная самокупаемость. Из-за этого он казался крепким, но вялым.

Вообще, пообщаться по-хорошему не получилось не только с Лёшей, — со всеми остальными обитателями кухни удалось только познакомиться: с разухабистыми мясниками, которые у себя в цехе нарезали вёдрами гуляш, месили бочками фарш и формовали сотни котлет под удалой драм-н-бэйс; с тремя Татьянами, две из которых работали в горячем цеху, а третья была пекарем; с похожим на пирата поваром-заготовщиком Юрой и его коллегой Ириной; с неунывающим су-шефом Олегом, в шкафчике которого почему-то висел распечатанный на принтере портрет Гитлера, и с шеф-поваром Светланой, которая была совсем не похожа на шеф-повара, с Семёном, администратором столовой, который обладал высоким ростом, атлетичной фигурой и каким-то вельветовым басом.

Когда вечером Сергей разбивал на макулатуру картонные коробки, то наслушался сплетен и слухов.

Он узнал, что у Светланы, администратора большой столовой, была квартира в Верее и муж, который, наверное, очень её любил. Светлана была женщиной импозантной и во многом уникальной. Будучи невысокой и плотной обладательницей раскосых глаз, она была счастливой обладательницей попы абсолютно уникальной и невиданной формы — сердечком, как единодушно сошлись все ценители этой части женского организма. У неё всегда была короткая стрижка с длинной чёрной чёлкой и густо, ото всей души накрашенные глаза, которые она автоматически строила всем находящимся в радиусе поражения мужчинам безо всякой задней мысли. Эффект получался противоречивым. Юра по ней сох, Олег с грустью цокал языком, а Семён рассматривал её как удивительное произведение природы, мол, дивны твои дела, Господи! Это дело Господне всегда ходило на шпильках, носило самые отчаянные и приятные во всех отношениях наряды, состоявшие из сплошных рюшек, фестончиков и кружев. Администратором она стала исключительно благодаря тому, что Татьяна, управляющая столовой, приходилась ей родной тёткой, и более некомпетентного администратора представить себе было трудно. Но работникам столовой она нравилась, потому что человеком она по природе своей была проста, добра и ни до чего ей не было дела.

Семён, администратор пищеблока, тоже едва ли был профессионалом высокой квалификации — половину рабочего дня он травил анекдоты в кабинете с шефом и су-шефом, чтобы потом повторить их в курилке поварам, а во второй половине дня пропадал где-то, как говорил Лёша: «на территории». О его возможной очень тесной связи то ли со Светланой, то ли с Татьяной, а может быть и с обеими, судачили все, кому не лень. Так или иначе, но свою должность он занимал надёжно и тоже полностью устраивал своих подчинённых.

Татьяна, управляющая обеими столовыми, была сумрачной женщиной под пятьдесят. Грозным и принципиальным демиургом она ходила по столовой и нахохлившейся буквой сидела в кабинете. Работники командиршу не любили и за глаза подличали. Допустим, большую радость в коллективе вызвал тот факт, что во время отпуска Татьяны в Сочи шли проливные дожди, море штормило и за две недели её пребывания там температура ни разу не поднялась выше восемнадцати градусов. В то время как в Дорохово стояла прекрасная солнечная + 25 погода, а комфортность климата внутри коллектива поднялась до небывалых дотолы высот. Многие посетители отметили, что и гречка стала будто рассыпчатей, и от риса пахло сливочным маслом, а вкус компотов обрёл неведомую дотолы глубину.

Как-то так и прошёл первый рабочий день Сергея, в конце которого он пошёл за пропуском к Светлане.

— Ну, как тебе? Понравилось у нас? — Та сидела в кресле нога на ногу, поигрывая ручкой, словно сигаретой.

— Нормально, работать можно.

— Ну, вот и хорошо. Я очень довольна, что ты так органично и уверенно вошёл в наш тесный коллектив, — плавным, каким-то кошачьим движением она достала из папки маленький квадратик заламинированного картона. — Вот твой пропуск на месяц — не потеряй.

Сергей вышел из кабинета, стараясь поскорее закрыть дверь, но чтобы без хлопка. Его смущало это показное благорасположение, и было совершенно непонятно, как на него реагировать. С такими мыслями он проходил мимо мойки, когда оттуда его окликнули:

— Постой, Серёжа! Подожди меня. Я сейчас закончу и, если ты не против, хотел бы составить тебе компанию на обратном пути в общагу.

— Ну, ладно... — Сергей был удивлён обходительному, но в то же время уверенному и твёрдому тону. Ещё бы ничего, если бы таким тоном говорил какой-нибудь университетский декан, главный редактор газеты средней руки, владелец адвокатской конторы или ещё кто-то в этом роде. Но когда так изъяснялся человек в заношенной майке и полиэтиленовом фартуке, старательно очищающий от остатков присохшей гречки полугарнирную гастроёмкость...

— Я только на улицу выйду, воздухом свежим подышу. Ты ведь не долго? — Сергею хотелось этим «ты» нивелировать риторическое преимущество Андрея.

— Да, я уже скоро. — Андрей принял это «ты», даже не моргнув глазом, как должное, хотя Сергей годился ему в сыновья. — Через пять минут буду у проходной.

На проходной охранник внимательно посмотрел на пропуск Сергея, а в открытый рюкзак только сделал вид, что заглянул.

От бетонной коробки КПП они свернули не налево, откуда Сергей пришёл утром с Александром, а направо — вдоль заводского забора. Потом, спустившись в овражек, пошли мимо лесополосы слева и большого, заросшего борщевиком поля справа.

— Главное преимущество этого маршрута в том, что в пути поговорить можно, — пояснил Андрей.

— Да, на трассе-то и себя самого не слышишь.

— Вот именно. Но Саше обычно такой дороги только и надо — он не привык других слушать, ты это заметил?

Тропинка, бежавшая до этого параллельно шоссе, взяла через поле вправо.

— А ты тут давно вахтуешь? — спросил Сергей и поправил лямку рюкзака на плече.

— Если именно здесь, то пятый раз. Я стараюсь сюда ездить, на завод — меня тут все знают и я всех знаю... Пригрелся.

— А ты ещё где-то вахтовал от «Работа всем»?

— Работал в Егорьевске, на заводе по производству соусов.

— А там разве хуже?

— Ну, как сказать... Если попадёшь на производство тары, то там только преформы пластиковые таскай да выдувай, а это легко и просто. Но если попадёшь на сами соусы, то уже тяжело. Ну, по крайней мере, мне было непросто таскать бочонки эти, ведра по двадцать пять килограммов — никакой спины не хватит. Но тяжёлый труд там не главное. Главное, что там неудобство кроется в условиях проживания. — Андрей мотнул головой, словно отгоняя воспоминания. — Общага там просто страшная. То есть у нас тут на один этаж две уборные и два душа, а там на два этажа был один туалет и один душ. И публика сплошь пьяницы и зэки. Бывает, что всю ночь пьют, дерутся и буянят. А тут как-то посolidнее рабочие. Не знаю, с чем это связано. Может, с тем, что там как раз зэки и они бригадиров к ногтю прижали, а те их боятся их не только штрафовать, но и слово поперёк сказать.

— Погоди-ка... Мне Саша говорил, что штрафует не бригадир, а офис.

— Правильно говорил. Но только куратору ведь бригадир стучит и с каждого штрафа процент имеет. Только если оштрафованный человек с вахты сбегает, то штрафуют уже самого бригадира, поэтому ему приходится поддерживать равновесие и балансировать на грани, чтобы и самому при деньгах, но и чтоб тылы прикрыты были. Вот, скажем, в том же Егорьевске одного бригадира зэки просто опустили. Ты понял, как. А тут, в Дорохово, наоборот было. Здесь три вахты назад была одна администраторша, что вязалась ко всякой ерунде: то за семечки предьявит, то за нарушение ночью режима, когда

ты в туалет пошёл, а то и за курение будто бы в не-установленном месте. С каждого мелкого штрафа копеечка капала. И что в итоге? Сбежало десять человек, и она почти что без зарплаты, на гольном окладе осталась.

Они вошли в лес. В пахучий и уютный осенний подмосковный лес, воспетый группой ушлых, но неудачливых нуворишей из мультфильма про Чебурашку. Именно в этот момент казалось, что лучшего места в мире искать действительно не стоит — до того там было всё именно так, как надо. По крайней мере, русскому человеку, воспитанному на русских сказках. Казалось, именно из-за этой ели сейчас выскочит Серый волк, несущий на спине Ивана-царевича. Именно над такой вот непролазной чащей летит на Ковре-самолёте другой царевич, а путь ему освещает томящаяся в клетке Жар-птица. А если сойти с заботливо кем-то высланной старыми деревянными поддонами тропинки, то обязательно попадёшь к избушке на курьих ножках или встретишь прекрасную Василису со зловещим фонарём...

— Кстати, Сергей, ты заметил, что карщики на заводе все поголовно выходцы из Средней Азии? Это полноценная мафия. Да-да, не смейся. Однажды охрана обнаружила в огромном мусорном контейнере равномерно уложенные плазменные панели на двенадцать миллионов рублей — такой хай поднялся, что на проходной потом целый месяц каждого проходящего разве что рентгеном не просвечивали.

Они вышли из чащи леса и оказались почти напротив входа в лагерь. Дорога действительно оказалась Сергею заметно короче той, которой они утром шли на работу с Александром.

— Но скорее всего дело в том, — продолжил Андрей, — что эти мафиози захотели поменять условия в сделке с охраной, а та не согласилась. Ведь что произошло — плазмы разнесли обратно по цехам, и дело сошло на тормозах, никаких концов не нашли. А вот если бы охрана задержала водителя того мусоровоза на выезде с территории... Думаю, он бы смог дать нитку, за которую только тянуть успевай. Но задержали не мусорщика, а задержали контейнер, а тот уже вещь молчаливая. Кстати, если что, тут можно купить вполне себе заводскую стиральную машину или тот же телевизор. По качеству он ни в чём не уступит заводскому, ведь его собирают из патентованных деталей эти же вполне квалифицированные рабочие. Они только гарантийного талона не дадут, потому что собирают во внерабочее время на внерабочей территории. Ну, ты понял, о чём речь, да? Зато стиралка или телик обойдутся намного дешевле, чем на самой щедрой распродаже. Эх, если бы не в Волгоград везти, то взял бы, ей-богу!

Они прошли пост охраны, вошли на территорию лагеря. Сергей, которому теперь стало как-то неком-

фортно из-за того, что он так панибратски перешёл с Андреем на «ты», решился задать вопрос:

— Слушай, а как вышло, что ты, по всему видно, что человек образованный, вахтуешь тут?

Сергей надеялся, но себе в этом не признавался, что такое непрезентабельное социальное положение Андрея вызвано пороком или преступлением.

— У меня профессия не самая в наше время востребованная. Я зоотехник.

Увидев, что Сергей только глазами хлопает, Андрей вздохнул:

— Этому в университетах учат. Когда-то это было очень важно... Я вот почему учиться пошёл на зоотехника в своё время? Независимости хотел от родителей, ведь если на заводе тогда квартиру давали бог знает когда, то в деревне получить жильё специалисту можно было сразу. И быть первым, пусть и на деревне — это для парня двадцати лет тоже было важно. Понимаешь, ты сразу из городской грязи попадал в деревенские князи! В элиту. Пусть сельскую, но элиту — прямо как завещал Гай Юлий. Плюс подъёмные там, льготы разные, романтика и любовь к своей Родине — вспоминались герои послевоенных лет, поднимавшие сельское хозяйство из пепла, из руин, которые распахивали недавние поля брани под пшеницу и за свои трудовые подвиги получали на грудь орден. Чувствовалось тогда в воздухе, что мы на пороге чего-то нового, невероятного и неведомого. И я скажу тебе, что на этом самом пороге, который в середине восьмидесятых был, я себя чувствовал очень комфортно и теперь скучаю по тому времени...

Андрей пошёл медленнее, почти шаркая ногами по тропинке между кустов. Сергею показалось, что Андрей стал похож на завывающий в пламени свечки фитиль:

— Но тот порог мы переступили, вступили в новые времена, и лично меня эти времена ни к чему хорошему не привели. Не сделал я карьеры, за службу получал тринадцать тысяч в месяц, из которых семь уходило на оплату жилья... А что теперь? Жены у меня, Царствие ей Небесное, нет, дочка в Москве учится, и за ней однушка числится, которая от родителей жены досталась. Вот и решил я свою квартиру сдать в наём, а самому перед пенсией приключений поискать. В восьмой уже раз еду. Сам посуди, меня по специальности ничего хорошего не ждёт — восемь тысяч дохода на руки, а за сдачу квартиры я каждый месяц десять имею и тут ещё двадцать чистыми — могу уже и дочке помогать. Выучится она у меня, в Москве осядет, а я буду одну квартиру сдавать, во второй жить и работать каким-нибудь сторожем. Или, если что-то вдруг поменяется, я и как специалист ещё пригожусь.

Они добрались до своей общаги, вошли в комнату, где пока не было никого из соседей — те ещё работали. Андрей поставил кипятиться чайник.

— Главная беда нашего сельского хозяйства, я считаю, в том, что у нас очень короткий горизонт планирования и нету поддержки от государства для фермеров. Вот Израиль в пустыню провёл искусственное орошение, построил там теплицы, выращивает редиску, потом грузит в самолёты и везёт продавать в Москву, имея с этого выгоду. Почему? Потому что государственные дотации, отсутствие коррупции и уверенность в завтрашнем дне. А у нас? На своём огороде вырастил, на рынок в корзине отнёс, продал, а потом посчитал и понял, что в минусе остался.

Чайник вскипел, Андрей налил кипятком в обе чашки, услужливо подставленные Сергеем.

— Или вот в Аргентине, откуда к нам говядину везут через океан и пять морей танкерами. Почему оттуда дешевле, чем из твоей же Кировской области, откуда корову своим ходом пригнать можно? Потому что круглогодичный выпас, хороший климат, минимальная себестоимость и коррумпированные сволочи, которые для иностранцев все порты открыли — продавай, аргентинский Диего, а владимирский Вася пусть слезает с трактора и охранником идёт работать в магазин, где твоя же, Диего, говядина продаваться будет. Конечно, в глобальном смысле это правильно, если, скажем, газ и нефть добывать на Ямале и продавать в Буэнос-Айрес, а на Ямал слать говядину, которая очень хорошо производится в климате Аргентины... Но мы, люди планеты Земля, к сожалению или счастью, живём не в едином государстве, мы пока ещё не граждане общего мира. Поэтому каждое государство должно блюсти в первую очередь свои интересы, то есть интересы своих граждан.

Андрей подул на горячий чай и осторожно отхлебнул. Горячо, поэтому пока он чашку отставил:

— Ты смеяться будешь, но я предложил бы колхозы возродить, где зарплата была бы не почасовая, а сдельная. Ну, трудодни это называлось. Скажем, принёс колхоз прибыль — получи, работник, процент.

— А вот я бы так работать не стал, да и не смог бы, — наконец-то нашёлся что вставить в разговор Сергей. — Оно непривычно, и на какие же это сбережения простому работнику жить до этого самого урожая? Кредит брать?

— Тогда пусть так — минимальная ежемесячная зарплата и большой куш после сбора и реализации урожая, скажем, в октябре–ноябре, а? Разве плохо, если отработал год, когда тебе каждый месяц выдают на провиант тысяч по восемь, зато по итогам работы сразу полмиллиона в карман? Это вполне реальные цифры, я тебе говорю. Но только в условиях помощи государства и уверенности в завтрашнем дне, а то когда доллар — не доллар, санкции — не санкции, Цапки — не Цапки...

Виданное ли дело, что уже к марту месяцу мы пакистанскую картошку покупаем, потому что свой урожай сохранить не умеем! — Андрей распалился. — А потому что негде — всю советскую инфраструктуру похерили, а новой не возвели. Сельское хозяйство — дело ведь такое... Потенциально, это очень выгодный бизнес с постоянным спросом. Он долгоиграющий в том плане, что ты теплицу построил, и стоит она двадцать лет — вложений не требует, завёл стадо — оно само воспроизводится будет, выращиваешь картошку — с неё же семена имеешь. Но у этого бизнеса очень долгий период окупаемости, велики риски, и нужен большой капитал, чтобы дело начать. А если у тебя есть большой капитал и желание его приумножить, то зачем ты его будешь приумножать несколько лет на молоке, когда ты можешь совершить этот же оборот на каких-нибудь мобильных за пару месяцев? Тут мало быть богатым, надо ещё быть патриотом, надо свою страну любить больше денег.

— Так как же быть? Пускать во власть одних только патриотов? Так вроде бы те, которые из Кремля, Родину очень любят, хотя бы даже и напоказ. — Сергей отхлебнул чая.

— Понимаешь, дело ведь не в том, что у нас плохой президент, губернаторы, депутаты, директора заводов и прочие предприниматели. То есть они поголовно кровососы, но главное дело не в них, а в народе, лучшими представителями которого эти мордвороты и являются.

Хорошо, не все поголовно, но девять из десяти простых среднестатистических работяг, которые среди своих друзей слывят славными малыши, оказавшись у кормила власти, оборачиваются такими упырями, что только держись. Откуда что берётся? Вот, кажется, вчера с ним в очереди за пивом стояли, на субботах вместе лавочки поправляли, но в один прекрасный день стал твой друг председателем, и всё, нету человека, пропал — сначала джип в кредит, магазинчик с сигаретами у трассы, потом дела какие-то в городе, и поминай, как звали. Со своими он больше не знает и где он теперь — неизвестно: может, в депутаты выбился, может, в Монако девочек на скутере катает или в Мордовии срок мотает. Или в фундаменте гаражного кооператива лежит себе тихонько... Вот как так получается, что вчерашний рубаха-парень без гроша за пазухой вдруг таким сквалыжником оборачивается? Вот почему так происходит? Почему в какой-нибудь Австрии или Финляндии люди могут жить нормально, не зарываясь, а у нас лишь бы денег украсть и дверь железную поставить? Может, потому, что сто лет назад весь цвет нации изничтожили — кого на Лубянке кончили, кого на Соловках сгноили, кто в Ледовом походе сгинул, а кто за кордон свалил? Сейчас, кстати, тоже многие валят...

Андрей поперхнулся чаем, откашлялся не до конца и от этого срывающимся голосом начал:

— У нас каждые пять лет не перезагрузка, так опричнина, не перестройка, так нэп! А если не Русская Весна, то коллективизация. Поэтому русский человек не думает о завтрашнем дне — ему надо сегодня успеть. Он понимает, что своё дело строить, чтобы досталось сыну, а от того — внуку, в России по меньшей мере наивно... Это я тебе про горизонты. Вот Демидовы те же начались и кончились при Романовых, например, а финские умельцы из Фискара, которые топоры, лопаты и вилы ещё в семнадцатом веке делали, до сих пор на плаву, потому что в какой парадигме жили четыре века назад, в той же системе координат ещё четыре века пребывать будут, а под Швецией ли, под Россией, независимые ли — это уже дело десятое. Им на конъюнктуру власти наплевать, а в России что-то получается, что-то создавать можно только с оглядкой на власть имущих, и поэтому у нас обычно стараются побыстрее выгрести, все соки выжать и убежать, пока ветер не переменится. Мы из дореволюционной конюшни ресторан сделаем, потому что кладка кирпичная и надёжная. Мы колхозный амбар сайдингом обошьём и скажем, что это торговый центр. Мы на сельпо вывеску поменяем и скажем, что это теперь крафтовый фермерский маркет. — Лицо Андрея скривилось, как будто он выпил не чаю, а водки. — Тьфу. Противно! Как со всем этим быть? Я не знаю. Наверное, ждать, когда снова разродится земля русская новыми пушкиными и королёвыми, а самим постараться не оскотиниться.

Чай в чашке закончился как-то совсем для Андрея незаметно, он с удивлением посмотрел на её дно.

— Ты извини, что развёл тут свою стариковскую демагогию, разговорился я, когда рады слушать.

25.09.201... года. Дорохово, Московская область

В лагерь «Мирный» Сергей возвращался этим воскресным утром после похода в магазин. Стиральный порошок, гель для душа, сушки, зубная паста, пачка чая, сахар-рафинад забили весь объём рюкзака, но не очень тяготили плечи. Хорошо работать при столовой — тратиться приходится только на хозку и неважные мелочи. Иные прутся с целыми баулами макарон, риса и картошки добрых четыре километра от магазина, чтобы потом после долгой смены допоздна варить, жарить и тушить свою скудную еду. По сравнению с работниками конвейера, Сергей шёл налеге.

Бледно-жёлтое октябрьское солнце и нежный прохладный ветерок приглашали присесть — пришлось устроиться на металлических ступеньках

двухмаршевой лестницы серого здания, которая была служебным, чёрным входом для организаций, расположенных в нём. Главный фасад с парадными входами и очень красивыми вывесками ресторана «Флешбек», парикмахерской и салона автозапчасти был обращён к многочисленным путям железной дороги, со стороны которой никто в это здание не приходил: посетители шли из посёлка и на машинах подъезжали оттуда же. Когда-то это здание было ведомственным и принадлежало железной дороге, а потом за ненадобностью было продано на офисы и осовременено пластмассовым сайдингом. Получалось, что нарядным фасадом любовались пассажиры поездов дальнего следования, которые на Минск, Брест, Варшаву, Прагу или даже Ниццу, а одноразовый серый зад был предоставлен взору тех, кто регулярно ходил туда подкрепиться, подстричься или поменять свою старую свечу зажигания на новую.

Поставив рюкзак на ступеньку, Сергей сел, достал пачку, вынул сигарету и нашарил в кармане зажигалку. Чиркнул раз, другой — раздался лёгкий шелчок, и скрежет пружинки о зубчатое колёсико возвестил об отправке кремня в свободный полёт... Возвращаться назад в магазин ради новой зажигалки не было ни малейшего желания, но и идти вперёд до киоска при автобусной остановке тоже не хотелось — хотелось курить именно сейчас и здесь. Поэтому, исполнившись стойкости и решительности, Сергей остался сидеть на месте, в надежде дожидаться прохожего, у которого он сможет спросить огоньку.

Дождался он покашливания откуда-то из-за спины. Высокий и крепкий парень лет тридцати стоял пролётом выше и курил. Он был в шлёпанцах, спортивных штанах и в застёгнутом на пукли поварском кителе, который выглядел из-под чёрной олимпийки с белыми рукавами. Сергей встрепенулся и стрелой, через три ступени, бросился к нему:

— Слушай, огонька не будет?

Повар на мгновение отступил на полшага назад и оценивающе оглядел Сергея, хитро улыбнулся и добродушно протянул ему зажигалку:

— На, держи.

Взяв зажигалку в руки, Сергей сначала прикурил, а потом оторопел, когда увидел на ней золотой с голубым щит.

— Ух ты! Это же Кировской области герб! Где стал?

— А ты тоже оттуда? — Незнакомый здоровяк развёл руки в стороны то ли для объятия, то ли готовясь к борцовскому захвату.

— Да, из Кирова я.

— Вот не ожидал встретить тут земляка! Ты тут на заводе, что ли, работаешь?

— Да, на заводе. Но я в столовой грузчик. А ты тут повар?

Он с недоверием посмотрел на свой китель, а потом ответил:

— Да, повар. Сушист. А давно ты тут вахтуешь?

— Уже две недели здесь котлы с супом тягаю. А ты?

— Ничего себе! Я месяц назад приехал. Ехал-то в Москву на другую должность и на другое место, но... — Он вдруг вспыхнул. — Вот нормально, нет?! Прикинь, звоню им во вторник, спрашиваю, нужен ли им повар? Они отвечают, что конечно же нужен, даже необходим. Я говорю, что завтра выезжаю и послезавтра буду на месте. Они мне в ответ, что ждут с нетерпением. Я на последние деньги беру билет, в четверг с утра стою у них на пороге, а мне говорят, что уже нашли повара. Здорово, да? — Незнакомец вдруг затих, поняв, что погорячился. — В общем, теперь я здесь, а зажигалку держи в честь встречи земляков — у меня ещё две такие есть. Пусть тебе о доме напоминает.

— Большое спасибо!

Пока Сергей радостно вертел в руках подарок, повар в задумчивости курил, словно оценивая своего неожиданного собеседника:

— У тебя, вижу, наушники. Что слушаешь?

— Да так, разную музыку. Рок, рэп, электронщи-на разная... Сейчас киберфолк играет.

— Фолк — это правильно, это всегда хорошо. У меня вся семья музыкальная в той или иной степени. Сам без музыки не могу, и отец, Царствие ему Небесное, когда-то машину только ради магнитолы купил — очень ему нравилось под дождём ездить и блюзы слушать. Дед в своё время чуть срок за свой Грюндик не получил — говорили, типа, он его ночами крутит и загнивающий Запад слушает. А прадед вообще с Задерацким дружил, который в царской семье наследника музыке учил. — Сушист высокомерно и оценивающе, но улыбаясь, посмотрел на Сергея, а тот как раз слишком глубоко затянулся и, чтобы не закашляться, прижал ладонь к лицу и невнятно хмыкнул. Сушист принял это на свой счёт:

— Не веришь, а зря. Подружился с ним прадед уже после революции, когда Задерацкого из столицы выслали. Срок подошёл к концу, и он прадеда с собой звал, обещал помочь с ГИТИСом, но у прадеда уже семья была — беременная жена с младенцем на руках. Так он и остался в деревне, где талант свой открыл.

По дороге мимо них проехал «Фольксваген Амарок», выкрашенный в камуфляж «дубок» с худощавым бородачом за рулём. Лобовое стекло украшала грозная надпись «На Берлин!», а сзади на кузове латиницей гордо значилось: «TANK». Из окна донеслось: «... и я с такой, как она, ни за что, никогда...». Повар продолжил:

— Прадед мой был гармонистом от Бога — первый парень на деревне, которая занималась в основ-

ном лесозаготовками: валили деревья и гнали по узкоколейке до большой железной дороги, где уже грузили в эшелоны. Полноценно, клуб располагался в деревне. В здании бывшей церкви, конечно. Акустика там хорошая — хоть концерт играй, хоть пой, а хоть бы и кино смотри. И висел там портрет композитора Мусоргского, работы Ильи Репина который. Репродукция, конечно, не оригинал. Был тот композитор в деревне когда-то проездом, свечку в церкви ставил — потому и клуб был не имени Ленина или Луначарского, а Модеста Петровича. Наверное, из-за этого церковь не снесли, а только вывеску присобачили.

Повар присел на ступеньку, оперевшись могучим плечом о стойку перила:

— Но не в церкви дело, а суть в том, что прадед напротив портрета этого всё сидел с баяном, упражнялся. Но простые уроки, гаммы там всякие, не давались ему, хоть тресни. Месяц он инструмент тиранил, а с места не сдвинулся. Не идёт дело. Чуть не плакал, но репетиций не бросал — очень он прикипел к этому, хотел добиться прогресса и результата.

И вот однажды, где-то в начале апреля, ночью ему сам этот Модест приснился. Приходит будто он к нему в избу такой, значит, в халате, на лавку садится, руку так кулаком в колено упирает и говорит: «Ты, Ванюша, мне понравился. Упорный, нрава хорошего и мысли у тебя правильные, основательные. Но не с того конца за дело взялся, ей-богу, — тебе эти гаммы гонять, что архитектору бани рубить. Архитектор должен соборы строить, а ты должен хорошую музыку играть, не «трали-вали». Вот лучше мою «Ночь на Лысой горе» сыграть попробуй».

Сергей достал вторую сигарету и закурил. Сушист продолжал:

— И прадед попробовал! Наутро гармонь в руки взял, прямо в избе на эту же лавку сел, на которой Модест ночью во сне сидел, прошёлся по рядам раз, прошёлся два, а на третий выдал без запинки и помарки! По памяти и без нотной грамоты! Вечером пришёл в клуб — все так и ахнули! И потом за какое произведение ни возьмётся — всё ему нипочём! Берётся ли Чайковского играть, которого и выпускник консерватории не осилит — аппликатура сложнейшая, во все голоса нутро рвёт от строевых до квинтовых, но всё как по маслу. Сложнейшая аранжировка — пожалуйста.

Прадеда везде звать стали — похороны ли, свадьба или так, торжество какое — везде и всякий ему, как червонцу, рад, а раз подобное притягивает подобное, то и прадед червонцев тех в загашник сложил — мама не горюй! Зажить бы, кажется, да негде и некуда — времена тогда укромные были. Он и решил в райцентр перебраться.

Повар грустно вздохнул и тоже полез за второй сигаретой, Сергей решил заполнить неловкую паузу:

— Что же ему мешало?

Сушист грустно усмехнулся:

— Штука в том, что тогда в Союзе крестьянину поменять колхоз на город было непросто — без бумаги от председателя и с места тронуться не могли: на первый раз оштрафуют и под конвоем обратно привезут, а на второй раз могли и 58-ю статью полноценно пришить. Эх... В городе-то прадеду раздолье было — торжества не в пример деревенским и не столько количественно, а качественно: рестораны разные, клубы, парткомы, профсоюзы, да и вообще — плацдарм для дальнейшего штурма. Прадед тогда выучился курить — не для удовольствия, а для форсу, для солидности.

Стал прадед искать подхода к председателю. Не то, что подхалимничать, но подличать пришлось — то улыбаться шире, то руку жать жарче. И вот так, долго ли, коротко ли, но пошли они с председателем на охоту. Ну, не бог весть на какую охоту, так — по воронам да грачам пострелять из мелкашки. Председатель ему и говорит:

— Выбил я тебе место в городе, в ЦДКЖ, в доме культуры железнодорожников, который был построен на сокровища Клавдии Ивановны Петуховой. Готовы тебя принять, только справку выправить — и езжай!

— Вот спасибо, дорогой Трифон Семёнович! Вовек не забуду тебя!

— Да ты подожди пока, не договорил. С жильём будет туго — прямо там, в каморке при клубе обретаться и будешь. Поэтому семью оставить придётся тут. Но ведь ты с головой, быстро там на ноги встанешь, а я тут твоих не брошу.

Делать нечего, подумал прадед, придётся пока своих покинуть. Благо, старший уже подросток и малая не только ходить, но и говорить умеет.

Уже билет на поезд покупать собрался, но снова деду Модест снится. Сел он будто на собранный уже в углу чемодан и говорит нараспев:

Казбек в себе хранит разлом —
Твоей судьбины перелом.
С Эльбруса не падёт утёс,
Но жизнь твоя вся под откос.

Встал, развернулся и растворился в воздухе.

Последние дни оставались перед отъездом, и прадед с мужиками пошёл в ночное. Взяли с собой, как обычно, для сугреву... Ну, ты понял? Когда их потом председатель за то пожжённое сено распекал, то всё как-то само собой на деда свалилось, потому что он один из всех курил. Вернее, в открытую курил, потому что потом люди говорили, мол, сгорел тот стог, у которого председателев сынуля ночевал, а прадед с мужиками в совсем другом месте дозор несли, да кто уж потом-то разбираться станет? Тем более что дед

там за старшего был, с него и спрос. Председателя сын по тихарке, боясь отцовского гнева, как раз курил «Казбек».

Отправили деда замаливать пролетарский грех — поддерживать в порядке лесополосу и молодую поросль рубить, чтобы на пути не вылазила. И однажды слетел у него топор с топорщица — надо бы треснуть, да не обо что. Решил треснуть об рельсину топорщицей — оно и верно, сразу встало на топорщице, как так и было, да только смотрит прадед — в стрелке, которая от их дебаркадера на основную ветку выходит, костыль воткнул железнодорожный и та переключиться не может. Побежал он прямо с топором к будке зрителя, а ему уже навстречу паровоз несётся. Дед руки раскинул, поезд остановил, всё машинисту объяснил. Поезда задерживать было нельзя, поэтому они с машинистом тот костыль просто выбили и состав дальше пошёл своею дорогой. Потом, когда куда следует доложили, деду в благодарность срок трудовой повинности скостили, но после стали выяснять, отчего этот костыль там оказался, стога сгоревшие, да другое-третье по мелочи... В общем, не стало у прадеда протекции в лице председателя. Новый же председатель музыку хорошую не любил, а любил теннис — к такому уж не подступиться было.

А в поезде этом ехал Утёсов, концерт давать с оркестром в областной центр. Он, значит, концерт тот дал, а после у местного секретаря партийного спрашивает, как у вас в области дела с радиофикацией обстоят? Секретарь и отвечает, мол, ударными темпами, товарищ артист, опережаем план чуть не вдвое! А сам за дверь — шмыг и к своим подчинённым, у которых все эти радиотарелки со столбами-проводами на бумаге только были. Испугались, что придет потом Леонид Осипович в Москву, скажет что надо кому не следует, и полетят их головы партийные, как капуста кочаны по осени.

Через дорогу важно сам по себе перешёл кот с роскошным хвостом, сел у лесенки и с нескрываемым презрением посмотрел на курящих. Повар неожиданно хлопнул себя ладонью по бедру:

— Того рот наоборот! Фирменный поезд, который из Москвы, «Эльбрусом» назвали! А мы всегда в семье думали, что Модест в прадедовом сне Эльбрусом фигурально назвал насыпь железнодорожную... Блин, я только сейчас понял... Вот ведь, а?

На минуту он замолчал, думая о чём-то своём.

— Ну, Эльбрус уж не «Эльбрус», а радиофикация развернулась темпами небывалыми и уже через неделю в деревне радио провели, а так бы оно у нас ещё не скоро появилось, тем более что следующий год был сорок первый и там не до матюгальников с вальсами стало...

Нет, с радио, конечно, лучше — новости все знаешь, музыку слушаешь, причём всё артистов самой первой величины, звёзды эстрады и с оркестром.

Только прадед понял, что жизненная его гармония закончилась и теперь гармонист нужен либо на колхозной пьянке, где дым коромыслом, либо в филармонии, виртуозом, а такие вот, как он, средний класс, ликвидированы радиоточками и остались теперь или грошовые шабашники, которых под каждым забором восемь штук валяется и никто их не поднимает, или орденосные титаны, которых на всю страну штук десять. Такие же, как дед, червонцы золотые, которые под угол сруба каждого добротного дома клали, теперь не нужны — вместо них звезды всесоюзной эстрады, которые не в каждый областной центр-то с концертом едут, не то что в глухомань. А благодаря радио они теперь в каждом доме и, выбирая между монетой и орденом с лентой, кто же на целковый позарится? Ещё Утёсов и Шульженко в каждом доме работают бесплатно, лес валить они не ходят, уваживать магарычом их не надо, они всегда в голосе и не простужаются.

Поэтому пошёл прадед на работу и топором себе руку тюкнул. Несильно, но с перевязкой месяц потом ходил и ещё пару месяцев после от предложений играть на свадьбах отказывался, будто пальцы не гнутся, а потом сходил в клуб, вбил гвоздь прямо в штукатурку под портрет Мусоргского и на гвоздь этот свой баян повесил.

Прадед потом без вести пропал, когда Белоруссию от фрица освобождали. В пехоте служил, старшиной был.

Он задумчиво и медленно выпустил дымное колечко, которое тут же подхватил и развеял ветер.

— Историю эту я от деда знаю. Он всё думал, а если бы прадед с баяном остался, то мог бы попасть бы в какую-нибудь фронтовую артистическую бригаду к тому же Утёсову. Как бы тогда его жизнь сложилась? Ведь он ошибался, и не смогли звёзды загасить искорки: после того, как прошёл первый ажиотаж вокруг радио, снова стали гармонистов звать, потому что никакое радио не передаст живой и настоящей энергии и чувств. И ставили на радио хотя и очень хорошие, но одни и те же песни, и крутили их по расписанию, а душа-то ведь праздника безо всякого расписания просит, в редких, но метких случаях и за полночь музыки требует.

До сих пор прадеда вспоминают, композитором зовут, потому что его музыка вела куда-то ввысь, к звёздам над головой, а не то что у пришедших после него оболтусов, у которых тальянки только выли и трын-травой пропасть от этого хотелось. Легендарной личностью на их фоне прадед стал. Может, на таких гармонистах деревня-то русская и держалась? Может, будь в каждой деревне такой человек, то и не пропала бы она?

Сушист снова закурил:

— Меня вот тоже подвели сигареты. Ну, то есть не то что сигареты... Короче, я когда не курил, то в

школе разрядником был, а образование у меня высшее, поэтому после второй чеченской я карьеру сделал влёт — в двадцать четыре уже капитан! Но мой двадцать пятый год совсем чёрным выдался. Сначала мне на соревнованиях ключицу сломали и связку в колене порвали — чуть не полгода на костылях, я от безделья и закурил. На даче по галкам и воронам из двустволки стрелял, не зная, куда себя деть.

Когда на работу вернулся, то в первую же неделю мне на задержании нож в левый бок вогнали — опять в лазарет... По службе меня многие обскакали, из первой обоймы я выпал, майорские погоны всё дальше и дальше... Короче, запил я, причём пить-то мне здоровье позволяло — месяцами не просыхал. Потом по глупости подставился... Как видишь, теперь я повар на вахте и путь в органы мне заказан.

Сейчас вот думаю, а вдруг это из-за сигарет тоже всё? Прадеду ведь тоже двадцать шесть было, когда мимо него Утёсов звездой Полынью пронёсся. Я ведь даже предполагаю...

Вдруг из полуоткрытой двери столовой молодой, но резковатый женский голос прокричал:

— Максим, тебе заказ вышел! Ролл «Канада» и удон с курицей!

Повар упруго затянулся, с сожалением выбросил докуренную едва ли до середины сигарету, протянул широкую руку:

— Ладно, пока, земляк! Заходи чур чего! Рад знакомству!

— Я тоже!

Уходя от здания, повернутого передом не в ту сторону, Сергей решил, что с завтрашнего дня бросит курить, а то мало ли что. Но зажигалку положил в рюкзак, на самое дно. На память.

12.11.201... года. Дорохово, Московская область

Сергей проснулся в семь сорок пять — ровно в то время, когда он, совершенно не выспавшийся, обычно приходил на работу, но теперь, в его единственный выходной, голова была поразительно ясной, как будто получила ровно ту дозу сна, которая ей и требовалась — не больше, до ватной вялости и мягкотелой апатичности, но и не меньше, когда каждое действие даётся только после преодоления внутреннего протеста, разгона нутряной манифестации и подавления душевного несанкционированного митинга самыми решительными методами.

Но свежей и бодрой была только голова, а управляемое этой головой тело изнывало от усталости. Это тело могло, но совершенно не желало шевельнуть ни единым своим органом или субъектом и, чтобы просто перевернуться на другой бок, исполнительной власти на местах пришлось затратить немало сил, внушительных ресурсов и убедительных

аргументов. Но когда весь измождённый организм Сергея перевернулся своими надзорными органами к окну, то приуныла и бодрая голова — день был асфальтово-серым, промозглым, обещал дождь, сырость и слякоть. Грязной охрой сквозь расходящуюся мгу смотрелись деревья.

«И как ты теперь на Бородинское поле поедешь, что хорошего там увидишь? — насмешливо спросил оппозиционный политический обозреватель. — Ну, вот увидишь поле, где битва была мирового значения. Конечно, это сакральное место силы и славы русского оружия. Разумеется, там произошло одно из ключевых событий истории Отечества, но тебе-то от этого легче станет, когда с простудой свалишься и никто тебе больничного не оплатит? Поэтому сидика ты лучше на шконке да чай гоняй — целее будешь, а на поле это съездишь в следующий выходной».

«В следующий выходной погода может быть ещё хуже. Что тогда?» — Сергей попытался возразить своей вовсе не жаждущей зрелищ интеллектуальной элите.

«Ну, если и там погода будет плохая, то со смартфона поглядишь — на проезде деньги сэкономишь, так ещё лучше даже. Вот», — обрезал обозреватель и закончил трансляцию.

Казалось, что эти доводы очень даже резонны, но потом вернуться домой и сказать, что два месяца сидел в трёх станциях от Бородино и не нашёл времени туда заглянуть? До конца вахты оставалось две недели, значит, ещё будет только один выходной на экскурсию. Но там погода может быть ещё хуже или реально может свалить простуда и точно будет не до поездов.

Собравшись с силами, Сергей сел на кровати, дотянулся до стоявшего на тумбочке чайника, нажал на кнопку. Пока тот закипал, он пристально вглядывался в окно, стараясь рассмотреть хоть какой-то признак улучшения погоды, хоть один просвет в тучах, хотя бы призрак надежды. Безрезультатно. Однако аналитический отдел сообщил, что в окне он видит только малый кусок неба, поэтому для понимания всей картины пришлось натянуть штаны и с чашкой горячего и душистого чая с чабрецом смело шагнуть в прохладу октябрьского крыльца. Хотя с чаем и в штанах он чувствовал себя намного комфортнее, но теперь уже полностью обозримое волглое и серое небо уверенности в целесообразности вояжа не внушало.

Сергей сел на скамейку, посмотрел в урну, набитую до отвала окурками и пожалел, что из соображений экономии бросил курить две недели назад. Один из окурков был выкурен меньше, чем наполовину и манил к себе, но — нет, сигарет нет и не будет минимум до конца вахты. Над лесом с востока на запад пролетела какая-то большая чёрная птица. Проследив за её полётом, Сергей вздохнул и пошёл об-

ратно в свою комнату, где уже было лёг на диван и стал думать, что бы такого почитать, когда победившая волна народного возмущения организованно захватила все площади, мосты и телеграфы. Харизматичный лидер общественного мнения уверял, что уж не какие-то стахановские производственные подвиги Сергей совершает и если простудится, то вряд ли до пневмонии. Возвращаться же сюда, на новую вахту на этот завод проклятый и в этот пионерлагерь конченный, он не планировал никогда, поэтому вряд ли в этой жизни побывает и на Бородинском поле. Отлежаться же на диване он и в деревне успеет, тем более что после вахты в ноябре делать там всё равно будет нечего. Посмотрев расписание, выяснил, что ближайшая электричка в десять ноль четыре. Хорошо. Значит, надо подкрепиться и собираться потихоньку.

В девять двадцать, когда Сергей покинул территорию пионерлагеря и двинулся в сторону станции «Партизанское», в сером небесном асфальте стали появляться радующие глаз трещины, прогалины и просветы. Конечно, морось последних дней сделала своё дело и пробираться вдоль просёлочной дороги было трудно, очень утомительно и мокро — приходилось тщательно искать место, куда могла бы ступить нога, а зачастую стараться угадать, какая из двух луж является меньшим злом. Тем не менее до станции удалось добраться даже раньше, чем предполагалось. Интересно, каким именно партизанам обязано это место своим именем — тем, которые в 1812-м жалили отступающую Непобедимую армию, или тем, что в 1941-м пускали под откос фашистские эшелоны? Жаль, что некого было спросить, и даже билетная касса была закрыта. Сергей успел трижды обойти платформу из конца в конец, пока из-за поворота не выглянула электричка, оглашая окружающую пустоту могучим гудком. «Вот и стоило ли окрестных птичек и белок пугать, чтобы предупредить и так готового к прибытию поезда меня, — подумал Сергей, забираясь в вагон, — тем более что я мог бы и не поехать никуда. Для кого бы тогда прозвучал этот гудок? Кто бы услышал его в этот понурый день на пустом перроне?»

В тамбуре в очереди к выходу перед Сергеем стояла пара — молодые мужчина и женщина лет двадцати пяти—тридцати. Женщина обнимала мужчину за талию, а его правая рука лежала на плече подруги, а в левой он держал двумя пальцами за ручку над пробкой на две трети опорожненную бутылку светлого пива. Оба были среднего роста, подтянутые. Можно было бы назвать их даже атлетичными, но это мешала сделать бутылка. Женщина обернулась на Сергея, игриво усмехнулась и, высвободив руку, поправила прядь светло-русых волос. Мужчина обернулся на Сергея, осмотрел его с ног до головы и, не меняя выражения лица, повернулся обратно.

— Извините, а вы не знаете, как пройти к Бородинскому полю? — спросил Сергей.

Женщина, не переставая улыбаться:

— Смотрите. Выйдете из поезда и сразу идите за вокзал, там улица будет Бородинская. Вот по ней идите. Но там далеко, километра три будет. Можно на автобусе съездить, но он не очень часто ходит.

— Спасибо большое, я, наверное, пешком.

Выйдя из поезда, Сергей первым делом огляделся. Свежий ветер расшевелил насупившиеся с утра тучи, и они почти все скрылись с неба, разбежавшись по своим кучевым делам. Только несколько тучек среднего размера задержались над зданием выкрашенного жёлтой краской вокзала. Здание было бы похоже на сотни других вокзалов, встречающих пассажиров в забытых богом местах, где во всей окрестности с горем пополам проживает пара тысяч человек, если бы не барельефы «1812» и «1942» у входа и если бы не увенчивающая крышу стела со звездой на вершине. С этими атрибутами здание взирало на смотрящего с внушающей почтение горделивой скромностью, тем более что вокруг здания разбит парк с аккуратно подстриженными деревьями и кустами, чего в других богом забытых местностях уже не встретишь. Благообразие, перед которым не стыдно и шапку снять.

Чтобы сразу составить план мероприятий, Сергей пошёл взглянуть на расписание электричек обратно. Ага, значит вот как. Ближайшая в двенадцать ноль одну, но уж очень рано, если до поля и обратно больше часа ходьбы. Подходит скорее всего та, которая в пятнадцать десять или после неё, в шестнадцать тридцать семь. Нормально.

На скамеечке под расписанием сидел нервный худощавый мужчина немного старше Сергея. Мужчина озирался по сторонам, вглядывался куда-то в парк, будто надеялся, что его встретят, но, никого не дождавшись, встал и пошёл в противоположную вокзалу сторону, прямо через железнодорожные пути. Сергеем показалось, что у него в волосах седина.

Никак не укладывалось в голове, что идёшь по Бородинской улице к Бородинскому полю. Серьёзно, когда идёшь мимо этих невнятно-типовых двухэтажных домов, кирпичных остановок, бессовестных сараев, то кажется, что всему внутреннему трепету и восторженности ты обязан только самому себе и кроме как внутри тебя их нигде и нет. А стихи Лермонтова или «Война и мир» Толстого всё равно, что «Старшая Эдда» или ирландские легенды — дела давно минувших дней, преданья старины глубокой.

Дорога сквозь отпевающую свою последнюю осень лесопосадку удивляла подозрительно ровным дорожным покрытием. Видимо, дорожники постыдились воровать и сделали работу на совесть, потому что фонари получились какими-то прямо помпезными, только почему-то стоят они от дороги далеко.

Неужели получается осветить дорогу с такого расстояния? Может, в проект ошибка закралась? Стоп! Да ведь это не фонари вовсе, а обелиски!

Порыв ветра обдал Сергея каким-то томным запахом нездешней свежести, в которой было всё: и улыбка пылающих сосновых дров, и прохлада бездонного голубого озера, и берущая за душу проникновенность первой весенней радуги. Придорожные мемориалы как будто стали ярче, весомее и чётче благодаря мерцанию откуда-то изнутри, с той, другой стороны.

Оглядевшись, Сергей неторопливо пошёл к памятнику у дороги, к могиле капитана Огарёва. Кем был этот капитан, чем прославился, какие звёзды горели над ним и какой он совершил подвиг, Сергей не знал, но вид этой скромной могилы сперва напомнил поминальные камни у шоссе, разные венки на столбах, рядом с которыми люди отмечали место гибели своих родственников или друзей. От таких стихийных и самодельных мемориалов Сергеем всегда хотелось сложить фигу в кармане. Ему казалось, что люди, которые ставят эти монументы, просто выносят своё горе напоказ или пытаются заглазить вину перед теми, кому все эти венки с плитами глубоко безразличны.

Но здесь ощущение было иным — монумент казался самодостаточным, не нуждающимся во внимании к себе окружающих. Ему было все равно, где он находится: тут, в ряду других стел и памятников, или на замшелом сельском кладбище, ведь и там, и тут над ним было одно и то же небо, к которому он стремился всеми своими гранями.

— Молодой человек, вы идёте к Спасо-Богородскому монастырю?

— Здравствуйте, — ошарашенно-недоверчиво Сергей глянул на непонятно откуда взявшуюся сухощавую старушку, одетую в зелёное долгополое пальто цвета весенней опушки в ясеневом лесу. — Ну, как вам сказать... Я пришёл вообще на Бородинское поле посмотреть. И на монастырь в том числе, конечно.

— Не согласитесь ли вы меня сопроводить? Дело в том, что я должна была встретиться с подружкой, но она почему-то не смогла сегодня приехать и теперь я просто нуждаюсь в провожатом. Я хромаю. Тем более что я буду вам полезна, ведь я очень люблю это Поле и когда-то писала диссертацию о нём.

— Буду весьма рад! — Сергей срочно вспоминал слова из приключенческих романов, чтобы соответствовать этой даме. — С удовольствием составлю вам компанию и послушаю, потому что сам знаю не так много, как хотел бы.

— Тогда обещаю быть интересным и информированным собеседником. — Тут старушка улыбнулась и посмотрела прямо в глаза Сергею. — Меня зовут Маргарита Викторовна, а похороненный здесь

капитан написал в своём дневнике, что накануне битвы он с другом долго смотрел на небо, где горели светлые огни — звёзды. На следующий день Огарёв получил смертельную рану, а его друг, тоже смотревший на небо, получил за храбрость золотую шпагу. Он потом ушёл к звезде пленительного счастья, став декабристом, а в красноярской ссылке начал вести метеорологические наблюдения, то есть продолжил смотреть ввысь.

— Это как в песне: «Я иду по своей земле к небу, которым живу» ...

Маргарита Викторовна как будто не обратила внимания на его реплику:

— А из какой земли вы пришли к этому бородинскому небу?

— Как вы необычно вопрос сформулировали... Вообще я из Дорохово приехал, на заводе там работаю вахтой. Но сам я из Кирова, который Вятка — города, знаменитого своими стиральными машинами, лыжами и квасом.

— Странно, что вы оттуда. Характерного вятского говора совсем нет. Вы из самого города?

— Можно и так сказать. С окраины, которая совсем недавно была пригородом. Ох... Когда я родился, это была деревня, а теперь уже часть города. Старожилы ещё окают, а те, кто помоложе, нет.

— Так я и думала. Тут дело во влиянии города, потому что города лишают своих жителей особенностей языка и индивидуальности — причёсывают всех под одну гребёнку. Разве что москвича ещё можно распознать по аканью и манере говорить, а человек из Саратова говорит точно так же, как говорит житель Красноярска. Но вот сельского жителя из Саратовской области вы ни за что не спутаете с сельским жителем Красноярского края — они совершенно по-разному говорят на одном и том же языке. Дело в том, что мы живём во время стирания границ, пересмотра ценностей и в повсеместном стремлении заполнить духовную пустоту информационным граем. Волна этой истерии в первую очередь накрывает крупные города, а окраинам достаются лишь брызги. Поэтому пока им проще сохранять свою особость и уникальность.

— Но разве это так плохо, если все одинаково говорят на одном языке? — Сергей придерживал под локоток старушку, которая довольно ощутимо хромала. Деревья лесопосадки остались позади, и теперь они шли мимо выстроившихся вдоль дороги домиков.

— А одинаково на нём говорить не получится. Даже мы с вами на одном и том же языке говорим по-разному, ведь язык — это живое существо, которое не статично, которое движется, ошибается, мечется, развивается и постоянно меняется вместе со своим носителем, а если не меняется язык, то не изменится и говорящий на нём. Вот скажите мне, вят-

чанин, как бы вы продолжили фразу «жадина-говядина»?

— Булка-шоколадина, конечно.

— Вот, в том и дело. Московский ребёнок безапелляционно заявил бы: «Турецкий барабан», а его вологодский сверстник выдал бы нам: «Солёный огурец», но благодаря телевизору эти же дети точно знают, что молоко может быть вдвое вкусней только в том случае, если это Milky Way, а райское наслаждение — это Bountu. Причинно-следственная связь в сознании построена и готова к использованию. При этом не имеет значения, откуда эти дети — из центра Калининграда или из марийской деревни.

— Да, я тоже такое замечал. У этих людей будто уже есть ответы на все вопросы: «Ты где был? Пиво пил!», хотя зачастую это вообще ни к селу ни к городу. Это как шутка, чтобы разрядить ситуацию, которую не надо разряжать, или как возможность уйти от ответа, закосив под дурачка. Но разве эти остряки недалёкие смогут повредить такой громадине, как русский язык в целом. Ну, который язык Пушкина, Тургенева и Чехова?

— Понимаете, вот, например, Мандельштам писал, что русский язык не только дверь в историю, но и сама история России и язык, а значит, и русский народ как раз и сложились из бесконечных примесей, скрещиваний, прививок и чужеродных влияний, но в одном языке остаётся верен самому себе и в пределах всех своих изменений остаётся величиной постоянной, «константой». В чём заключается эта единая в своём разнообразии константа, этот стержень, на котором всё держится, никто не знает. Но если лишить язык этого разнообразия, выстроить его в монотонные и геометрические точные построения, уместить в единой парадигме, то и разрушить его можно будет так же просто, как ряд костяшек домино: толкни одну — и за ней рухнут все.

Не могу сказать, что это: вызванное влиянием извне целенаправленное разрушение или же естественная национальная деградация, но в одном я убеждена — этот процесс происходит прямо сейчас и ничего подобного в нашей истории ещё не было. Скоро реакции носителя такого стерильного и выхолощенного языка станут предсказуемыми, а значит, что и сам человек будет предсказуемым, как градоначальник Салтыкова-Щедрина с органчиком в голове, который по любому поводу: «разорю!» и «не потерплю!».

— Уж какая-то совсем мрачная картина получается, ведь если реакции человека легко угадать, то таким человеком легко управлять. Неужели этого можно добиться одним только словом, которое суть есть колебание воздуха?

— Понимаете, мы ведь окружающий мир видим не глазами, а языком, и если человек не может назвать предмета, который он видит, то и самого пред-

мета для него не существует. Помните, как Адам из мифа давал имена всему тому, что видел? Потому что в начале было слово. Нет слова — нет и явления. Например, если показать двигатель машины в разрезе мне, то я скажу, что внутри большой штуковины находятся какие-то штуковины поменьше. Но зачем, для чего и почему это всё работает, я не смогу сказать ни за что. Автомеханик же точно определит, что это схема двигателя машины определённой марки, что вот это — коленвал, это — цилиндр, а это вот — поршень. Но если показать мне стихотворение поэта-обэриута, то я легко смогу сказать, где тут гротеск, где метонимия, где литота, а где синекдоха. Автомеханик, глядя в тот же самый текст, скорее всего скажет, что перед ним какой-то бред.

— Ну да, надо мной недавно тоже смеялись, когда я свинины от говядины не смог отличить. Для повара это элементарные вещи, а для меня одно — что мясо, еда.

— Вот именно! А теперь представьте, что не осталось ни поваров, ни филологов, ни механиков, а есть только бред и непонятные штуковины? Наверное, эти люди не смогут больше существовать и им срочно понадобятся термины, чтобы больше не блуждать во тьме. К этой тьме нас и подводят, подсовывая новые слова, вроде слова «хайп». Это слово очень хорошее и удобное, но оно и его производные собой заменяют в лексиконе ряд других слов, которые за ненадобностью через десяток лет из разряда живых слов перейдут в разряд слов книжных, ещё через десять лет станут словами устаревшими, а ещё через десять лет их забудут. То есть слова вроде «ажитоаж», «шумиха» и «гвалт» забудут ещё до того, как вы, молодой человек, выйдете на пенсию и вам придётся жить в обществе повсеместного хайпа.

— Это как из всякому понятных «домогательств» сделали неведомый «харрасмент», который бог его знает что и значит-то. И именно ведь благодаря интернету таких словечек появляется всё больше, а если ты их не употребляешь, то и сам уже какой-то устаревший. Как бесит сегодняшнее повсеместное «ну такое...»... Какое это «такое»?

— Да, именно. Этим самым «таким» можно заменить несколько десятков описательных прилагательных, вычеркнув их из языка и из голов наших сограждан, а тогда фантастичный вымысел фильма «Кин-дза-дза», где словарный багаж инопланетян состоит в основном из слова «Ку!», станет объективной реальностью.

Бродский считал, что язык — это вещь более древняя и неизбежная, чем государство. За последние сто лет государственный строй радикально менялся трижды, но русский человек остался, вместе с примерно тем же русским языком, примерно тем же самым человеком. Что будет, если язык станет совсем другим? Станет ли иным человеком тот, кто го-

ворит по-другому? Влияя на язык, можно и из его носителей сделать кого-то другого. Лучше или хуже — не знаю. Может быть, с точки зрения Вечности эти изменения будут носить позитивный характер, но я лично не хочу жить в эту эпоху перемен и поэтому надеюсь, что изменения не произойдут вовсе или произойдут не на моём веку.

Домики закончились. Слева от дороги распахнул объятия пологий овраг, а справа открылся вид на поле.

— Бог рати он.

— Что? — не расслышал отвлекшийся на что-то Сергей.

— Ничего, так — мысли вслух. Не обращайтесь внимания. Вы ведь знаете, кто такой Денис Давыдов?

— Ну да... Герой восемьсот двенадцатого года, партизан, поэт.

— Именно так. А вы знали, что его поместье находилось вот здесь, на самом Бородинском поле? Примерно вот там, в низине, был барский дом. — Она указала рукой куда-то в неопределённое место довольно обширного луга. — После революции семнадцатого года поместье пришло в запустение, а когда тут создали колхоз, то усадьбу определили под коровник. Теперь даже фундамента не найти. Кстати, именно Денис Давыдов, который был адъютантом Багратиона, убедил императора Николая Первого перенести на Бородинское поле прах князя.

— А я думал, что Багратиона похоронили там, где он погиб.

— Нет, Пётр Иванович умер от гангрены спустя почти месяц после сражения. Врачи неправильно поставили диагноз и не извлекли осколки ядра из раны. Князь преставился и был похоронен в селе Сима, которое во Владимирской области. Там он и покоился до тысяча восемьсот тридцать девятого года, пока не построили монумент героям Бородинского сражения на батарее Раевского, — к этой дате и приурочили перезахоронение.

Маргарита Викторовна остановилась, посмотрела с какой-то тоской вдаль и продолжила:

— Следующее перезахоронение случилось спустя почти сто лет, когда благодарные потомки решили, что монумент не представляет ни исторической, ни художественной ценности, а потому взорвали его и отправили на переплавку. Конечно, тогда была пора, когда время текло иначе — пятилетка проходила за три года, на Донбассе симфонии давал энтузиазм, на горизонте мерещился коммунизм в обнимку с небрасывающим тени счастьем. Может быть, тогда Багратион действительно казался каким-то незначительным генералишкой, павшим жертвой местечкового столкновения геополитических интересов двух царьков, носящего характер приграничного столкновения Переяславль-Залесского и Владимиро-Суздальского княжеств... При взрыве монумента было разрушено надгробие и кости героя остались ле-

жать под открытым небом. Ходит легенда, что их не оставили на поругание, а потихоньку захоронили добрые люди, не поддавшиеся угару того окаянного времени. Кто говорит об учительнице, похоронившей кости героя в тихом овражке, а кто вспоминает батюшку, упокоившего бранные останки в монастырской земле. Как бы оно ни было, но когда в Перестройку хватились и стали восстанавливать утраченное к не совсем круглому юбилею, то смогли найти только эполету и несколько пуговиц от мундира, которые и похоронили в отреставрированной усыпальнице у подножия восстановленного монумента.

— Но я слышал, что в годы Великой Отечественной, когда обороняли Москву, Бородинское поле удерживали до последнего?

— Да, тут вы правы — за этот клочок земли держались, как за символ и стояли намертво. Только когда стало ясно, что фашист обходит защитников с флангов и скоро возьмёт их в кольцо, Жуков и Говоров приняли решение отступить. Дивизия отступила, но отступила она под знамёнами русских полков восемьсот двенадцатого года, которые забрали из музея. Получилось, что немцы повторили судьбу французов — для обеих великих армий бородинский триумф обернулся пирровой победой, а отступившие с Поля остались в памяти народной героями.

Слушая этот горьковатый рассказ, Сергей глядел на монументы, встающие то там, то здесь, и чувствовал себя одновременно неловко, но радостно. Радостно потому, что в эту самую минуту он прикасается к чему-то однозначно великому и к этому великому он хотя и опосредованно, но причастен, потому что он — часть того народа, который дважды принял здесь решительный бой. Неловко же было потому, что он также, хотя и не напрямую, но виновен, ведь и он потомок тех, кто в диком угаре пустил на слом свою же историю, чтобы потом тщетно искать в пыли обрывки славного мундира.

— Теперь мы с вами дошли до монастыря, который основала Маргарита Тучкова. Открыли монастырь тоже в тысяча восемьсот тридцать девятом, вместе с монументом памяти и вместе с гробницей Багратиона. Спустя ровно девяносто лет, в тысяча девятьсот двадцать девятом году, монастырь закрыли, а его территорию назвали посёлком Ворошилово. Извините, снова получается возвращение к нашему предыдущему разговору, — Маргарита Викторовна кокетливо приложила руку к груди. — В новом посёлке устроили школу, в которой он и пробыл до немецкой оккупации. Значит, никакого батюшки, похоронившего Багратиона, тут не было, а была учительница, во-первых, потому, что вместо монастыря была школа, а даже если бы и был монастырь, то был он монастырём женским.

После войны монастырь использовался как МТС, то есть машинно-тракторная станция. Снова мона-

стырём он стал в тысяча девятьсот семьдесят втором году, к сто пятидесятой годовщине. Поэтому, если предположить, что перезахоронение было в тридцать втором году, то за сорок лет это место надёжно истоптали ноги школьников, каблуки санитаров и сапоги трактористов. Если могила и обнаружится, то только случайно. Теперь же мы пришли и я оставлю вас здесь. Сама схожу в храм поставить свечку, а вы погуляйте по монастырю, зайдите в музей и поклонитесь монументу. До свидания!

— Ладно, хорошо. То есть ты хочешь мне сказать, что совершенно случайно залез в кусты и первым же делом, но опять же абсолютно случайно полез в тайник с метамфетамином, да? А зачем ты взял с собой кирпич? Что ты там в кустах с ним делать хотел, а? — Большой, злой и небритый мужчина в белой рубашке с закатанными рукавами упёрся руками в стол и грозно смотрел на съездившегося от страха подозреваемого.

— Ничего я ни о каких наркотиках не знал! Нафиг мне они не нужны! Я вообще случайно ту пачку подобрал — думал, что там сиги остались, потому её и распирает. Вот я её и открыл, а там этот пакетик грёбаный.

— Значит, я должен поверить, что ты не рецидивист Корчёмкин, восемьдесят пятого года рождения, которого мы должны были взять на этой закладке и который оплатил эти три грамма барыге час назад, а барыга в свою очередь скинул ему координаты именно этих кустов? Я должен решить, что ты случайно оказался там с кирпичом в одной руке и особо крупным размером наркотических средств в другой? Ты меня за кого держишь, а?

— Какой ещё в ж...у Корчёмкин?! Никакого Корчёмкина я знать не знаю! Лосев моя фамилия! Иван Алексеевич, восемьдесят шестого года рождения я. Живу я тут, на Бородинской! Снимите наручники — я вам паспорт покажу! Вон он, в заднем кармане у меня! Возьмите, проверьте!

Стоявший сзади задержанного полицейский грубо поднял Ивана Алексеевича со стула и извлёк у него из заднего кармана паспорт в потёртой пластмассовой обложке и передал большому мужчине в рубашке.

— Хм... Действительно, похож. И паспорт вроде не поддельный... Сержант, ты как его досматривал, а? Кошелёк и зажигалку нашёл, а паспорт проворонил? Издеваешься, мля? Может, у него там базука за пазухой, нет? Да и не седой он совсем, а светлорусый... Снимай с него наручники.

Сержант покраснел, мол, с кем не бывает, и приступил к исполнению приказа. Капитан в штатском махнул на него рукой, отвернулся, на минуту задумался и снова наслел на теперь уже идентифицированного Лосева.

— Короче, у меня к тебе очень хорошее предложение. Оно должно тебе понравиться. Ты сейчас мне подробно и внятно объясняешь, что ты делал в кустах. Будешь со мной откровенен, отправишься к чёртовой матери на все четыре стороны.

Задержанный, разминая затёкшие от наручников руки, собирался с мыслями:

— Короче, мы с Людкой ехали в электричке со дня рождения друга. Денег нету, а получка только в среду. Выходим уже в тамбур, подъезжаем к Бородину, а сзади к нам пристраивается какой-то турист, москвич по ходу дела, он ещё спросил, как до Поля пройти... Ага... Вышли мы, значит, на платформу, а там никого во всей округе не видать. Доходяга только какой-то на скамейке сидел. Решили мы его, москвича этого, на бабки развести. Он пока на расписание глядел, мы с Людкой сговорились, что она подгадает, и когда тот с платформы спускаться будет, то станет типа джинсы поправлять или ещё что-то типа того. Если москвич на неё посмотрит, то я из кустов выскочу и за неё вступлюсь, мол, чё смотришь? Она голосить начнёт. Ну и разведём его на бабки. Всё. А кроме кустов этих мне негде спрятаться было.

— А что за москвич такой был?

— Ну, он в такой куртке серой, очки у него...

— Внешность его опиши!

— А... Ну, он... Это... Немного меня пониже, в плечах широкий, толстый, волосы русые, кажется...

— Так... Говоришь, ещё какой-то доходяга на платформе был. Он как выглядел?

— Блин, тут не знаю — он же сидел. Одно что толстый, тёмный весь какой-то — будто из запоя... Сидел на лавке, ждал кого-то, а потом встал и через пути ушёл, к шоссе. А! Он вроде не старый ещё, но уже совсем седой.

Капитан громко ударил себя кулаком правой руки в левую ладонь:

— Значит, проворонили и спугнули... Ну ты и козёл! И москвича того ты хотел не на понт кирпичом взять, пока он на твою лярву пялится... Ладно, не до тебя сейчас, вали отсюда. И чтоб я тебя больше не видел, понял?

Внутри собора Сергей не пошёл из-за какого-то стеснительно-стыдливого чувства. Он не был религиозен, и ему было неуютно ловить надменные взгляды всех этих чопорных людей, казавшихся ему глубоко духовными. Сергей решил обойти собор, который был похож на старика в фуфайке с бравым и чуть усталым прищуром. Кем он был? Может быть, в молодости он воевал, храбро сражался, получил медали и был с почётом демобилизован. Военная карьера его не прельщала, и он поехал в тундру, где с геологоразведкой искал для страны золото, нефть и газ среди ледяных торосов арктической пустыни, а по-

том, решив остепениться, завёл семью, ходил до пенсии на какую-то обычную работу, которую делал хорошо и исправно и вот теперь, на закате дней, он сделался пасечником, чтоб кормить внуков настоящим мёдом, чтоб ни одна хворь не проняла. Какое-то благородное и немного насмешливое спокойствие излучало это место.

После Сергей сходил в музей, но такого же впечатления они на него не произвели. И тот, где про Толстого, и тот, где карикатуры, и там, где основная экспозиция, — всё показалось напускным, картонным и для галочки. Полуобвалившиеся доты поражали намного больше, а от монумента на батарее Раевского просто перехватило дух. То, что он был восстановлен в год рождения Сергея, радовало — было приятно иметь такого сверстника, который казался одновременно и дозорной башней, увенчанной золотым куполом, и палицей чудо-богатыря, оставленной здесь до времени. Может быть, это и есть тот нерушимый стержень, на котором стоит русская земля?

Поклонившись монументу и кенотафу, Сергей сел на холодные, но уже успевшие обсохнуть камни. Перед ним было Поле. Он видел дорогу, которой сюда шёл, и все мемориалы, казавшиеся отсюда совсем крошечными. На минуту захватило дух, когда он представил, как тут сходились в бешеной схватке сотысячные армии, а спустя сто лет серое осеннее небо разрывали тревожные и смертоносные злые самолёты, сбиваемые встречным звездопадом с земли на небо. Сколько тут оборвалось жизней, сколько желаний осталось неисполненными, сколько мечтаний прошло впустую, сколько талантов зарыто в эту ничем особо не примечательную землю. Вот если бы это поле не было Бородинским, не знай о подвигах, которые свершались тут, то угадал бы он о какой-то необычности, сакральности этой местности?

Сергей моргнул, и перед глазами словно сгустился и тут же развеялся туман. Он вспомнил почти такое же, очень похожее поле, где с одной стороны тоже полулесок, с другой стороны сады. Правда, вместо монастыря там завод, а вместо монументов — опоры ЛЭП и дорога не асфальтовая, а грунтовая, от каждого дождя размокающая. И не бились за это поле армии, не писали о нём великие писатели и поэты, но, если глядеть на это поле вот так же, сидя в тишине на закате, то окатывает такой же спокойной силой и светлой одухотворяющей тоской, которая не давит, не гнетёт, а подталкивает к действию, к подвигу, к чему-то вот такому — доброму и бескомпромиссному. А к чему — это уж ты сам выберешь, по себе возмьёшь ношу — может, бросишься с гранатой под танк, а может быть, посыплешь раскисшую тропинку щебёнкой, чтобы у совершенно незнакомых тебе людей не мокли ноги.

Оба поля наполняли сердце и будили в душе совершенно одинаковое чувство, давали одну и ту же его меру без оглядки на свою прописку, своё местоположение. Этим чувством была томительная красота, не привязанная к конкретному месту. Красота — она и есть красота и не бывает можайской, вятской, рязанской или московской. Она всегда одинаковая, и за неё стоит биться. И если за это Поле, если за эту землю уже и без него полегло столько народу, то его родная, собственная земля стоит одна — без пахаря, защитника или даже наблюдателя. Без него.

Уже на перроне ожидая электрички до Дорохово, Сергей никак не мог унять переполнявшую его гнетущую тревогу. Увидев курящего рядом парня лет двадцати пяти, Сергей стрельнул у него сигарету и со дна рюкзака достал зажигалку с гербом. Сразу приятно-ватное ощущение разлилось по конечностям, закружилась голова и рвущееся домой, в деревню, чувство притупилось.

В электричке Сергей притулился напротив семьи — мужчины и женщины лет сорока и мальчика лет десяти. В руках у мальчика была подкова.

— Пап, слушай, а ведь это может быть подкова с того самого сражения? Может, это от лошади какому-нибудь гусара или даже генерала?

Не желая огорчать сына, отец, глядя на новую и блестящую подкову с клеймом, очень похожим на эмблему спортивного общества «Динамо», уклончиво ответил:

— Я ведь не очень в подковах понимаю. Может быть, она и не такая древняя, а осталась тут со времен обороны Москвы в сорок первом...

Тут в разговор вступила мать, желая поддержать сына, но ещё не поняв манёвра отца:

— Да уж какие там лошади! Они тогда только на парадах остались, а там уже грузовики всюю, тачки разные, поэтому подкова точно со дня Бородина.

— Я её тогда завтра в школу отнесу, на уроке истории покажу! Может, её в музей поместят и напишут, что её я нашёл!

Тут словно вышел из спячки кемаривший в соседнем ряду разухабистый, добродушный, но не очень опрятный мужик:

— Это всё, сынок, эхо войны, понимаешь. Вот я, например, этим летом под мостом нашёл целый ящик динамиту! Из Москвы сапёры приезжали, обезвреживали, да! — Мужчина очень вкусно зажмурился, будто вспомнил что-то очень приятное и едва ли связанное с сапёрами. — ...дай-ка я под этот мост загляну. Залез я туда, значит, а мост старый, из каких-то шпал — еле живой, труха уже. Но вижу, будто прямо из-под основания моста на меня какая-то доска смотрит, грань ящика, ребро его то есть. Я ближе подполз, гляжу — а это действительно ящик, завернутый в истлевший брезент и закинутый ветками, которые уже тоже в труху. Открываю я его, и как был,

без штанов, из-под моста выскакиваю! Кило двадцать было наложено, нисколько не меньше! Ну, то есть динамитных шашек в ящике том. Непонятно, то ли это ящик там спрятали, а потом забыли, то ли мост заминировали, но не взорвали, но суть не в этом. Считай, чуть не восемьдесят лет колхозники туда-сюда коров гоняли, а про динамит не знали. Какой-нибудь дурак папиросу бы под мост бросил — и привет. Как с Байконура бы стартанул! Меня потом сапёры к себе звали, хотели торжественно грамоту вручить с часами именными, но я с работы отпроситься не смог, поэтому они мне это всё хозяйство по почте прислали. Грамоту я дома на стенке повесил, а вот часы так в коробочке и лежат — не приучен с молодости их носить, не умею. Ладно, пока, сорванец, приехал я. Будь осторожен на полях боевой славы!

Пока мужик занимал внимание мальчика, мать и отец взглядами, ужимками, беззвучными жестами и кивками пришли к общему мнению:

— Понимаешь, тут такое дело. Ведь на этом поле сошлись тысячи всадников, поэтому подкова отсюда не является музейной редкостью, если говорить о больших музеях. А у школьного музея нету специалистов и лаборатории, где можно определить, кому принадлежала эта подкова — Багратиону, Дорохову или Тучкову? Поэтому давай мы сделаем так: подкову эту дадим дедушке, который покажет её своему другу, профессору. Уж он-то скажет, что это за артефакт и через неделю будем точно знать. Хорошо?

Открывшиеся перспективы и множество вариантов не то чтобы уж очень обрадовали юного археолога, но льстило, что на его подкову будет смотреть не только учительница истории, но и большой профессор.

— Хорошо, — скрепя сердце согласился мальчик.

Через неделю родители рассказали ему о реконструкторах, которые воссоздают исторические события, показали сцены из «Войны и мира» и сказали, что найденная подкова принадлежит как раз реконструктору, а не Даву или Горчакову. Но мальчик совсем не огорчился, а записался в конно-спортивную секцию. Через семь лет он поступит в институт на исторический факультет.

Холодный механический голос объявил: «Дорохово». Сергей пошёл в тамбур.

Когда он вернулся в общежитие, было уже темно, комната стояла пустой. Поставил кипятить чайник, а сам тем временем разогрел в микроволновке две котлеты, из которых соорудил два бутерброда. Заварил пакетик чая с бергамотом. Глядя в пустоту, тщательно прожёвывая, он съел их оба, запив последний кусок последним глотком чая. Потом заварил себе ещё одну кружку, на этот раз с чабрецом, достал пря-

ники и растянулся на кровати, читая книгу. Так и провёл время до полуночи, когда уснул, так и не дождавшись соседа, который явился под утро, громко хлопнул дверью и упал, не раздеваясь, на койку.

До начала первой смены новой рабочей недели оставалось три часа.

Алина Воронцова 4-23

Здравствуй, Серёжа! Это я, Андрей Иванович. Своего аккаунта у меня тут нету, пишу со странички племянницы.

Надеюсь, ты вовремя прочитаешь это письмо, потому что теперь тебе возвращаться домой нельзя. Менты раскопали какие-то показания, как будто тебя какая-то камера наблюдения сняла. Поэтому, если есть возможность, лучше останься в Москве ещё на пару месяцев. Тем более что я тут тебе готовлю сюрприз, который должен весьма положительно сказаться на твоём материальном положении — как раз после новогодних праздников всё завершится. Должен тебе сказать, что очень приятно помогать своим ближним.

Я регулярно хожу к тебе, проверяю, все ли двери закрыты и всё ли в порядке с форточками. Подкармливаю кота, но он на вольных хлебах так отъелся и такая у него шерсть — ну медведь ровно, а не кот. Жаль, что ты мне ключа не оставил. Надеюсь, внутри дома всё в порядке.

Очень жду с тобой встречи, но лучше, если она состоится не этой осенью. Тут уж, поверь мне, лучше перестраховаться.

Андрей.

Сергей очень удивился, что Иваныч такие вопросы обсуждает в переписке с чужого аккаунта, и понадеялся, что у него хватило ума это сообщение удалить. Отвечать на него он не стал.

В специально отведённое для этого время двое рабочих курили в специально отведённом для этого месте. Место было оборудовано лавочками, пепельницами, крышей над головой и расписанием перекуров. Место очень походило на автобусную остановку, разница была только в том, что автобусную остановку люди стремятся поскорее покинуть, а тут сидели до упора, любясь дебаркадером большой столовой.

Раздался глухой удар, потом хлопок и после этого звон металла об асфальт. Потом резкий скрежет тормозов и свист шин.

— Вот те раз... — процедил один. Сигарета, которую он держал в углу рта, не выпала только потому, что прилипла к уголку нижней губы. — Валер, ты это видел, да?

Второй, который оказался Валерой, радостно откинулся на лавочке:

— Семёныч, ты ещё не знаешь, что у них в пищеблоке творится. Вот мне Юлька рассказывала, так там...

Семёныч торопливо прервал коллегу:

— Это понятно, что рассказывала. Ты мне лучше скажи, куда они всё это теперь девать будут?

— С трёх раз угадаешь? — губы Валеры сложились в кривую усмешку.

— Да не может быть...

— Пф... Сегодня же в столовой на раздаче будет!

— Ну, ё... А ты не разглядел, что это такое было-то?

— Кажется, котлеты какие-то. — Валера сощурил близорукие глаза. — Не, ленивые голубцы, потому что с соусом. Они их постоянно работягам пихают — объёмно, дёшево и нажористо!

— Ну, ещё бы. — Семёныч посмотрел на часы и достал вторую сигарету. — Не поваляешь — не поешь!

От перекура оставалось ещё три минуты.

Погрузка обеда в большую столовую проходила как всегда монотонно и привычно. Сергей с Брэдом затащили в кузов маленького грузовика огромные кастрюли с горячим супом, закатали зелёные пупырчатые термобоксы с гарнирами и котлетами, занесли гастроремкости с выпечкой для буфета. Сергей надёжно закрепил боксы стропами, проверил натяжку и пошёл в кабину, где его уже заждался Игорь — водитель, похожий на Весельчака У из мультфильма «Тайна третьей планеты».

Игорь продолжил начатый ранее разговор:

— Вот ты говоришь: «шабашники», да? Ещё когда Союз не развалился, я работал с бригадой шабашников и очень доволен был. Развозил их по области — неделю мы работали там, а на выходные возвращались обратно. Мне нравилось! Грузишь их поздно вечером в воскресенье и едешь на место. Утром они устраиваются, а ты с понедельника до четверга пьёшь ну просто беспробудно. В четверг похмеляешься, в себя приходишь. В пятницу — домой. Причём платили мне за все пять дней по повышенному тарифу плюс командировочные. Очень недурно выходило для парня двадцати двух лет. Жалко, не долго я так проработал — в августе не до строек стало.

Машина остановилась у дебаркадера большой столовой — её уже встречали местный грузчик с шеф-поваром, который всегда зачем-то следил за разгрузкой, руководил. Сергей вышел из кабины, чтобы помочь местным, и только поднялся на платформу дебаркадера, как его развернул шеф:

— Вы сперва в буфет езжайте. В офисе совещание раньше началось, значит, закончат они тоже раньше и жрать побегут. Так что как бы чего не вышло. Езжайте.

Делать нечего, Сергей захлопнул дверь кузова и вернулся в кабину. Передал всё Игорю, а тот только плечами пожал:

— Ну, раз сперва в офис — значит, в офис. Эх, Серёга, знал бы ты, какие тогда девки были! Помню, как-то мы с прорабом...

Машина подскочила на лежачем полицейском, Игорь встрепенулся:

— Ты ничего не почувствовал?

— Вроде дверь задняя хлопнула, нет? — Сергей судорожно схватился за дверную ручку.

Игорь посмотрел в зеркало заднего вида, и глаза его расширяются:

— Мать честная...

Теперь Светлана была сама на себя не похожа:

— Вам ещё повезло, что Татьяны сейчас нет и она только после обеда будет. Рассказывай всё по порядку, как там дело было?

— Дело было так. Когда загрузили машину у пищеблока, я чётко и надёжно зафиксировал все боксы. Машину тряхнуло на неровности, но, когда мы приехали в столовую, всё было на месте. Припарковались к дебаркадеру столовой, я вышел из машины, но шеф отправил нас в офис, сказал, чтобы мы сперва отвезли выпечку. Я вернулся обратно в кабину к водителю, и вот тогда, когда мы только отъехали и снова подскочили на следующем лежачем полицейском, один бокс выпал на дорогу, треснул и открылся. Голубцы на асфальте. Мы быстро всё собрали с Игорем и закинули бокс обратно. Потом я отнёс выпечку в офис.

— Вас кто-то видел?

— Наверное... Это всё произошло почти напротив курилки.

Светлана картинно схватилась обеими руками за голову, изображая полнейшую обречённость. Коротко кивнула, отмахнулась Сергею:

— Свободен.

Сергей вернулся в пищеблок, смятённый разговором со Светланой. Всё было погружено, разгружено и растащено по складам, поэтому он пошёл к Брэду, тот мыл посуду после обеда. Сергей рассказал ему о происшествии с термобоксом:

— Ой, да забей — спустят на тормозах. — Брэд даже не повернул головы. — Ещё летом говядину оставили на разморозке — ушли на выходные, а убрать в холодос забыли, и она у них с четверга до понедельника пролежала. На улице жара плюс тридцать, мясо местами аж позеленело. Думаешь, выбросили? Вымочили в уксусе — и в фарш. Никому ничего не было. Так что забей и не думай даже париться.

— Надеюсь, что во всём этом нормально разберутся и на меня не повесят.

— Так ведь ты не их подчинённый, ты ж на аутсорсинге, поэтому они напрямую с тебя ничего вычестить не смогут. Им придётся твоего куратора подключать, а тот с базара съедет. Ты меня слушай, я знаю — не первый год в этом бизнесе. Я всякого повидал, много чего понюхал. В Вахонино как-то от-

крывал пиццерию, работал официантом в Шереметьево, в Москве на Малой Бронной артистам картошку варил. Даже узбеков на стройке пайком обеспечивал — как они и живы-то после остались?

— Погоди, а чего же ты тогда с таким опытом здесь мармитки моешь?

— Ой, да шо вы за это знаете? — Лёша как будто обиделся и отвернулся со своей полугарнирной гастрೋемкостью, которую он старательно оттирал жестяной мочалкой от присохшей гречки.

Сергей не пошевелился, остался на месте — всё равно на проходной ещё час не покажешься. Очистив до блеска свою жестянку, Лёша потянулся за другой и с наигранным удивлением взглянул на Сергея, будто не ожидал его здесь увидеть. При этом продолжил разговор будто с того же самого места:

— Так что ты не думай. Я не только котлы мыть умею, как посудомойка восьмого разряда. Даже в «Ореанде» ялтинской работал — жаль, что там зацепиться не удалось...

Сергей понятия не имел, чем примечательна эта неведомая «Ореанда» и что это за отель, который построили в тысяча девятьсот седьмом году в революционном для того времени стиле «ар-деко». Не знал Сергей, что стоит этот отель на самом берегу Чёрного моря и что именно в нём жили герои культового фильма «Асса». Сергей ни о чём таком даже не подозревал, но по скорбной интонации Лёши догадался, что место это было хорошим и престижным:

— Так тем более странно, что ты тут, а не в Москве или в той же Ялте. Хоть и не в этой Ариадне, но если где-то попроще...

Поймав насмешливый взгляд, Сергей удивился:

— Неужели там платят хуже, чем здесь?

— Платят-то там не хуже, да только не круглый год. — Брэд отложил в сторону чистую кастрюлю и сел на пластмассовый ящик. — Вот ты сезон отпахал, денгу срубил, а потом с ноября до апреля соси лапу. Стабильная зарплата в Ялте не в сезон только у госслужащих, у рабочих винзавода и в паре круглогодичных гостиниц, в которые не пробиться — там без блата даже картошку чистить не возьмут.

— Тогда почему бы летом не работать там, а зимой ездить сюда?

— Серёженька, там на зарплату кинуть могут в пропорции один к трём и не взбалтывая, — он снова замолчал, потянулся куда-то далеко за кастрюлей-двадцаткой, в которой, кажется, подгорел соус бешамель. Лёша потёр дно мочалкой, и на всю мойку разнёсся отвратительный запах горелой манной каши. Чертыхнувшись, он пошоркал по дну лопаткой, затем налил туда моющего средства, плеснул воды и отставил в сторонку отмокать.

— Вот, например, работал я когда-то в Евпатории в шашлычке официантом, халдейничал помаленьку с десяти утра и до последних клиентов, кото-

рые иногда до трёх ночи засиживались. И случилось так, что шашлычник у нас от такого ритма забухал и пропал куда-то. Сперва сам хозяин на его место встал, но особого потока у нас не было, на отшибе стояли, вот я и сговорился, что за полуторный прайс работать буду в двух позициях — и шашлыки жарить, и гостям их разносить, а он мне с заготовками только помогать будет. И вот работаю я себе так, никого не трогаю, как вдруг через неделю понимаю, что не вытаскиваю, — ещё пару дней и всё, тоже напьюсь и сбегу: мешки под глазами и сам бледный, а по утрам бриться неохота. Сказал хозяину, чтоб шашлычника искал, но где ты его в конце июля найдёшь, на излёте-то сезона? А излёт — не излёт, но два месяца ещё точно работать. И глянул я на это вот всё, не увидел другого берега или хоть проблеска маяка.

Зато увидел такую вот фата-моргану, что до сих пор обидно — прямо бы в морду дал! — Тут облик Лёши преобразился. Что-то такое блеснуло в его глазах, и костяшки руки, сжимавшей очередной мармит, побелели. Из-за своих габаритов Брэд всегда производил впечатление могучего существа, но обычно это было существо сильное, но инертное: как вол под ярмом поле пашет. Теперь это был разъярённый бык, ищущий, кого бы поддеть на рога. Но он быстро взял себя в руки и продолжил мыть посуду: — Однажды приходит пара такая, мужчина и женщина лет сорока. Заказали шашлык, увидели, что я же его и готовлю, очень похвалили и спросили, неужели я тут на двух позициях успеваю? Я хвастаюсь, мол, мне это вообще влёгкую и со своим опытом я бы и с большим объёмом справился. Нагородил им с три короба, что я в Алупке шеф-поваром был, да управляющий проворовался и ресторан закрыли, а здесь я просто в ожидании лучшего предложения. Язык-то без костей! Оставили они мне хорошие чаевые и поблагодарили за хорошую компанию.

На следующий день уже после обеда приходит та женщина, Оксаной представилась. Говорит, что сама она с Юрием Михайловичем владельцы пансионата в Саках и случилась у них большая неприятность — вся бригада поваров во главе с шефом получила зарплату и забухала. Мало того, что забухала, так ещё и дебош устроила с милицией. Пришлось с ними расстаться и теперь приходится в авральном порядке искать замену обормотам, так не согласился бы я стать у них шефом.

— Знаешь, похоже на сюжет какого-то сериала латиноамериканского. — Сергей закинул руки за голову.

— Будь у меня мозги посвежее, я бы так же подумал, а тогда мне в душу сомнение запало и честолобие выиграло, и Оксана-то с меня не слезает, деликатно, но решительно напирает. С её слов выходило, что кухня несложная, готовить надо на пятьдесят че-

ловек и в основном всё овощное и диетическое: всякие овсянки, запеканки и салаты. Говорила, что там пенсионеры, так что сильно заморачиваться не только не стоит, но и не надо — шашими, лазанью или галантин не оценят, им бы рыбки порезать, макаронник какой-нибудь простой, да чтобы с холодцом.

Говорит, прекрасно понимает, что для меня это очень удобно — и в должность с бухты-барахты вступать, и место бросать... Но предложила такую зарплату, что я просто обалдел. Говорит, что они в безвыходной ситуации и если завтра кухня не откроется, то пиши пропало. Если соглашусь, то просто спасу их, а команду они наберут быстро — уже двое из России едут, но они повара не очень опытные, а ты, Лёша, по всему видать, мастер. Сказала, что вечером они с Юрием Михайловичем приедут за ответом.

— Бойкая баба. Такой в рот палец не клади — ей сразу вынь да положь.

— Вот-вот. То есть у них там кухня стоит, а они в шашлычке сидят? Сначала нашли каких-то русских поваров, а потом ищут для них шефа? Нет, оно бы не усталость, я бы сразу понял, что это разводка. Но очень уж мне в шефы хотелось! Теперь понимаю, что не по Сеньке шапка. В общем, за день в шашлычке набегался и фартук на стойку бросил.

Приехал в пансионат и гляжу — там, конечно, атас. Две бабки на кухне морковку скребут ножиками и какой-то блаженный в форме внутренних войск котлы моет, вот как я сейчас тут, ага... Обе бабки православные до мозга костей, но с примесью советского партработника. Идейные, короче. Куда ни глянь, на кухне сплошные апостолы, святые, великомученики и Иисус повсеместный. Оно, правда, не иконы, а такие открытки, постеры глянцевые. Причём везде. Над полочкой, где стоят рулоны туалетной бумаги, у них Тайная Вечеря в марвеловском стиле: все апостолы будто только из барбершопа после кроссфита — прилизанные, подтянутые, загорелые... И бабки всё молитвы читали, в церковь регулярно ходили, там с батюшкой общались, так что не сектантки какие-нибудь или суеверы дремучие.

Но это я уже потом узнал, а пока, думаю, ладно — трошки зажду, а там и легче будет — приедут повара, а я буду ходить и только указания давать. Так что соорудил я салаты и кое-как шведский стол с утра отстрелял. Оксана всё в зале сидела, на мою работу смотрела и после обеда позвала в кабинет, где мы торжественно подписали трудовой договор. Полноценный, настоящий и с такой зарплатой, какой мне и нюхать не доводилось. На крыльях оттуда вылетел и даже не заметил, что в кабинете у них на стенке наклейка висит с распятым, то есть не икона и не открытка даже, а голимая переводка, как татуировка из жвачки, может быть, помнишь такие?

— Конечно, помню. Когда в первом классе учился, то однажды извёл на них...

Но Лёша прервал Сергея, пренебрежительно махнув рукой:

— Да ты погоди, дай я доскажу. На ужин я постояльцам какую-то мусаку организовал — они очень хвалили. В тот день я работу в шесть утра начал, а с кухни в час ночи ушёл, при этом весь день пахал без продыха. Вспоминал шашлычку, где каждый час мог спокойно покурить и кофе пить. Зато тут я настоящий шеф-повар! Даже решил, что закончилась чёрная полоса в жизни. Второй день отстрелял, третий: с утра до ночи то морковку натираешь, то аль-денте жарешь. Умаялся. Да ещё слышу мнения, что постояльцам не нравится наше не очень разнообразное меню. А мне что привезли, так я то и пользую. Вот как из трёх видов овощей восемь салатов приготовить? Ну, это бог с ним — недовольные всегда найдутся, а у меня своя рубашка ближе к телу. Спрашиваю каждый день у Оксаны про поваров, а она мне одно твердит, что едут.

— Откуда они так долго ехать-то могут? Не с Владивостока же?

— Ой, да она всё отнекивается, съезжает на Юрий Михалыча. Ладно. И на четвёртый день моих катуванний приводит Юрий Михайлович парнишку. Он, говорят, на мясном цеху — огонь: тоже в Евпатории работал, чебуреки жарил. Я его в оборот, говорю, что мы тут без чебуреков, что ещё умеешь? Этот елдасмок говорит, что голубцы умеет. — Лёша хлопнул себя ладонью по лбу.

И готовил он мне эти голубцы — туши свет просто: полдня чего-то там капусту ошпаривал, накручивал, варил, пёк и томил. Двадцать голубцов сделал — и всё. Стоит гордый, будто горы свернул. Они, конечно, у него получились, но бледные и местами розовые... Я их ещё допёк, хотя эта падлюка чуть истерику не устроил, будто они сухие будут. Сухие — не сухие, а те, кому эти голубцы достались, на следующий день не обосрались, и ладно. Но вот те, кому голубцов не хватило, обиделись и на питание жаловаться стали ещё больше. Решил, что, когда повара приедут, я этого пачкуна к бабкам отправлю буряк чистить, а пока хоть какая-то помощь.

Ещё четыре дня прошло, меня всё завтраками кормят, руками всплескивают, говорят, что поварам билеты оплатили, но те где-то пропали. Я уже чуть не матом — ну никаких сил нет, а они мне притчи рассказывают, говорят, что материться грешно и какие-то корешки-платёжки кажут.

А у меня времени нет ни заявки писать, ни меню составлять, ни журналы заполнять — лишь бы народ накормить. Готовил из того, что привозили. Я же думал, что скоро подмога и будет перемога! На восьмой день этого ада Оксана мне сказала, что Михайлович поехал бригаду встречать — что-то не так с па-спортами у них.

На девятый день он вернулся один. Говорит, что завернули бригаду на въезде — какие-то у них креди-

ты непогашенные оказались. И на меня с укоризной смотрит, будто они не себе сотрудников искали, а мою прихоть исполняли. Я к тому времени привидение привидением, небритый, глаза красные, по две пачки прямо на кухне выкуривал — в курилку некогда было ходить!

На десятый день не приехал поставщик. Труба! Аврал! Продуктов нет! — Брэд помахал над головой половником. — Я по кухне бегаю, суп из топора варить собираюсь, и прямо слышу, как туристы моей крови требуют. И заходит на кухню Юрий Михайлович, под ручку меня берёт и в зал выводит. Ставит перед толпой и начинает блажить: «Вот вам Алексей, он шеф-повар. Он вчера не составил заявку на продукты, поэтому вы все сегодня голодные. Мы не знали, что запасов нет. Приносим вам самые искренние извинения, вопрос обязательно решится до того, как вы освободите свои номера...» А я уже понял, что к чему. По большому счёту, я уже на третий день въехал, но всё надеялся... Эх, тогда и надо было бежать!

Приходим мы с ним в кабинет, а там Оксана с какой-то женщиной сидит. Та встаёт, говорит, что инспектор из Роспотребнадзора. Вы, спрашивает, Алексей? Это ваша подпись? Почему вы обязанностей своих не исполняете? Где журнал бракеражный? Где режим смены фритюрного масла? Где журнал здоровья? Почему на вытяжках слой жира в палец? Вы вообще понимаете, что это уголовно наказуемо? — Брэд бросил половник в кучу посуды. — Что оставалось делать? Я сижу, ухмыляюсь. Понятно, что никакой административки на меня не повесили, а просто выгнали без зарплаты. Они же там что делали? С постояльцев за день только на жратве тысяч по сто имели, а продуктов покупали ну на десятку — край. В Крыму в сезон овощи вообще почти ничего не стоят, вот и выходила математика, что они набирали постояльцев на десять дней и находили повара, которого потом кидали.

— Но ведь эта тёлка, которая типа из Роспотребнадзора, она же всяко подставная, а у тебя договор на руках, настоящий, ты говорил...

— Ну, во-первых, необязательно, что та тётка липовая. Может, и настоящая? Понимаешь, если бы у них лапы в администрации не было, то они бы не смогли такие дела проворачивать. Поэтому тётка та вполне могла оказаться настоящей и в доску своей.

— Но можно было ведь в суд подать в конце концов, пожаловаться.

— Добре. Написал бы я заявление в суд и выиграл бы дело — тогда спустя полгода я бы получил за десять дней причитающиеся мне деньги, но полгода геморроя стоят намного дороже тех денег. Да и не выиграл бы я, всё равно они бы съехали на чём-нибудь. И, главное, сил у меня уже не было, я как из концлагеря. Вышел я оттуда, к другу вписался и двое суток тупо проспал. Потом встретил случайно хозяи-

на шашлычки. Он мне говорит, что нехорошо ты со мной поступил, Лёша, что без предупреждения ушёл, но за зарплатой приходи — мне чужого не надо. Он с меня, конечно, неустойку вычел, но остальное заплатил сполна. Вот тебе и русская рулетка — раз на раз не приходится.

— Но почему ты тогда не в Москве, не в ресторане каком-то? Там ведь всяко больше платят, чем тут.

— А оно мне надо? Понимаешь, мне нужно, чтобы стабильные деньги на карту падали, чтобы в нужный момент у меня была бы пусть небольшая, но сумма. Я боюсь больших денег, лихих сумм. Бывало со мной, что за вечер получишь долларов пятьсот, а через три дня очухиваешься заблёрванный непонятно где и с кем, но понятно, что без денег и работы. Поэтому пусть пятьсот долларов у меня будут за месяц откладываться — главное, чтоб откладывались.

— А зачем тебе эти пятьсот долларов?

— Да не великий секрет, на самом-то деле. У меня полгода назад отец умер.

— Мои соболезнования... — Сергей растерялся и как-то осунулся. — Поверь, я тебя понимаю — самому довелось терять близких.

— Спасибо. Но для меня его смерть не была громом среди ясного неба — он до этого долго боролся с раком, и было ясно, что победить не удастся. Был неясен лишь срок, но там — туда-сюда пара месяцев. Сути дело не меняло, и я, хотя и расстроился, раздавлен этим всем не был. Дело в другом. Отец мой был хотя и не олигархом, но и депутатом городским два созыва отсидел, и магазин у него был... Так что наследство осталось солидное — две квартиры, одна из которых пятикомнатная, дача и прочего по мелочи. Штука в том, что это всё должны разделить в равных долях три наследника — я, моя сестра и моя мать. А вот как это сделать — непонятно, но общая цена вопроса миллионов пятнадцать, и это только если по кадастру. То есть на мою долю выпадет не меньше пяти мультов. Сейчас за это всё рубятся мои мать с сестрой — одна не хочет продавать квартиру, а другая своей долей требует дачу, на которой уже неплохо первая обустроилась... А мне просто нужны деньги. Устал я от этого Крыма и в России мне холодно, поэтому я хочу свои деньги перевести в конвертируемую валюту и уехать в Таиланд или Индию, где с такими средствами я ни в чём себе отказывать не буду всю оставшуюся жизнь...

— Но ладно, ты полгода, год проваляешься там под пальмой, но ведь надоест — что тогда?

— Ну, надоест или не надоест — это ещё вопрос. Там ведь много всяких интересных дел может найтись для человека, не обременённого работой... Но если надоест, то открою своё заведение, где буду кормить таких же, как я, дауншифтеров, блинами, борщами и пирогами с капустой. Уверен, что там таких заведений не много. А пока вот жду, как там у матери

с сестрой всё решится, и тем временем коплю тысячу сто рублей — больше с меня комиссии при вступлении в наследство не возьмут. Так что почти всю зарплату я на счёт в банк кладу, который нельзя будет обналичить тёмной ночью в пьяном угаре.

Я бы разве на Север скатался, интереса ради. Там, говорят, большие гроши платят, а не копейки здешние. Для души ещё можно на Байкал куда-нибудь шишки собирать. Конечно, там клещи, но зато природа почти первозданная и работа простая. Ладно, время уже позднее — иди к Светке на отметку. Заодно и узнаешь, как там это всё разрушили...

— Можешь считать, что в рубашке родился. Грузчик столовский подтвердил, что отвязывать боксы ему велел шеф, который потом передумал, а он уже их обратно не привязал, забыл. Оба подтвердили, что тебя при начале разгрузки не было. Татьяна, конечно, всё равно хотела разделить ущерб на троих, но когда выяснилось, что безвозвратно пропало только восемь голубцов, решила не заморачиваться. А раздача прошла без происшествий, никто не жаловался.

— Но ведь там по асфальту минимум штук двадцать этих голубцов...

— Безвозвратно — только восемь. Я не поняла: тебя не устраивает, что с тебя деньги не удержали?

— Нет-нет, я не в претензии.

— Ну вот и всё, свободен, значит.

После смены Сергей возвращался в лагерь с Андреем всё той же тропой через поле и лес.

— Слушай, а ты ничего про Байкал не знаешь? — спросил Сергей.

— А тебе зачем? С какой целью интересуешься?

— Я после этой вахты думаю куда-нибудь туда рвануть, там поискать работы.

— А что ты там делать будешь? — удивился Андрей.

— Да хоть бы шишки кедровые в тайге собирать. Не ради денег, а чтоб тот край повидать.

— Ну, сезон сбора орехов считается с октября, а так шишку бьют уже в августе, — со знанием дела сказал Андрей. — Опоздал ты, теперь следующего сезона ждаться.

— Так мне ведь необязательно шишки. Может, найдётся что-то другое.

— Кто его знает, — Андрей повернул голову в сторону шоссе, внимательно посмотрел вдаль, будто бы за поворот. Вздохнул. — Я ведь туда ездил, на Байкал. Ну, то есть в Иркутск. В восемьдесят пятом, как раз после армии.

— А что ты там делал?

— Тогда в Союзе началась антиалкогольная компания и местный пивзавод перепрофилировали под минеральную воду и лимонад. Рабочих рук не хватало, а дело срочное — тут я и подвернулся. Работа

простейшая — принеси-подай, а платили неплохо. В соответствии с Трудовым кодексом. — Андрей перекинул пакет с униформой из одной руки в другую.

На фоне зелено-охряного поля скелетом поднимался одинокий высохший серый куст борщевика. Пока что он, притулившийся у тропинки, был один, но раскидистые зонтики с семенами предвещали, что в следующем году тут будет целая колония. И свежее-терпкое, с дымно-прелой ноткой запах разнотравья сменится душно-пряным ядовитым духом.

— На полтора месяца я туда подписался. Пять дней работали, а два — выходные. Кто-то пьянствовал, а я с бутылкой не дружил — на Байкал гулять ездил. На Ольхон даже выбрался.

— Ольхон? — Сергей скривил брови, как будто не расслышал.

— Не знаешь? Большой остров посреди озера — когда-то местные считали его заповедным местом, обиталищем богов, но советская власть богов упразднила и открыла там тюрьму и завод. Рыбный, само собой. После развала СССР завод тоже упразднили, а вот что вместо него открылось, я не знаю. Было бы место подступнее... Но не в этом дело.

С поляком я там познакомился, Михаилом звали. Интеллигентнейший человек, упорный! Он в тридцать девятом году попал под советскую юрисдикцию и стал считаться западным белорусом. Но так как советским гражданином он был ещё неопытным, то его отправили на всякий случай в Архангельск, на лесоповал. Но это ещё бы полбеды — с Пинеги до его родных Барановичей при большом желании можно было и пешком дойти. Беда случилась, когда началась война и его определили в армию Андерса, а потом отправили воевать в Сирию под британским началом против Роммеля.

— Ничего себе маршрут! Из тундры в пустыню! — у Сергея замёрзли пальцы, он надел перчатки.

— Ну, всё же не из тундры, из тайги, но перемещение удивительное, нетривиальное. Так вот, отвоевал он своё, имел награды, но эмигрировать не захотел, хотя и мог. Вернулся в свои Барановичи и увидел сгоревшую хату... Тут его как раз под белы ручки и даже не в Архангельск, а прямо на Ольхон, как неблагонадёжного.

— Но ведь он ветеран... Награждён тем более. Почему так вышло-то?

— Тогда многие ветераны по пятьдесят восьмой статье получили. — Андрей вздохнул. — Михаил духом не упал — срок свой отмотал, женился на девушке, которая в том же тридцать девятом стала считаться западной украинкой. Всё мечтал обратно вернуться в Белоруссию, но как поедешь и на какие шиши? Тем более жена вскоре умерла и он остался с дочкой на руках — один её поднял, выучил и при первой возможности в Иваново отправил — какая-никакая, но Европа. Сам хозяйство завёл — скотину, птицу,

огород. Я когда его в восемьдесят пятом встретил, он, хотя уже и пенсионер, копил деньги, чтобы вернуться на родину.

— Надеюсь, он успел до осени девяносто второго уехать. Слышал я истории о том, как люди годами копили, а потом понимали, что ради мёртвой сберкнижки зря растравили силы и годы. У меня дед тогда чуть-чуть не успел на машину накопить. В итоге вместо неё пять килограмм свинины купил и ещё рад был, что нежирная попалась.

— Знаешь, я тоже об этом думал. Хотя он и калач тёртый, но ведь и соломинка верблюду хребет переламывает. Эх, жаль, что не взял я его адреса, когда уезжал. Так и потерялись... Буду надеяться, что всё у него сложилось.

Тропинка нырнула в лесополосу с водонапорной башней. Лес был редкий, но мшистый, светлый, но древний, помнящий укромные времена, которые художник Нестеров запечатлел на полотне об отроке Варфоломее: у ног лежит покорившийся медведь и хищная птица не ищет поживы, а гордо глядит в голубую дымку, блюдя горнее достоинство. И деревянная церковь, построенная до нашествия Мама, была похожа на эту дореволюционную водонапорную башню. Где-то каркнула ворона.

— Я когда с иркутской вахты возвращался, то в аэропорту с археологами познакомился — они в Балаганск ехали стоянки древних людей изучать... Уж было с ними подвизался, но передумал — спешил документы в институт подать. В итоге успел и выучился... — Андрей скосоротился и пнул лежащую на тропинке ветку — та улетела в кусты шиповника.

— Кто же тогда мог угадать, что так всё вокруг изменится?

— Да на глазах тогда страна менялась, и я эти изменения инстинктом чувал, но разумом не понял. Душой стремился к чему-то вечному, глубинному, а разум говорил, чтоб на зоотехника шёл, потому что там сытно, стабильно, жильё и почёт молодым специалистам. Тьфу. Выменял мечту на чечевичную похлёбку, которой не дали.

Сергей потёр левый глаз, в который будто попала соринка:

— Мне кажется, что те, кто разумом понимает перемены — им лишь бы урвать, а потом хоть трава не расти: они со своим оторванным ломтём будут себя спокойно чувствовать где-нибудь там, где нас нет и откуда не депортируют.

Андрей молчал, внимательно слушал Сергея, а потом вдруг сам себе улыбнулся:

— Кажется, я понял... Хе-хе... Вспомнил повесть Платонова: там был матрос, который ехал на войну и ему было жалко задаром защищать неизвестных людей, тогда он стал из винтовки стрелять по окнам домиков, мимо которых проезжал — вырабатывал в себе чувство обязанности воевать за пострадавших

от его руки. Может быть, оттого некоторые наши деятели стараются тайгу если не выпилить, то сжечь? Байкал если не отравить, то по трубам перелить и китайцам продать? Потом с такой силой Россию защищать, что небу жарко станет! Но это, конечно, шутка.

— Ага. У нас в области тоже любят громко сказать, что лес — достояние и богатство, а как до дела доходит, так его за бесценку на корню продают. И ладно бы ещё соседям продавали, а то ...

— На российском круглом лесе стоит вся финская лесная промышленность. Они ведь не дураки своё вырубать, когда чужое за копейки отдают. И тут не столько их спрос, сколько наше предложение, когда чиновник или частник сам к ним без мыла лезет с этим кругляком, ведь в том бревне он видит не дерево, которое сто лет росло на его земле, а конвертируемый ресурс. Для них и Байкал — только клякса на карте, которую в учебнике географии показывали, — Андрей поперхнулся, потом долго откашливался.

— Знаешь, ведь это даже хуже, если тот чиновник по стране ездил и страну вершками знает. Из окна поезда или самолёта кажется, что просторы наши бесконечные и сколько ни возьми, а не убудет. Но хотя и велика Россия, а не безгранична. Как тот же Байкал — хотя и самый глубокий в мире, но и его дно сумел достичь человек в батискафе.

Они уже выходили из тени деревьев, и Сергей заметил на опушке железобетонную плиту, не успевшую порости мхом. На ней стояла бутылка с мутно-бесцветной этикеткой, а рядом пристроились два пластиковых стаканчика. Хозяева приборов были неподалёку — один тряс другого за плечо, размахивая свободной рукой у себя над головой, а другой соглашался с его неясными аргументами. В вечернем сумраке плита казалась матово-белой, будто накрытой скатертью.

Отойдя чуть в сторону, Андрей вполголоса проговорил:

— На Байкале, у истока Ангары, есть скала — Шаман-камнем называется. На неё в старину на ночь садили подозреваемых в преступлении и если волны щадили испытуемых, то те считались оправданными. Я бы, честно говоря... — Андрей закашлялся и не закончил мысли.

— А мне эта плита напомнила валун, на котором молился Серафим Саровский. У моей мамы такая икона на стене висела.

Когда вечером Сергей вышел на крыльцо, на небо словно нахлынула волна и принесла с собою сотни звёзд, горящих как фары со встречной полосы. Он глядел в освещаемую этим дальним светом беспросветную небесную глубину и думал, что когда-нибудь не будет ни России, ни Китая, а от жуликов, мечтавших выпить Байкал, не останется и праха. Но всё равно в глубине будет храниться что-то пуга-

юще всеобъемлющее, восторженно обнадеживающее и до смешного понятное. То, что только и есть в этом мире настоящего и к чему рано или поздно всё придёт.

В глубокой и пустой урне догорал незатушенный окурок. Поднялся ветер, волна небесной пены откатилась, и из-за горизонта взошёл кровавый Антарес.

21.11.201... года. Москва, столица России

Распахнув глаза, Сергей вздрогнул, поднялся на кровати, отдернул шторы — за окном царил непроглядная тьма. Нашарив на тумбочке телефон, он долго не мог включить экран — аппарат трепыхался в ладони, норовил соскользнуть, а нужная кнопка убежала из-под пальца. Ну да, всё так — до будильника ещё целых семнадцать минут. Можно было спать ещё, но обратно, взбодрённый страхом, уже не ляжешь.

Вся обшага спала, поэтому, стараясь не шуметь, Сергей заварил чаю и решил провести последнюю ревизию. Достал из-под кровати спортивную сумку с вещами, на всякий случай проверил, всё ли на месте: штаны, носки, футболки, кеды, сланцы, полотенце, флакон с гелем для душа. Перевернул рюкзак — там тоже было всё в порядке: второй том книги в мягком переплёте, документы, пакеты с провизией, бутылка с чистой водой, зарядка для телефона и плеера, завёрнутые в целлофан зубная щётка с пастой, полрулона туалетной бумаги. С этим пакетом он вышел на пять минут из комнаты.

Вернувшись, пошарил в карманах куртки — паспорт и кошелек были там, где им и положено быть. Есть примета, что если где-то забудешь вещь, то потом обязательно за ней вернёшься. К приметам Сергей относился скептически, но проверять состоятельность суеверий он не стал. Сюда он возвращаться не хотел.

Чай почти остыл. Оглядываясь вокруг, Сергей грустно усмехнулся. За два месяца эти стены стали такими привычными, он уже принял вид из окна и вжился в этих людей. Было тревожно и волнуяще обрывать те тонкие нити, которыми он связался с комнатой номер девять в бывшем пионерском лагере «Мирный»: будто он смахивает многовековой мох с холодного борового валуна, мимо которого ещё Иван Сусанин вёл поляков в непролазные дебри. Но, посмотрев на это всё без розовой поволоки, покинуть эту комнату навсегда — всё равно, что оттереть с белой кафельной плитки шпателем плесень в правом верхнем углу душевой и потом густо брызнуть антисептиком. Естественно и необходимо. А вот если дать плесени разрастись на всю стену так, что плитка начнёт отваливаться, — тогда шпателем не обойдёшься. Тут понадобятся отбойные молотки, ломы, стамески и лопаты и едва ли стены останутся

целыми, а «Мирный» глубоким шрамом останется в душе. Если же всё сделать теперь, то скоро Сергей забудет лагерь и в лагере уже послезавтра не вспомнят Сергея. И это будет закономерно и правильно. Поэтому надо поскорее отскреститься от этих гостеприимных стен.

Вымыв от выпитого чая кружку, Сергей протёр её полотенцем и положил в рюкзак. Внимательно оглядел комнату, снял было с крючка куртку, но повесил обратно, вернулся назад и заглянул под кровать. Ничего там не обнаружив, вздохнул. Надел куртку, натянул шапку, сверху нахлобучил наушники, включил плеер, похлопал себя по карманам и вышел из комнаты.

Спустя примерно полчаса, оказавшись на платформе «Партизанского», Сергей не смог отчётливо вспомнить, как там очутился. Он даже было решил, что, выйдя из ворот и вступив в сгущённый утренними сумерками туман, он тут же преодолел эти два с половиной километра умеренного ноябрьского бездорожья. Но на самом деле Сергей честно прошагал полчаса по хрустящей ледком, как бриллиантами, дороге. Пару раз сменил руку, которая затекала от спортивной сумки. Счастливые часов не наблюдают, вот и Сергей не заметил, как осуществил свою мечту последних двух месяцев — оставил это всё позади. Со всеми тревогами, волнениями, гомоном, шумом и разговорами. Осталось шагнуть из восхищённого сейчас в такое долгожданное недалёкое будущее.

Откуда-то из-за поворота слева раздался гудок электровоза, а на востоке, справа, рассвет окрасил небо в радостный васильковый цвет. До Москвы отсюда примерно девяносто километров, а до Кирова — девятьсот. А из школы Сергей помнил, что от Земли до Солнца сто сорок девять миллионов километров. Почти как жителей России. И Солнце светит каждому, но не каждый это замечает. Сергей заметил.

Подыхала электричка из-за Можая, с шипением открыла двери, поглотила несколько серых в рассветных сумерках пассажиров и понесла их куда-то туда, куда они должны были прибыть через два часа. К началу рабочего дня.

В вагоне было много пустых мест, и Сергей сел у окна в начало правого ряда. Несколько человек село в Дорохово, один парень в ветровке и жилетке добавился на Садовой, в Театральной двери электрички распахнулись впустую. В Тучково вошло пятеро юношей и одна девушка. Студенты, судя по всему, но разных возрастов — младший, наверное, недавно поступил в ПТУ, а старшие были на последних курсах института. Но, может быть, это и не студенты были, а строительная бригада: каменщик, плотник, монтажник, электрик, кровельщик и отделочница. Пока устраивались на местах, немного пошумели, но спустя минуту влились в равномерность тусклой вагонной атмосферы.

За окном освещение было как в советском кукольном мультфильме. Сквозь поток лесополосы иногда промелькивали домики, заборы, огороды, дороги, речки, какие-то заброшенные ангары, гаражные кооперативы и кладбища. Наполовину пустой вагон следовал со всеми остановками и медленно, но верно стал наполовину полным. В Петелино на место перед Сергеем сел мужчина средних лет с бегающим взглядом и привыкшим улыбаться ртом. Поставив на колени кожаную сумку, он достал из кармана куртки телефон, огорчённо покивал головой и положил аппарат уже в карман брюк.

По мере того, как за окном светало, иногда прерываемая лесополоса становилась различимее: стало чётко видно, где тут могучие деревья, где деревья-подростки, а где подлесок из молодых берёзок, бузины, шиповника и ещё недавно экзотичной, но теперь повсеместной облепихи.

Сидящий напротив Сергея мужчина с сумкой на колене помахал ладонью, привлекая внимание. Сергей снял наушники:

— Да?

— Слушай, извини, что отвлекаю, но у тебя случайно внешнего аккумулятора нету?

— Повербанка? Нет, извини, уважаемый, нету.

— Вот ведь неприятность... Представляешь, на ночь телефон заряжать поставил, а саму зарядку к сети не подключил! И когда уже в электричках розетки сделают?

— Да, действительно не баско, — Сергей уже было решил, что разговор окончен и потянулся к наушникам, но сосед вдруг встал:

— Пойдём тогда покурим?

Это было сказано так естественно, доброжелательно и неожиданно, что Сергей, только уже выходя в тамбур, покосился на свой оставленный на полке баул.

Незнакомец добродушно протянул Сергею пачку Camel. Отказаться было неудобно.

— Ты ведь с Вятки, да?

— Да, я из Кирова. Отвахтовался вот.

— А я из Восточного! — радостно сообщил мужчина.

Прервав неловкое молчание Сергея, незнакомец сказал так, как будто подскочил на кочке:

— Ну, это рядом с Омутнинском.

— А, знаю!

Постояли, молча дымили. Сергей выпустил пару колечек.

— Везёт тебе, что домой возвращаешься. Завидую. Я вот уже третий десяток тут вахтаю.

— Это как так? — удивился такому долгому сроку Сергей.

— Ну, если интересно, расскажу.

Он глубоко затянулся, выпустил дым сначала через ноздри, потом стал выпускать через рот, попробо-

вовал сделать колечко, но оно получилось вялым и рыхлым — почти сразу растворилось.

Сергей покрутил между пальцев фильтр сигареты:

— Я не помню, был ещё Союз или нет, но мой отец где-то в самом начале девяностых как раз Camel курил, я ещё тогда этого верблюда запомнил. А потом перестал, бросил. Я его спрашивал, а почему ты больше не куришь? Он отвечал, что сигареты невкусными стали.

— Ну, тут надо понимать, что курить Camel в совке и курить Camel после его распада — это две разные вещи. Даже если сигареты остались одними и теми же. — Незнакомец стряхнул пепел на ступеньки в тамбуре и проводил его взглядом так, словно смотрел в беспросветную пропасть.

Незнакомец продолжил:

— Знаешь, а я рад, что так оно всё повернулось. Нет, вот правда, при совке я сидел в своём Восточном как дурак и не то что за границу, я в Москву-то выехать не мог без разрешения горкома. Один раз ездил на курорт, так там я должен был говорить, что я не в Восточном жэке по трубам газовиком выстукиваю, а в Омутнинском жэке гайки наживляю. Всё ведь тайна, всё секрет, кругом шпионы омериканские. Конечно же я знал, что на заводе градообразующем выпускают не удобрения и лекарства, но я там даже не работал! Тупо мимо проходил два раза на неделе. Тьфу, блин. — Мужчина злобно плюнул на пол. — Да тогда любому и так понятно было, что если завод сельскохозяйственный, то выпускает он танки, если машиностроительный, то пулемёты, а если химический, то какой-нибудь зарин. Всякие плуги для тракторов, плитки электрические, карбофос и стиральный порошок были отходами, бракованной продукцией. Не получился иприт — хорошо, мы его вместо дихлофоса в баллончики заправим!

— Так оно ведь и сейчас примерно так же...

— Ну, не скажи. Тут ведь как? Что тогда, что сейчас рабочие не понимали, что делают — конвейер, ага. Каждый делает одну деталь, а этих деталей тысячи — поди угадай, что должно в результате выйти. Там со всего завода полное представление имело человек пять. Ну, может быть, десять. А может быть, и ни одного — изготавливали механизмы и узлы на трёх разных заводах, а потом отправляли куда-то на четвёртый, где уже их собирали во что-то единое. Короче, все понимали, что делают не сельскохозяйственный прибабас, но должны были делать вид, что сельскохозяйственный. Ну вот сделали, допустим, топливный бак цилиндрической формы и диаметром два метра. Это, говорят, для теплоходов, чтоб туристов было на чём по Волге возить, но почему-то этот бак отправляют в Казахстан — видимо, там эти самые волжские верфи и располагались.

А теперь, чтоб ты знал, наоборот. Делают резервуар-охладитель для молока, но потом всем

встречным-поперечным треплются, что это был корпус для ядерной боеголовки. И ходят с гордым видом. Любят у нас веса себе придать. А что тогда за сто шестьдесят рублей в месяц работали, что сейчас за двадцать четыре семьсот. Лишь бы на выпить-закусить хватало.

Он бросил окурочек туда же, куда стряхивал пепел, достал вторую сигарету. Предложил Сергею, тот взял и вторую.

— Тут понимать надо, что вроде всё так же осталось. Так, да не так. Свободы стало больше, считай, что ровно в четыре раза. Математически даже подтвержу. — Он показал Сергею свою ладонь, будто хотел пальцы загибать. — Чтобы уволиться с работы, нужно было за два месяца предупредить, а теперь только две недели. Вот так!

Сергей отвлёкся, посмотрел, на месте ли сумки:

— Пошли обратно, а?

— Давай.

Они вовремя вернулись на свои места — в вагон как раз через тот тамбур, где они только что курили, прошёл кондуктор в сопровождении двух охранников. Сергей сел на станции, где не было кассы, поэтому купил билет от Партизанского до Москвы. Незнакомец сказал, что сел в Жаворонках и едет до Перхушково. Контролёрша презрительно посмотрела на него, но ничего не сказала. Он, как ни в чём не бывало, продолжал:

— И никуда ты, кроме как в отпуске, не сунься, да ещё дефицит повсеместный! Долбанные джинсы чуть не две зарплаты стоили, да и какие это были джинсы — фуфло затрапезное! Самое красивое, что там было, — лейбл. И по телевизору два канала, а на видак не накопишь ни за что.

Поэтому и воровали повсеместно — все заводы, колхозы, мастерские растащили. Ловили одного из сотни, но мне не повезло — взяли с мотком шланга на проходной. Понятно, что за это мне ничего не было, но по комсомольской или партийной линии карьеры уже было не сделать. С институтом тоже ничего не вышло, поэтому так и работал бы до пенсии сантехником, если бы не Беловежская пуца. Там стало проще. Намного проще. Сначала я стал председателем местного кооператива, образованного в гараже, который ещё недавно принадлежал жэку. Мы машины из-за рубежа перегоняли и в области перепродавали. Вернее, это всё делали мои партнёры, а сам я только в офис ходил, в пиджаке чай пил — работал лицом компании. Теперь вспоминаю, как «Гранд Чероки» в девяносто третьем разбил...

— Хе! Ничего себе! — Сергей не смог скрыть удивления.

Попутчик смутился:

— Ну, хотя бы и не «Гранд Чероки», но девятка вишнёвая у меня была! — Он снова о чём-то задумался, пристально посмотрел в глаза Сергею, потом

продолжил: — Получилось даже хорошо, что я ту машину пьяный разбил — пока в больнице лежал с переломом, наш кооператив под себя подмяли очень смурные люди. Моих соучредителей они сильно обидели, а меня из глаз упустили. Вот и я, как был, на костылях, из родного города подался в столицу от греха подальше. И там я в «МММ» пристроился — в офисе сидел и занимался тем же самым, то есть ничем, но за зарплату, которая сантехнику и ночью не снилась, зато с кооперативным барышом лежала где-то рядом. При этом спал спокойно, потому что смурных людей не надо было опасаться. Ещё и повезло расчухать вовремя и продать акции в мае девяносто четвёртого, в аккурат после Дня Победы. Жалею, что не купил квартиру — всё как-то разошлось по мелочи... Потом вписался в партию одну чёрно-белую и уже у них в офисе до осени девяносто восьмого проторчал, а там им в перерегистрации отказали — что было можно в начале девяностых, то под конец десятилетия уже не очень приветствовалось. Но я и тут себе применение нашёл быстро — благо, партий много в стране, а в Москве и подавно. Причём даже офис менять не пришлось! Там, где вчера сидели чёрно-белые, сегодня сели жёлто-зелёные. И что те ничьих интересов не выражали, что эти. А в восьмом году мне вообще, считаю, подфартило сказочно — у одного из этих стал завхозом. — Спутник Сергея многозначительно указал пальцем в потолок, над которым гудели равнодушные медные провода. — Ну, официально-то моя должность называлась как-то по-современному, но по сути им и был.

Поезд остановился у станции «Перхушково». Сергей огорчился было, что сейчас рассказ прервётся, но незнакомец не обратил на громкоголосое объявление ни малейшего внимания, хотя точно его слышал.

— Понимаешь, я при Нём вообще ничего не делал, только полномочия свои разным дурачкам исполнительным делегировал, а те рады были стараться. И спокойно так в этой области Смоленской было, не то, что в Москве. Жалко, что всё это закончилось немного раньше, чем я думал... Как ведь чувял, что вот-вот грянуть должно. Можно было хоть все машины из гаража выкатывать, но уже вежливые люди в окно стучали. Теперь вот позвали в институт, там буду спикером. А что? Биография у меня солидная, а пару раз в неделю лекции почитать — так это я ведь запросто. Так что, думаю, неплохо там устроюсь.

Бесстрастный женский голос из громкоговорителя объявил: «Отрадное». Незнакомец застегнул куртку, встал, протянул Сергею руку:

— Ладно, давай, земляк, приехал я!

— Давай, удачи тебе! Как зовут-то хоть?

Но тот словно не слышал вопроса. Проникновенно посмотрел в глаза, горячо пожал руку и вышел на

станции, а вместо него вошла целая толпа пассажиров самых разных калибров и назначений. В этой каше были люди, словно сошедшие со страниц «Forbes» или «Vogue», при том что иные были похожи на карикатуры из журнала «Крокодил», но в целом это всё казалось рябой и скомканной первой полосой из «Кировской правды». Сразу стало душно. Сергей надел наушники и до самого Белорусского вокзала смотрел в окно, обняв руками рюкзак.

Позавчера Сергей узнал, что офис переехал из подвала бывшего продуктового магазина на Новослободской в какой-то «Колосс» на Нагатинской и за расчётом надо будет ехать туда. Выйдя из здания вокзала, Сергей не понял, как надо перейти через дорогу к станции метро, поэтому чуть не полчаса бродил кругами, то поднимаясь на какие-то лестницы, то толкаясь в переходах с такими же ничего не понимающими гражданами. Когда он вышел из одного такого перехода, то понял, что стоит перед той самой лестницей, по которой он совсем недавно взбирался. В сердцах плюнув, он пошёл по «зебре» через дорогу в сторону, где должно быть метро. Но через пять минут, досыта найдясь мимо витрин, ротозеев и светофоров с кнопками и без, Сергей вновь оказался у той самой треклятой лестницы. Уже ничего не сказав, он молча пошёл под какой-то мост и на другой стороне наконец-то оказался там, где ему и хотелось быть. С облегчением спустившись на эскалаторе, стоя на платформе, Сергей долго всматривался в схему метро, чтобы разобраться, как ему доехать до Ярославского вокзала, чтобы сдать вещи и купить билет. Два месяца назад он это как-то сделал с ходу, а тут пришлось помучиться, прикидывая пересадки и направления. Действуя осторожно, он добрался туда без происшествий и совсем не заплутал на площади трёх вокзалов.

С маршрутом до Нагатинской у него вышел промах. Казалось, что тут всё проще, но, пересаживаясь на Серпуховской, он поехал не в ту сторону и понял это только в Отрадном. Его даже пробило холодным потом — испугался, что вернулся туда, где вышел его так и не представившийся якобы земляк. Стоя на платформе, он вспомнил ещё одну спутницу — ту девушку в компании не то студентов, не то строителей. Очень она показалась похожей на женщин из девятнадцатого века, изображенных на панно, которым украсили потолок станции. Долго ими любоваться Сергею не дал подошедший в правильном направлении поезд.

Выйдя с Нагатинской на поверхность и оглядевшись по сторонам, Сергей был рад контрасту с Белорусским вокзалом. Такого безумия, как там, здесь не было и не составило труда разобраться, где тут автобусная остановка, откуда ходит бесплатный автобус до бизнес-центра «Колосс». Пока ждал, двое

прохожих попросили закурить, один хотел стрелкнуть мелочи.

Сергей оказался единственным пассажиром автобуса, тот долго вёз его изогнутыми улочками. Похоже, тут усиленно застраивали бывшую промзону, и через пару лет случайный прохожий будет уверен, что идёт по респектабельному району. Но пока вид с пандуса многоэтажного «Колосса» был очень контрастным. У входа стоял охранник, который, не дожидаясь вопроса, сразу сказал:

— На лифте на восемнадцатый этаж, там налево до конца.

— Спасибо... Это там «Работа всем!»?

Охранник ничего не ответил, просто коротко кивнул.

Перед матовой дверью за ресепшеном, больше похожим на безвкусную вазу или на пьедестал раковины умывальника, сидела заразительно искусственно-улыбчивая девушка.

Сергей кивнул, протянул ей папку с документами:

— Доброе утро. Я, вот, с Дорохово. Отработал.

— Здравствуйте! Вы за расчётом? Будьте добры, давайте документы. — Девушка вышла из-за стойки и, цокая высокими каблуками, как ябургская лебёдушка, проплыла за блестящую фурнитуру молочной матовой дверь.

Сергей сел на роскошный кожаный диван, который очень одиноко смотрелся на пустом этаже. Ряд закрытых дверей без табличек, неестественно яркие светильники в потолке и отсутствие эха заставляли подумать, что оказался на заброшенной космической станции или в секретной лаборатории. Только неуловимо легучая цементная пыль напоминала о том, что всё происходящее вокруг естественно и обыденно.

Девушка вернулась и, лучезарно улыбаясь, с каким-то полупоклоном придержала дверь, приглашая Сергея пройти внутрь кабинета. Кабинет оказался просторным помещением с лапидарной обстановкой: два обтянутых белой кожей кресла, белый же большой письменный стол, на котором стоял моноблок с заклеенным белой изолентой логотипом. Позади громоздился стеллаж, плотно заставленный папками-регистраторами без пометок на корешках. В углу возвышался барный стул.

За столом сидела та же ассирийская Алана, которая два месяца назад отправила его на работу. На её бейджике в качестве должности было написано «та-вассуль». Она отставила в сторону стакан с томатным соком, который пила через трубочку.

— Сергей Чулымов? Здравствуйте! — посмотрела на него так, как будто случайно узнала в толпе старого приятеля и очень рада встрече. — Ну как вы? Отработали? Устали? — Её голос напомнил голос воспитательницы из детского сада, которая присела на корточки перед плачущим из-за улетевшей бабочки

ребёнком. Но воспитательницы не смотрят детям прямо в глаза холодным и пристальным взглядом.

— Не столько устал, сколько по дому соскучился. Всё же работа там монотонная — хочется сменить обстановку, — осторожно ответил Сергей.

— Понимаю, конечно. Нет, на самом деле вы молодец — отработали добросовестно, без нарушений режима и нареканий со стороны руководства. Думаю, уже в следующую вахту мы будем рассматривать вас кандидатом на должность бригадира.

— Звучит заманчиво. Но теперь я бы хотел отдохнуть немного, отдышаться, так сказать.

— Да, вы правы. Ближе к делу! Давайте посчитаем, сколько у вас приходится под расчёт. Итак, начнём. Значит, за комнату в общежитии будет триста пятьдесят рублей в день, а за...

Сергей встрепенулся, словно очнувшийся от дремоты пассажир на лавочке, когда его электричка уже захлопнула двери:

— Подождите, но я думал, что проживание оплачивает работодатель, разве нет?

Алана широко открыла глаза, склонила голову набок и надула губки. Снова воспитательница, которая на этот раз не даёт ребёнку есть червяков.

— Работодатель не оплачивает, а предоставляет вам жильё. Эту часть ваших забот мы просто взяли на себя.

Сергей на это ничего не ответил. Он понял, что это было только вступление к монологу, который надо дослушать до конца. Алана же ждала его реакции, но, так и не дождавшись, кажется, чуть смешалась, но продолжила, всё так же глядя в глаза:

— Вы только не думайте, что мы взяли лишнего! У нас с арендодателем заключён оптовый договор на эксклюзивных условиях. Вы сами подумайте, это ведь Москва! Думаете, вы бы нашли тут с ходу жильё за девять тысяч в месяц? Опять же место рабочее вам искать не пришлось, его для вас нашли мы, а за эти услуги не взяли ни рубля!

Алана снова ждала вспышки возмущения от Сергея, по крайней мере, на то, что Дорохово не Москва, а триста пятьдесят рублей на тридцать один день несколько больше, чем девять тысяч. Но не дождалась.

— Итак, за спецодежду полторы тысячи будет, но когда вы на следующую вахту поедете, то сможете работать в ней же! Медицинская книжка обошлась в три с половиной, но и она ничего не будет стоить в следующую вахту. Сергей, вы заметили, что в медкнижке вам поставили местом жительства Московскую область? Это тоже важно, ведь если бы там числился ваш родной город, то пришлось бы пройти больше обследований — по меньшей мере вы избежали посещения областного тубдиспансера, а это местечко то ещё. Это тоже благодаря нашему прямому договору и добрым отношениям с медицинским

центром. Так, ещё еженедельный аванс в тысячу рублей...

Сергей наконец не выдержал:

— Так сколько же я получу-то в конце концов?!

— Не надо кипятиться! Давайте посчитаем. У вас получается пятьдесят четыре рабочих дня по одиннадцать часов каждый, то есть пятьсот девяносто четыре часа. Умножаем на девяносто пять и получаем пятьдесят шесть тысяч четыреста тридцать рублей. Вычитаем проживание, медкнижку, спецодежду и авансы... Получается, что двадцать пять тысяч пятьсот тридцать рублей будет перечислено на вашу карту в течение пяти рабочих дней. По всем вопросам можете звонить мне в любое время суток!

Сергей понял, что нужно сказать:

— В следующий раз я хотел бы снова на этом же объекте работать — уже знаю, что к чему, не надо будет заново учиться, начальство запоминать, да и привык я там уже. Мой сменщик ведь после Нового года заканчивает?

Алана недоуменно посмотрела в календарь:

— Да, что-то около того... Но вы нам позвоните заранее, пожалуйста, числа двадцать пятого, хорошо? Чтобы мы знали — рассчитывать на вас или нет.

— Да, конечно.

— И не забывайте, что место бригадира у вас в кармане, а там почасовая оплата намного выше и ещё премирование!

— Я знаю. Спасибо, до свидания.

— Всего вам доброго!

Сергей встал со стула и ровным шагом вышел из кабинета. Не оглядываясь на улыбающийся ресепшн, прошёл к лифту и только тогда, когда вышел из здания, сел на лавочку. Хорошо, что он сюда приехал не за длинным рублём, а от греха подальше. За два месяца вахты он получил столько же, сколько можно заработать за месяц обычного графика, никуда не уезжая из дома. Видимо, потому столица у нас и златоглавая, что всё из людей выжимает. Был ли смысл скандалить и что-то выяснять с этой Аланой? Только бы себя накрутил. Пусть думают, что он сюда ещё вернётся, а то кто их знает — может, через пять дней никакой зарплаты не придёт, а это их ООО, зарегистрированное на слабоумного алкоголика, потерявшего два месяца назад паспорт, себя объявит банкротом. Тогда — привет. Поэтому лучше синица в руках.

Хотя настроения никакого уже не было, но важный пункт оставался незакрытым. Красная площадь. Как иначе? Был в Москве и не видел Спасской башни Кремля? Побывал в столице и не поклониться Могиле Неизвестного Солдата? По Третьему Риму ходил, а Василия Блаженного не посетил, Минину с Пожарским в ответ не махал? По Белокаменной гулял, а Мавзолею не салютовал? За-

смеют. И сам потом жалеть будешь — когда ещё тут окажешься? В обязательном порядке надо пройти по легендарной брусчатке. И чем-то хорошим, однозначно позитивным хотелось отвлечься, приложить к душевной ссадине спасительный великодержавный подорожник. И всё равно до поезда ещё много времени. Не на вокзале же сидеть до вечера, когда кругом Москва?

Доехав на бесплатном автобусе обратно до метро, Сергей подошёл к осанистому высокому мужчине в белых не по сезону брюках.

— Здравствуйте, уважаемый! Не подскажете, как лучше отсюда до Красной площади добраться?

Мужчина оглядел Сергея с ног до головы, хотел было что-то сказать, но оборвался и почему-то посмотрел за его правое плечо:

— Если до самой Площади, то лучше до станции «Китай-город». Но если уж приехали в Москву, то побывайте в Третьяковке. Даже если вам это не очень интересно, то потом детям расскажете.

Сергей молчал, мужчина немного стушевался и продолжил:

— Поезжайте до станции «Третьяковская», а там разберётесь. После Третьяковки идите по Лаврушинскому переулку до конца, а потом по мосту через реку на Болотную набережную и площадь.

— На ту самую Болотную?

— Да, ту самую. Там действительно стоит побывать. Потом по набережной к Москворецкому мосту, а там уже и Васильевский спуск. В принципе, всё самое важное в Москве можно за полчаса увидеть.

— Спасибо за совет! Так и сделаю.

В Третьяковскую галерею выстроилась огромная очередь, выходящая далеко за территорию огороженного дворика галереи. Сергей было пристроился в конец очереди, но, простояв минут десять, понял, что на одну только очередь уйдёт минимум полчаса, а ведь если потом просто пройти по галерее, то тогда уже ни на какую Площадь времени не останется. С досадой он вышел из очереди. Интересно, в этот ноябрьский скверный будний день тут стоят туристы или москвичи? Если это горожане, то наверняка не те, что в белых офисах нюхают пыль и сосут через трубочку, а те, которые берут от этого города лучшее, что в нём есть. Оказывается, таких много.

Позади него очередь уже продолжилась десятком граждан, которые недоумённо посмотрели вслед уходящему Сергею, а потом сдвинулись вперёд.

На тротуаре по правой стороне Лаврушинского переулку меняли плитку, несколько зданий были завешаны фальшфасадами. Суетились рабочие, казалось, бегавшие наперегонки со своими тележками вокруг штабелей этой самой плитки, и что-то кричали друг другу: то ли невнятно, то ли не по-русски. Сергей дошёл до конца переулку, перешёл реку по

мосту — издали виднелся памятник Петру Первому. Странный памятник человеку, который терпеть не мог Москвы и потому перенёс столицу, чтоб оттуда всем грозить. И странный памятник русскому флоту на реке, через которую можно шапку перекинуть. К тому же смотрелось это сооружение, будто великан в рыбацкой шаланде приплыл на стройплощадку или если бурлак с картины Репина, но только со зверским лицом, тащит за собой остров по никому не ведомому пути. Вот, кстати, и памятник Илье Ефимовичу стоит. Нормальный, обычный, красивый и уместный.

Под мостом стояла гружённая песком баржа. Из песка торчали совковые лопаты, на черенке одной из которых висела серая бейсболка. По течению проплыла мятая зелёная пластиковая бутылка из-под пива.

Сергей прошёл по мосту, вступил в парк и пошёл по центральной аллее до конца. Остановился перед железным заборчиком, ограждавшим скульптурную группу, смысла которой он сперва не понял. Рядом молодая женщина, похожая на румяную булочку с корицей, в очках живо жестикулировала перед мужчиной с внешностью доброго пекаря:

— ...на втором курсе института узнала. Идея заложить этот памятник в начале нового тысячелетия принадлежала Юрию Лужкову, который тогда был мэром, даже градоправителем. Считается, что некоторые фигуры придумал он сам, а скульптор только добровольно-принудительно воплотил их в жизнь. Жители города очень неоднозначно приняли памятник.

— Ещё бы! Такое страшилище под самыми башнями Кремля выставлять! Чуть ли не в сердце России таких пугал навтыкали!

— И такое мнение было. Ещё многие возмутились из-за того, что в народе монумент «Дети — жертвы пороков взрослых» стали называть «Памятником порокам».

Мужчина пристально смотрел на памятник, а потом вдруг схватился за шляпу, словно боялся, что её унесёт ветром:

— Он же как Вечный огонь, только наоборот! Помнишь, как у нас на набережной? В полукружье у пламени на табличках пишут имена тех, в честь кого оно зажжено, а тут капище поганое: сгрудились упыри и кровопийцы, греются у детства золотого, напииваются. Крадут у будущего всю радость и счастье для того, чтобы поддержать своё настоящее корявое.

Девушка каким-то новым взглядом посмотрела на скульптуры:

— Некоторые ещё сказку про тринадцать месяцев вспоминают...

— Тринадцать? Может, двенадцать?

— Да, конечно же двенадцать. Оговорилась. — Взгляд девушки стал прежним, обычно-радостным. —

Кстати, тут три русские смуты закончились так или иначе — здесь сожгли одного из видных деятелей Раскола, Авраамия. Потом тут вывесили для народного любования останки Степана Разина, а век спустя тут же четверговали Пугачёва...

— Знаешь, давай скорее пойдём отсюда куда-нибудь, а то мороз по коже.

Отец взял дочь под ручку и повёл её по парку в сторону моста.

— Да это от реки просто прохладно. Пойдём тогда в Третьяковку, что ли? Там такой зал Врубеля! Помнишь, ты мне в детстве Лермонтова читал?

— «Скажи-ка, дядя, ведь недаром Москва, спалённая пожаром, французам отдана...»

— Нет, не это! Вот:

«Ничтожной властвуя землей,
Он сеял зло без наслажденья,
Нигде искусству своему
Он не встречал сопротивления —
И зло наскучило ему».

— Ничего себе! Ты помнишь, это ведь было лет...

Сергей постоял ещё немного, посмотрел, как истуканы тянут свои руки к ничего не подозревающим детям, и вспомнил проповедь батюшки. Ту, которая была по дороге в Дорохово. Понятно, что это была дичь, обман и мошенничество, но дыма без огня тоже не бывает.

Невесело хмыкнув, он пошёл на Софийскую набережную, поднялся на Большой Москворецкий мост. С моста открылся вид на целый ряд зданий, опять закрытых фальшфасадами. В родном Кирове, тоже при въезде на главную площадь города, был какой-то домик, обёрнутый таким же высокохудожественным брезентом. Над этим домиком смеялись горожане и ставили его в укор администрации, а тут почти весь центр такой. Понятно, откуда ветер дует и с какой стороны рыба гниёт.

По мосту Сергей дошёл до Васильевского спуска и остановился, как замороженный глядя на куранты Спасской башни. Именно они заканчивали старый год и начинали новый. Это они отсчитывали то московское время, по которому жили люди за тысячу километров отсюда, по которому сверяли свои часы. Сколько с этим циферблатом связано добрых воспоминаний, надежд и уверенности в том, что завтра обязательно будет лучше, чем вчера? Сверкающая на солнце рубиновая звезда тоже не оставляла сомнений в том, что будет именно так.

Но вход в ворота башни был закрыт, перегорожен, как и вся площадь, на которой активно сооружались трибуны для проведения фестиваля в честь дружбы и добрососедства с Китаем... Всё, приехали: ни тебе могилы, ни мавзолея — доступно только Лобное место. Оглянувшись в недоумении на Васи-

лия, на Минина и Пожарского, Сергей решил пройти вдоль ограды — может, огорожено не всё? Вдруг всё же есть лазейка?

Нету её, понял он, дойдя до Никольской и оглядываясь на узкую улочку вдоль ГУМа, оставшуюся от перегороженной площади. Возвращаться назад, чтобы толкаться в толпе туристов, не хотелось. Сергей пошёл к метро прочь от Красной площади и ахнул, когда в середине этой пешеходной, прогулочной улицы на небольшом постаменте он увидел дымковского индюка. Глиняную свистульку, но только высотой в добрых три метра, чтобы ни в каком случае не осталась незамеченной. Такие игрушки родом из Дымково — слободы, расположенной на противоположном Кирову берегу реки Вятки. Напротив города, короче. Получается, на главных площадях Москва хочет дружить с Китаем, а провинциям салютует из узких проходов? Вокруг яркого индюка с шумом бегали какие-то среднеазиатские дети.

Сергей зашёл в магазин. Когда он вышел из него спустя пару минут, то пошёл в сторону станции метро. Не доходя пары десятков метров, он обернулся назад, в сторону свистульки. Вынул из внутреннего кармана пачку сигарет, распечатал целлофановую упаковку, достал одну и с грустью, с какой-то даже обидой в глазах, закурил. Видимо, вот его законное место бедного родственника, который никогда не будет командовать парадом. Жаль, что не выстоял очереди в Третьяковку.

Пора было на Ярославский вокзал, пора в свой по-настоящему родной край, в вятскую резервацию. С чего начинается Родина? Чем она заканчивается?

Уже давно стемнало, когда фирменный поезд «Москва—Киров» отправился с Ярославского вокзала. Сергей удобно расположился на боковом месте у окна плацкартного вагона, сел спиной к движению поезда, заварил чай, и, глядя на постепенно уходящую Москву, думал:

«Вот говорят, что в Москве можно всё найти... «Всё»-то там есть, да про нашу ли честь?»

Ещё слышал, мол, Москва Россию кормит, спасает дотационные регионы, за собой их тянет. А почему Москва такая вдруг богатая, когда ни нефти, ни сельского хозяйства, а если заводы, то корейские? Всё за счёт того, что правительство и почти все офисы больших компаний находятся в Москве. Любому мало-мальски поднявшийся в регионе бизнесмен норовит свою региональную прописку на московскую сменить. Ясен пень, что директор, живущий в Москве, получает больше, чем работяги в регионах. И вот купил себе директор в Москве квартиру с гаражом, в гараж он купил себе машину на деньги, которые он из какого-нибудь Верхнекамского района привёз. Потому Москва и богатый регион, который может себе позволить многое ненужное и лишнее, а

абей, заглядывающая в чужие огороды. Завидев, как переваливаются её волосатые ноги в галошах, Эля пряталась среди оголившихся кустов.

— Эй, опять ты! Атасыз кыз. Тебе родители сказали тут сидеть? Ну-ка кыш! Кит! — кричала старуха.

Порой между досками появлялось чумазое мальчишеское лицо и ехидно спрашивало:

— Ну чё? Мамка с хахалем сбежала?

Эля показывала язык и убегала. Но потом снова возвращалась. Ей нравилось играть возле забора. Она воображала себя принцессой из сказки про диких лебедей. Правда, в домике под забором жили не лебеди, а гуси, но это мелочи жизни. Смешно представляя лягушачьи лапки, упитанные птицы невозмутимо топали по лужам. Они раскрывали яркие оранжевые клювы, подбирали камни и глотали их. Эля тоже как-то попыталась съесть камень. Но, почувствовав вкус земли, тут же выплюнула.

В загоне рядом с разваливающимся сараем жили другие птицы — пёстрые курицы и петух. Курицы были глупые. Они только и делали, что клевали. А петух был чёрно-белый и злой. Он гневно маршировал вдоль сетки, готовясь атаковать каждого, кто приближался к загону. Эля его боялась.

После обеда за забором слышались детские голоса. Эля наблюдала, как ребята в высоких резиновых сапогах измеряют озёра, образовавшиеся на дороге после дождя. Эле тоже очень хотелось играть, но её не принимали.

— Атасызлык! — верещала вредина Лариска, если Эля к ним приближалась. И все дружно подхватывали обзывательство.

Что это значит, Эля не знала, но смутно догадывалась. Особенно после одного случая. Летом она устроила пикник с куклой на лужайке перед домом. Пока девочка следила за майским жуком, угрожающе ползущим с цветка на покрывало, соседский мальчишка куклу стащил. Кукла была любимой — её мама привезла из Москвы. Таких длинных светлых волос и больших синих глаз Эля ни у кого не видела. Картатайка объяснил, что кукла эта — иностранка.

Эля не сразу заметила, что её любимица исчезла. Пока она, захлёбываясь слезами, шарила в густой траве, добычу разбирали деревенские дети.

— Чего рыдаешь? — спросила нанэйка. — Все глаза выплачешь. Чёрные будут.

И Эля заревела пуще, представив, что серые, как у мамы, глаза станут навеки чёрными.

— Алля янгыр ява, алля яшляр тама.

Девочка стихла, пытаясь разобрать слова на нанэйкином языке. Нанэйка обтёрла полотенцем Элькино лицо и слегка ущипнула её за нос.

— Пошли искать куклу твою. Небось опять Рустамка нашкодил.

— Нанэй, он там! — вскрикнула девочка.

Взяв Элю за руку, нанэйка грозно направилась к соседскому дому.

Рустамка в ободренных гамашах и расстёгнутой куртке сидел на скамейке и беззаботно грыз семечки.

— Чего вам? — нагло спросил мальчик.

— Куда куклу дел? — Нанэйка проворно схватила его за ухо, и мальчик истошно завопил.

— Отпустите! — проскулил Рустам.

— Говори давай!

— Нет у меня её! Я ребятам раздал! По частя-ам...

Потом они с Элей весь вечер ходили по соседям и собирали куклу. Последняя часть, голова, нашлась у Лариски, живущей в самом начале улицы.

Вечером картатай, вооружившись клеем и инструментами, оживлял Элину иностранку.

— Зачем он взял мою куклу? — спросила Эля. — Разве у него не было своих игрушек?

— Потому что родители плохо его воспитали, — ответила нанэйка, возившаяся у плиты.

— Воровство — грех. Аллах всё-о видит, — сказал картатай, старательно прикручивая кукольную головку к тоненькой закруглённой шейке. — И всех наказывает.

Эля не понимала, при чём тут Аллах и за что он всех наказывает.

Она вспоминала смеющихся соседских детей и их родителей. От их взгляда становилось так страшно, что Эля пряталась за большую фигуру нанэйки. Они шли с нанэйкой по улице, и Эле казалось, что везде она слышит своё имя и ещё какое-то незнакомое слово, раз за разом повторяемое. Нанэйка добродушно улыбалась, шутила с соседями и будто бы ничего не замечала.

— Что такое атасызлык? — спросила Эля.

Нанэй и картатай замерли на мгновение.

— Дожили, — вымолвил картатай. — Все соседи пальцем показывают. Воспитала дочь на свою голову. С тебя пример взяла.

— Это какой ещё такой пример? — бросила половник нанэйка.

— Тебе лучше знать, — зло сказал картатай.

— Не болтай при ребёнке чего ни попадя! — ответила нанэйка, а потом добавила: — Вот поговорю с папашей этого Рустама. Нечего нашу Эльку задирать.

А у Эли папы не было. Она не сразу поняла, что у неё его нет. Просто не знала, что он должен быть. А потом как-то сама разгадала: с ней было что-то не так. Папа был у мамы, она его называла атай, а для Эли — картатай. Папа был у Дины, высокой молчаливой девочки, приезжающей к ним из Уфы. Когда Эля была маленькой, то думала, что папа Дины и её папа тоже.

«Папа, — просила Эля. — Покатай меня на спине».

Папа Дины всегда смущался, но на спине катал.

«Это мой папа, — однажды произнесла Дина-апа. — У тебя папы нет».

«Как это нет?» — удивилась девочка.

«Вот так. Нет, и всё».

Эля не понимала. В детском саду у многих были папы. Старые и молодые. Некоторые совсем как мамин папа, Элин картатай. У Маши тоже папы не было. Она говорила, что её папа живёт на небе и всегда за ней наблюдает. Этого Эля тоже не могла понять. На небе жил Бог, или Аллах, как говорит картатай. Значит, Машин папа — это Бог? Такого быть не могло. Маша наверняка всё врала. Просто папы не было, и всё. Точно как у Эли.

Небо... Эля любила смотреть на небо. Оно было не такое голубое, как летом, а скорее, как если бы его сначала нарисовали акварельными красками, а потом пролили много воды (Эля часто так делала). Ещё на небе жили птицы. А самые большие птицы, белые, назывались самолётами. Картатай говорил, что на самолёте летит из Москвы мама. Может, и Машин папа сейчас на самолёте?

Потом, конечно, нанэйка сказала, что Машин папа умер.

— Как это...у-умер? — Эля осторожно пробовала новое слово на вкус. Слово было коротким, но каким-то неудобным, неловким.

— Это значит, что он попал на небо к Богу. И теперь живёт там в Раю, — ответила нанэйка.

— Рай?

— Рай — это такое место, где всем хорошо.

И Эля представляла себе, как в чистом небе отражается их мир — такая же деревенька, такие же домики и заборчики, только всё вверх тормашками и в облаках. И люди в Раю такие же, как здесь. Но счастливее.

«Карр, карр», — гремело над головой.

Далеко-далеко, на проводах, сидели мрачные черноклювые вороны. И Эля была бы рада у них спросить, как там дела у маминого самолёта, но они её не слышали. А воробышки, так любящие подсолнечные семечки, испарялись, когда Эля подходила к ним близко.

В лучах тусклого осеннего солнца блестели капельки пота на дедовской лысине. Он, согнувши спину, возился в огороде. Бабушка с утра уходила на базар.

Заскучав, девочка отправлялась в баню, где прятался дядя Назиф. Его Эля звала Бабайкой. В садике она гордо рассказывала, что у неё есть Бабайка, который прячется в бане. Дети почему-то пугались и не верили ей.

Бабайка говорил всем, что работает на сахарном заводе. Вставал рано, дочиста брился, а потом шёл в старенькую баню, которую давно и топить-то перестали, и вообще должны были разобрать на дрова.

Эля, как кошка, подкрадывалась к бане, стучала в поросшую мхом дверь. Представляла, как Бабайка ставит кружку на подоконник, откладывает книгу и, не поднимаясь с места, дотягивается до защёлки. Дверь открывалась, дядя усаживал её на лавке рядом с собой и угощал солёной рыбой, разобранной на газетке, а потом давал запивать мутно-коричневой жидкостью из большой бутылки. Эля морщилась от странного горьковатого кваса, а вот рыбу ела с удовольствием. Наевшись, Эля просила Бабайку почитать. Он поправлял очки и начинал с выражением читать книжку. Обычно книжки были сложные. Эля не могла разобрать ни слова, но с интересом слушала. Голова становилась тяжелой. С ногами забравшись на лавку, девочка засыпала. В мыслях возникали, смешивались неведомые образы: Салават Юлаев с вырванными ноздрями, маленькие дерущиеся фигурки людей, лысый, как картатайка, Ленин, страшная война и мама с грустными серыми глазами.

Когда Эля просыпалась, солнце в окошке спускалось к верхушкам деревьев. Живот урчал и звал в дом, но важнее было подобрать слова, чтобы скорее спросить Бабайку о том, что так её волновало. Он говорил с Элей как со взрослой и знал ответы на все вопросы.

— А откуда взялись люди? — спрашивала девочка.

— От обезьян, — отвечал дядя.

— Как это... от обезьян? — удивилась Эля.

— Обезьяны поумнели и превратились в людей.

— А почему они сейчас не превращаются в людей?

— На это много времени нужно, — подумав, сказал Бабайка.

— Сколько? Сто лет? — Это была самая большая цифра, которую знала девочка.

— Больше... на-амного больше.

— А картатайка с нанэйкой говорят, что людей Аллах создал.

— Они просто старые и Дарвина не читали.

Однажды Бабайка сказал, что Бог умер.

— Знаю, — ответила Эля.

— Откуда? — искренне изумился дядя.

Эля посмотрела на него строго.

— Он же на небе. Когда люди умирают, они попадают на небо. Так нанэйка говорила.

Бабайка не нашёлся что сказать. Он посмотрел на неё странно, будто дитя малое.

Нанэйка часто разговаривала с Элей о Боге. По дороге из детского сада они часто заходили в маленькую поселковую мечеть, располагающуюся на холмике.

Людей внутри мечети почти не было. Воняло хлоркой, и толстая уборщица в платке, гремя ведрами, драила полы. Они садились на стульчики перед

муллой, и нанэйка просила его помолиться за всех близких, особенно за Элину маму. Мулла-бабай чечал бородку и начинал петь. Но не так, как люди по телевизору, а каким-то внутренним гортанным голосом, так что слова дребезжали и застывали в воздухе. Эля следила за ним и нанэйкой и складывала вместе ладошки, чтобы молитва обязательно попала внутрь.

Когда они выходили из мечети, на душе становилось легко.

— Разве Бог слышит нас? — спрашивала Эля. — Он же на небе.

— Конечно, — говорила нанэйка — У Аллаха есть помощники на земле, ангелы. Они оберегают каждого человека, поэтому с мамой твоей всё будет хорошо.

— А как ангелы выглядят?

— Это красивые существа с большими белыми крыльями.

Настоящие ангелы жили на краю Элиного мира в домике под забором. Иногда они взмахивали бело-снежными пушистыми крыльями и каким-то необъяснимым образом усаживались на воротах. Сложив крылья, ангелы глядели куда-то вглубь переулка, откуда должна была появиться мама. И Эля верила, что они тоже ждут маму. И когда она появится, ангелы будут издавать смешные звуки, чтобы Эля сразу обо всём догадалась.

Мама работала в большом городе и мечтала купить собственную квартиру. В обычное время она вставала в пять утра и, не завтракая, бежала на первый поезд до Уфы. Но недавно её повысили. Теперь она ездила в командировки и появлялась дома редко, по выходным. И Эля с нетерпением ждала маминго возвращения.

Перед сном Эля долго смотрела на белый потолок и думала, что за потолком звёздное небо и её мама на самолёте. И папа Маши. И даже Бог-Аллах. Все они смотрят за ней и желают ей доброй ночи.

* * *

Дни, когда приезжала мама, были особенными. Ангелы с раннего утра начинали взволнованно бить крыльями. Нанэйка делала вак-беляши, а Эля помогала раскладывать начинку. Время за работой проходило быстро.

Эля заранее знала, когда мама приближалась к забору. Мама тащила тяжёлый чемодан, и его колёса увязали в красной прилипающей грязи. Она осторожно подходила к калитке, дёрнула за шнурок — ворота с радостным кряканьем её пропускали. Эля, услышав это, весело сбегала по ветхим ступенькам и чуть не сбивала с ног уставшую мать.

Потом всё шло своим чередом. Они с мамой долго сидели и обнимались на диване. Нанэйка на-

крывала на стол, и дом потихоньку наполнялся людьми.

Мама показывала новые (как у принцессы) платья, привезённые Эле из Москвы, и рассказывала, что улицы в этом городе большие и широкие, потому что раньше там жили великаны. Эля с легкостью воображала Москву с гигантскими, до самого Рая, домами и маленькую маму, снующую меж великаных ног.

— А ещё я была на Красной площади, видела Кремль, — говорила мама.

— А президента видела? — поинтересовалась Эля.

Мама запнулась и стрельнула взглядом в Бабайку, пристроившегося в кресле напротив. Но он только посмеивался.

— А как у тебя дела?

— Меня в садике обижают, — выпалила девочка.

— Как обижают?

— Один мальчик стучается. Очень больно.

— Так ты стукни его в ответ.

— Мама, я не могу.

— Почему? — удивилась мама.

— Тогда я буду такой же плохой, как он. Я так не хочу.

Мама растерянно посмотрела на дочь.

Засыпали они в одной кровати.

— Мама, а как я родилась? — спрашивала Эля.

— Это было осенью. Когда ты появилась на свет, выпал первый в том году снег. Мелкий, как пылинки, он покрывал шапки прохожих и ещё не остывшую землю... и тут же исчезал. Настоящее чудо. А когда снегом покрылось всё, я повезла тебя домой. Нанэйка увидела тебя и тут же заплакала, а картатай очень ругался.

Эля не понимала, почему картатай ругался. Да и разве мог он ругаться?

У картатай были большие коричневые руки с глубокими бороздами на ладонях. Он этими руками подкидывал её к потолку, а потом ловил. И ещё глядел по голове и чинил игрушки.

— Картатай просто не знал, что ты такая хорошая девочка, — говорила мама. — А потом мы с нанэйкой над ним пошутили. Оставили его с тобой, а сами ушли по делам. А когда вернулись, он уже не хотел с тобой расставаться.

— Мама, ты завтра никуда не уйдешь?

— Мне нужно на работу, кызым, — со вздохом отвечала мама.

— Зачем?

— Чтобы жить с тобой в городе в собственной квартире. Там всё будет по-другому. И люди другие, и жизнь другая.

— А нанэйка, картатайка и Бабайка?

— Мы к ним приезжать будем. А они к нам...

— Мама, расскажи сказку, — просила Эля.

— Я устала. Давай ты мне расскажешь, — сонно бормотала мама.

— Я не умею.

— Как это? Нанэйка тебе их столько рассказывает. Какая тебе больше всего нравится?

— Борон-борон заманда... жила-была дочь хана Эльвира. Было у неё одиннадцать братьев. Однажды злая убирка превратила их в лебедей... А лицо девочки измазала чёрной краской. Даже отец её не узнал. Девочка молчала и шила из крапивы рубашки для своих братьев. Люди подумали, она ведьма. Хотели сжечь её на костре. Но прилетели лебеди, Эльвира накрыла их рубашками, и они обернулись людьми. И жили все долго и счастливо... Мама... мама, ты спишь?

Мама тихо сопела. Во сне она видела птиц с белыми крыльями.

Эля засыпала, крепко держа маму за ночнушку. Но наутро мама всё равно умудрялась сбежать. Чаще всего Эля ещё спала. Но иногда она вставала вместе с мамой и смотрела на её уходящую спину сквозь щель в заборе. Мама никогда не оборачивалась, но спиной, конечно, всё чувствовала.

Ангелы просыпались в своём домике и, ёжась от холода, выходили на свет. После сна они щипали пожелтевшую траву и тыкались рыжими любопытными клювами между досками забора.

— Скоро будем есть зуур-беляш, — говорил Бабайка, выкладывая из кастрюли в таз дымящееся зерно.

Эля уже знала, что это значит.

— Почему они не могут улететь? — спрашивала она. — У них же есть крылья.

— Они просто не знают, что так можно.

— Почему не знают?

— Как обезьяны. Они не знают или просто забыли, что можно превратиться в людей. А гуси — что можно улететь.

— Получается, они заколдованные?

— Ну да, — согласился Бабайка. — Заколдованные.

Эля наблюдала за ангелами, как вдруг её осенило. Она побежала в дом, достала из маминого шкафа ткань и швейную шкатулку.

— Нанэй, я хочу шить, — сказала Эля, протягивая бабушке нитку с иглкой.

— А мама не наругает? — с сомнением спросила нанэйка.

— За что? — изумилась Эля.

Нанэйка продела нитку в иглку и показала ей, как шить. Девочка принялась за работу.

Вечером мама вернулась с работы, и они сидели за старинным семейным столом в ожидании чая.

— Зачем ты взяла ткань без разрешения? — Мама явно недовольна.

— Я хотела сшить рубашки для гусей, — невинно поговорила Эля.

— Зачем им рубашки?

— Чтобы их расколдовать. Гуси вспомнят, что они ангелы и смогут улететь. Тогда их никто не будет есть.

Мама вздохнула. Она никак не могла решить, стоит ли наказывать дочь.

— Мам, что такое атасызлык? — спросила вдруг девочка. — Это когда нет папы?

— Что? Где ты это услышала? — Голос мамы стал каким-то испуганным.

Мама внимательно посмотрела на нанэйку. А та залепетала, как ребенок, что ничего не знает и что это всё телевизор.

В субботу мама встала непривычно рано, хотя обычно отсыпалась до обеда. Она накинула клетчатый плащ и залезла в галоши. В последнюю минуту захватила зонтик и выскочила на улицу. Эля видела, как мамина спина направляется в сторону соседского дома. Накинув курточку, девочка вышла спросить у ангелов про маму. Но те лишь тоскливо закыйкали в своём домике. Эле вдруг стало жутко.

Она постучалась в дверь бани, но Бабайка крепко спал и не слышал её. Она побежала в дом будить деда, но не сумела ничего толком объяснить. Только сквозь слезы повторяла: «Мама... там мама». Эля знала, что из-за неё с мамой случилось что-то плохое.

Нанэйка сразу всё поняла. Вооружившись лопатой, она собиралась бежать к соседям. Но не успела.

Мама вернулась вся грязная и угрюмая. Без зонтика, в красном от жидкой глины плаще, с подбитым глазом. Весь вечер у неё болела голова. А бабушка себя за что-то корила.

Наутро маму отправили в больницу с сотрясением мозга.

— А мама меня вспомнит? — спросила у Бабайки Эля.

— Конечно, дурочка. Она же не совсем голову потеряла.

— Это всё потому, что я не молчала?

— Что?

— Я должна была молчать. Теперь мама в больнице, а гуси не вспомнят, что они на самом деле ангелы.

— Нет, — сказал Бабайка. — Это всё Зульфарабей. Она убирка.

— Убирка? — Эля округлила глаза. — Настоящая?

— Конечно. Подойдешь близко, а она тебя цап и съест.

Потом картатай поругался с нанэйкой. Эля видела, как бабушка убежала от него за ворота — по длинной улице мимо индюков и Зульфарабейки. Дед называл бабушку страшными словами, а потом выпил и лег спать.

Нанэйка вернулась на следующий день. Но потом ушел Бабайка, потому что она нашла его в бане «пьяным вдрабадан» и долго кричала.

В день Элиного рождения выпал снег. Взяв прошитые куски ткани, Эля вышла во двор. Она накры-

вала рубашками улепётывающих от неё по белому снегу ангелов и кричала: «Летите! Летите!»

— Почему они не понимают, нанэйка? — чуть не плача, спросила Эля. — Они же умрут. Им обязательно умирать?

— Они попадут в Рай, — просто ответила бабушка.

Вечером картатай зарезал гусей. Их красная горячая кровь растопила снег. В этот же день вернулась мама. Это было настоящее чудо...

Март, 2020 г.

СТУЧИТ КТО-ТО

Таня вытащила наушник из уха и посмотрела на бабушку:

— Ты что-то сказала?

— Стучит кто-то, Тань, — громко сказала бабушка с дивана.

Таня прислушалась к дому. Стучали наверху.

— Ремонт делают, наверное.

— Они с пяти утра так стучат, — слова бабушки влетали в правое Танино ухо и тут же рассеивались от басов в левом.

— Ну, когда-нибудь же перестанут, — вздохнула Таня. — У меня экзамен завтра. Не мешай.

— Я это целый день, между прочим, слушаю.

Таня ещё раз прислушалась к стуку. Терпимо вроде.

— Просто прибавь звук у телевизора

Таня надела наушник и снова уставилась в экран. Бабушка продолжала ворчать, но звук у телевизора прибавила. Терпимо.

Когда Таня сняла наушники, бабушка уже спала. Нестерпимо хотелось почистить зубы. Таня тут же отогнала эту мысль. Тоненькая струя воды, звонко бьющая по железному дну раковины, ночью превращалась в рокот Ниагарского водопада. Бабушку будить было нельзя. Разбуженная бабушка превращалась в ночной кошмар для Тани и кота. Она начинала особенно громко вздыхать и крутиться как веретено по скрипучей кровати. Тогда не могла уже заснуть Таня, и бабушка обязательно выкрикивала: «Хватит куёвдиться!»

Таня, не надевая тапочки, прокралась в свою комнату. По дороге налетела на тумбочку, что-то смахнула с неё рукой — предмет глухо приземлился на пол, но бабушку не разбудил.

Таня улеглась в кровать и закрыла глаза.

«Бам». Тане показалось, что она упала с кровати. Стук грохотал прямо над ней. «Бам». Таня попыталась подумать о сне. «Бам». Бабушка тихонько сопит в соседней комнате. «Бам». Кошачьи когти клацают по линолеуму. «Бам». Не обращать внимания. «Бам». Надо спать. От стука колеблется даже воздух. «Бам». Спи, Таня. «Бам». Спи уже.

«Да сколько можно?!» — Таня с яростью села.

Гнев поднимался изнутри, и Таня стала нащупывать в темноте одежду. Она мысленно взбиралась по ступеням на четвёртый этаж и со всей силой пинала соседскую дверь. Когда дверь откроется, Таня выскажет об этом дурацком ремонте всё, что думает.

Стоп. А кто там вообще живёт?

Тане всегда было плевать на соседей. По утрам она выходила из квартиры и буркала «Здрасьте», если кто-то спускался вместе с ней. Лица и имена она никогда не запоминала. А зачем? Одни сдали квартиру, другие съехали, третьи только въехали.

Не важно, Таня разберётся. Объяснит, что нормальные люди ремонт по ночам не делают. Или пусть покупают дом с отдельным участком. У неё вообще-то экзамен завтра. Она и в полицию может позвонить.

Таня посмотрела на очкастое существо в зеркале. Ну и видок. Таким точно никого не напугаешь. Напялила шапку-носок. Немного поразмыслив, надела куртку и сапоги — ну не в тапках же идти.

Осторожно повернула замок входной двери. Механизм звонко щёлкнул. Таня задержала дыхание, представляя, как возмущённый бабушкин голос взмывает в квартирной тишине. Но бабушка мирно спала и лишь иногда похрапывала во сне.

Таня вышла на площадку и стала подниматься по лестнице. Иногда стук, словно слышав её шарканье, затихал. А потом снова грохотал, да так, что Таня от испуга спускалась на ступеньку ниже. Вот пролёт между четвёртым и третьим. Здесь стук ещё громче. Но доносится откуда-то выше. Значит, надо подниматься на пятый.

«Бам».

Сверху кто-то ходит.

«Бам».

Таня так и застыла с занесённой над ступенькой ногой.

«Бам».

Открывает и закрывает дверь.

«Бам».

Интересно, её шаги слышно?

«Бам».

Когда поворачивается замок, в подъезде всегда слышно.

«Бам».

Хорошо, что сапоги надела.

«Бам».

Если что — успею убежать.

«Бам».

Они поймут, из какой я квартиры.

«Бам».

Человеческая фигура мелькнула в пролёте.

«М-мама!» — взвизгнула Таня.

«Бам».

Таня открыла глаза и уставилась на сереющий потолок.

«Бам».

Иногда стук прекращался. И тогда скрежет, похожий на человеческий визг, заставлял Таню вздрагивать. А потом снова дурацкий стук.

«Бам». Может, и нет никакого стука. «Бам». Может, он в Таниной голове. «Бам». Так стучат мысли в черепушке. «Бам». Неужели никто этого больше не слышит? «Бам». Неужели всё терпят? «Бам».

— Тань, ты не спишь? — проскрипел бабушкин голос.

И сразу стало легче.

— Как тут заснёшь, — пробурчала Таня.

— Кто бы это мог стучать? — спросила бабушка.

— Дураки — вот кто.

— Да ведь не живёт никто сверху.

— Как это?

— На четвёртом одна квартира пустая. А в другой жила семья с мальчишкой. Так они вроде давно съехали.

Таня вспомнила, как иногда просыпалась по утрам от детского рёва и женских криков. Иногда в ссору встречал мужской голос: «Если ты его не заткнёшь, заткну я!» Мысленно Таня его поддерживала. Ругань из-за стены продолжалась. Таня лихорадочно искала в плеере аудиокнигу, включала на полную и засыпала под успокаивающее чтение актёров. А бабушка за завтраком рассказывала: «Слышу я, значит, как он встаёт с постели, а потом такой звук, будто стулья ломаются. И тишина».

Как выглядят родители мальчика, Таня не помнила. А вот самого Димку видела постоянно. Он был главным хулиганом подъезда. Звонил в квартиры и тут же убегал. А у соседей с этажа даже звонок разобрал и батареек вытащил.

«Бам».

Очередной стук вывел Таню из задумчивости.

— Бабуль, так это не на четвёртом. На пятом, кажется.

— Там тоже никого нет, — ответила бабушка. — В одной квартире дед жил — он умер полгода назад. А во второй вроде девица какая-то. Вечно мужиков водила. Она в Москву уехала, а квартиру продаёт.

Таня вспомнила, как летом спускалась по лестнице, а навстречу ей поднимались санитары с носилками. Теперь ясно, что к деду.

«Бам».

— Спать хочется. Надо пойти и выяснить, кто стучит, — сказала Таня.

«Бам».

— Хочешь, чтобы по голове настучали? — фыркнула бабушка.

«Бам».

Фрагменты сна промелькнули в голове. Бабушка права.

— Может, крикнем им, что вызовем полицию? — предложила Таня.

— Чтобы они потом за нами пришли?

— В смысле?

— Пока ты спала, я слышала чей-то вскрик. — Бабушка понизила голос. — Там кого-то держат.

— Ты опять сериалов насмотрелась, — отмахнулась Таня. — Почему тогда никто не кричит?

Бабушка обиженно завозилась на кровати:

— Может, ей рот заклеили?

— Кому ей?

— Ну, девице той, которая квартиру хотела продать. Вот и стучит. Надеется, что услышим.

Таня рассмеялась так громко и внезапно, что кот прибежал с кухни и ошалело на неё посмотрел.

— Тихо ты! — шикнула бабушка. — Вот бестолочь! Услышат ведь!

Таня и сама не поняла, почему смеялась. После слов бабушки стало жутко. Стук всё продолжался и продолжался. Иногда затихал, чтобы передохнуть, а потом снова принимался за работу.

— Надо полицию вызвать, — сказала бабушка.

— А если позвоним, а стук прекратится?

Нужны доказательства. Таня схватила телефон, включила камеру и направила на потолок. Только сейчас она заметила, что в комнате посветлело. А стук внезапно стал прытким и увёртливым. Таня никак не могла его поймать. Как только она включала камеру, стук замолкал. Тане надоело снимать впустую. Она убирала телефон, и стук возвращался.

Доказательства не получились. Но кое-что Таня поняла — он устал. Стук был уже не таким громким. Всё больше отдыхал, пока наконец не закончился полностью. Таня не могла сомкнуть глаз.

— Я звоню участковому, — произнесла бабушка. Скрипнула кровать, зашуршали по ковру тапочки — она решительно подошла к телефону.

— Но стука больше нет.

— Он вернётся, я уверена. — Бабушкины пальцы уже щёлкали по телефонным кнопкам.

— Алло, здравствуйте. — Голос бабушки был взволнован. — Нет, я не могу говорить громче! Нас могут услышать. Тут сверху человека держат в заложниках.

Таня зажмурилась от стыда. Им точно не поверят!

— Как я это поняла? Вы знаете, у нас с вечера кто-то в доме стучит. Мы с внучкой толком не спали. Я сначала думала, это по двери колотят. Потом прислушалась... звуки глухие, будто человека в ванной заперли, и он по ванне стучит. А ещё я посреди ночи вскрик слышала. Что? Из какой мы квартиры? Можно не говорить? Ещё узнают и мстить будут. Ладно-ладно, записывайте...

Завтра экзамен. Поспать бы хотя бы чуть-чуть. Надо попытаться. Таня закрыла глаза, но они открылись и посмотрели на часы. Уши тоже жили отдельно. Старались расслышать стук.

Участкового всё не было.

— Как думаешь, почему не стучит? — спросила Таня.

— Устал, — ответила бабушка. — Или решил, что все ушли на работу.

Шторы налились предрассветными жёлтыми пятнами. В шестом часу слышали привычное «Бам». Отдохнувший стук стучал громче прежнего. Они не сразу заметили, что звуков стало больше. К грохоту сверху примешивался деликатный стук в дверь.

— Участковый! — всплеснула руками бабушка.

Таня побежала открывать. На пороге стоял молодой лейтенант.

— Это вы по поводу стука звонили? — поинтересовался он.

— Мы, — шёпотом подтвердила Таня.

— В подъезде хорошо слышно, — оценил стук участковый. — Сейчас узнаем, кто стучит.. А вы не ходили ещё туда?

— Страшно же.

«Бам».

Таня с тревогой смотрела на поднимающегося по лестнице лейтенанта.

«Бам».

Повернул налево.

«Бам».

Только ноги видны.

«Бам».

Ботинки стучат.

«Бам».

Лязг двери эхом раздаётся по подъезду.

«Бам».

«Бам».

Ботинки звонко скачут по ступеням. Бежит, что ли?

«Бам».

На лестнице показался побледневший участковый.

— Ну, напугали вы меня.

«Бам».

— Что там? — шепчет бабушка.

«Бам».

— Дверь на крышу кто-то открыл. Вот она и стучит от ветра. Вы в жэу позвоните, они разберутся. Ну, и дом у вас, конечно. Я думал, что опять как в прошлый раз...

«Бам»

— Меньше сериалов смотри, бабуль, — разочарованно говорит Таня.

«Бам».

— А что в прошлый раз? — интересуется бабушка.

«Бам».

— Вы не слышали? На четвёртом отчим мальчишка табуреткой прибил. Да это давно было.

«Бам».

ШАПКУ ЗАБЫЛ

Вернувшись из школы, Алёша разогрел оставленный мамой суп и включил телевизор. Когда мамы дома нет, можно есть прямо перед телевизором на стульчике. Главное, ничего не разбрызгать. В три часа начались мультики. Зачерпнув ложкой суп, Алёша поднёс её ко рту, да так и застыл, таращась во все глаза на мерцающий экран.

Самый любимый мультик заканчивался ровно тогда, когда нужно быть на полпути в музыкальную школу. Но Алёша знал короткий путь, поэтому не торопился. Не отрываясь от мультика, он медленно пошарил рукой в тумбочке в поисках нотной тетради и учебника, затем уложил всё это в рюкзак и так же медленно оделся. Вот пошли титры, а Алёша уже сидел в куртке с рюкзаком за спиной. Выключив телевизор, Алёша выскочил из дома.

Дорога в музыкалку пролегла через рынок, но Алёша повернул за дом.

«Шапку забыл!» — вспомнил Алёша.

Идти обратно? Слишком поздно! Учительница по сольфеджио в прошлый раз сказала, что ещё одно опоздание и она позвонит маме. Да и на улице стоит тёплая весенняя погода. Лучи солнца наперегонки носятся по окнам домов, спят глаза прохожим и водителям. Из подвалов на свет выбрались исхудавшие коты и, жмурясь от удовольствия, греют спинки. Все вокруг гуляют без шапок, с расстёгнутыми куртками. И так хорошо на улице, так тепло.

За домом открылся вид на Алёшину школу и гаражи. Это гаражи старшекласников. На переменах они бегают туда выпить или покурить. О нынешних старших ходило много слухов, поэтому Алёша всегда прижимался поближе к ограде школы.

Чтобы пройти через школу, нужно одолеть «болото» — так в классе называют дорогу к школе. Весной и осенью там собирается такое количество грязи, что можно утонуть. Иногда кто-то добрый застилал дорогу картонками, один раз даже старый ковёр положили. Алёша привычно ступил по свежим картонкам и посмотрел в небо, просвечивающееся между двумя серыми исполинскими домами... Небо было голубое-голубое, как незабудки у дедушки в саду.. Такое яркое, без единого облачка, какое бывает только весной. Алёша любил весну больше всего. За такое вот небо и за день рождения в конце апреля.

Алёша не ходил в школу целый месяц. С самого детства у него был слабый иммунитет, и он быстро подхватывал заразу. На этот раз он заболел свиным гриппом. Мальчик всё думал, как он умудрился заболеть, ведь свиной у них дома нет.

В больнице Алёше не нравилось. В палате лежали только маленькие мальчишки, которые, чуть что, бросались в слёзы. Медсестры были толстые и злые и

делали болючие уколы, после которых попа ныла и невозможно было сидеть.

Иногда Алёше ставили капельницы. Кто-то из младших сказал, что если капельница закончится, то он может умереть от пузырьков в крови. И Алёша не спускал глаз с медленно падающих капель (медсёстрам он конечно же не доверял).

По вечерам приходила мама. У Алёши никого не было добрее мамы. Она была молода, но на лице уже проступали глубокие морщины. Всегда ходила в одной и той же одежде: застиранной блузке и юбка-карандаше, из которой топорщились в разные стороны ноги. Мама приносила яблоко, банан или апельсин. Иногда скучающие бабули из соседних палат давали Алёше шоколадные конфеты. И он обязательно их сохранял, чтобы потом поделить с мамой пополам.

Каждый день Алёша с тоской глядел из окна на больничный двор, где, накинув куртки, не спеша прогуливались взрослые больные.

Мальчик с нетерпением мечтал вернуться в школу. От скуки он перечитал весь учебник по литературе. Учиться Алёша не любил, но в школе были его друзья, и с ними было намного интереснее, чем в больнице.

Домой Алёшу отпустили неделю назад. Он был весь тощий, с впалыми щеками, из-за чего учителя при виде него всё ахали и говорили: «Бедный мальчик!» Алёша гордо хвастался одноклассникам, что чуть не умер, но «родился в двух рубашках». Он всё ещё покашливал — всякий раз мама бледнела и бросалась греть ему молоко с мёдом.

Вместе с учебой началась и музыкалка. Дома у них стояло мамино фортепиано, мама решила, что добро пропадать не должно, поэтому и привела Алёшу в маленькую музыкальную школу на окраине района. Первое время Алёша противился. На специальности добрая пухлая учительница гнула его растопыренные пальцы и заставляла играть гаммы.

Ещё был хор, но там были все девочки, и он один как дурак. И когда Алёша фальшивил, все точно знали, что это именно он. Но самым ненавистным предметом было сольфеджио — хуже математики. Каждое занятие начиналось с написания диктанта: учительница играла аккорды, а класс на слух пытался их записать. Алёше, наверное, медведь на ухо наступил, потому что все аккорды для него звучали одинаково, и мальчик неизменно получал тройки.

Как-то он пришёл домой и стал плакать. Мама пожалела мальчика и сказала, что подумает, и может быть, Алёше не придется ходить в музыкалку. Но потом старая соседка с пятого этажа увидела, как они с ребятами прыгают по крышам гаражей за домом, и наябедничала маме. С тех пор мама решила, что фортепиано он не бросит, а с вредной соседкой Алёша больше не здоровается.

На школьном дворе ещё лежит снег, и снежная горка, сделанная трудовиком, ещё не провалилась. И так хочется покататься! Но горка уже вся коричневая от грязи. Он идёт дальше, пиная рыхлый снег и глядя по сторонам, мимо ряда многоэтажек и старой детской площадки с одинокой кривой башенкой.

Вот и очередное испытание! Алёша совсем забыл, что пустырь за школой весной превращается в настоящее озеро. Но не идти же обратно? Мальчик осторожно ступает на тонкий, покрывшийся коркой льда снег. Нога вдруг проваливается, зачерпнув в сапог немного воды. Он отскакивает на кочку, но и кочка оказывается не кочкой, и Алёша тут же идёт ко дну. Вода заполняет сапоги, и мальчик вздрагивает от мерзкого леденящего холода, разливающегося по ногам. А ведь осталось так мало времени! Оставив надежду, Алёша бежит напролом, топая по проваливающемуся снегу, высоко поднимая ноги.

Он бежит через еловый парк, застывает, чтобы посмотреть на белочку, скачущую по веткам, и снова бежит. Не дождавшись зелёного света, через перекрёсток и дальше, вдоль старых хрущевок и цветных новостроек к непримечательному белому зданию. Подойдя ближе, мальчик слышит завывания скрипки, доносящиеся из приоткрытого окна на втором этаже.

Алёша прыгает через ступеньки и открывает тяжёлую дверь.

— Здравствуй, тёть Зин! — кричит он.

Завидев его грязные сапоги, вахтёрша злобно клацает зубами. Поменяв обувь на сменную и оставив одежду, Алёша мчится по коридору. Дверь ещё открыта. Мальчик вбегает в класс, несколько девочек оборачиваются и радостно его приветствуют. Садится за последнюю парту и пытается отдышаться. Пот струится под вязаной кофтой, и даже чёлка прилипла к мокрому лбу. Успел!

Вечером похолодало. Алёша шёл домой по тёмным неосвещённым улицам. Он знал каждый поворот, и было не страшно. Мокрые ноги чуть подмерзали, в ушах свистел ветер, а Алёша всё распевал песенку, приставшую к нему на уроке.

Домашний порог встретил мама.

— Ты почему без шапки? — спросила без приветствия.

— Забыл, — ответил Алёша, расстёгивая сапоги.

— Как забыл? — её прозрачные голубые глаза вдруг потемнели. — Ты что, заболеть опять хочешь? Мало тебе больницы?

— Так жарко же, — стоя на одной ноге, Алёша снял с другой сапог.

Мама охает:

— Ты ещё и ноги промочил?!

— Там потаяло всё...

Мама ударила кулаком по стене, и Алёша так и застыл с сапогом в руках.

— Себя не жалеешь, хоть бы меня пожалел! — закричала мама, голос её взмыл вверх и показался каким-то чужим. — Сколько я потратила на лекарства?! Чтобы ты снова заболел?!

Мама хлопнула дверью в спальню. Алёша слышал, как она открыла старый скрипучий шифоньер, на мгновение застыла, а потом принялась что-то искать. Вернулась с ремнём в руках.

— Ну-ка, снимай штаны.

— Ну, мам. — Алёша попятился.

— Снимай штаны, я тебе говорю!

Мама размахнулась, и ремень больно хлестнул Алёшу по ноге. Обидно. Горячие, как кипятки, слёзы покатались по замершему лицу. Нырнув под мамину руку, Алёша побежал в спальню. Он попытался закрыть дверь, но мама оказалась сильнее. Его сшибло с ног. И вот теперь некуда бежать. Мать схватила брыкающегося Алёшу и бросила на кровать. Мальчик ошарашенно посмотрел на рассерженную женщину. Такой маму он ещё никогда не видел.

— Вот тебе! Вот тебе! — приговаривает мама. — Будешь знать, как без шапки ходить!

Мальчик хочет стукнуть её в ответ, но мама крепко сжимает руки над его головой. Попу жжёт от ударов, и слёзы застилают глаза. Так обидно, что хочется отчаянно закричать маме «дура!», но вместо этого он кричит:

— Мама!.. Мама!!! Не надо!

— Последние деньги на твои лекарства потратила! Больше не буду тебя лечить! — Мама нависает над мальчиком и бьёт сильнее. Будто с цепи сорвалась.

— ...льше не у..уду, — плачет Алёша, — не..уду...

А мама хлещет ремнём и тоже плачет.

— Вот тебе! Вот тебе! Будешь знать, как шапку забывать!

2018 г.

В БОЛЬНИЦЕ

У мамы просторная палата. И кровать на колёсиках с опускающейся спинкой. Это просто отделение такое. Для тяжелобольных.

У мамы две соседки. Но, в отличие от неё, они ходят. Одна пенсионерка, тётя Танзиля, с короткими крашенными в ярко-зелёный волосами. Мама про таких всегда говорила: «сзади пионерка, спереди пенсионерка».

Тётя Танзиля мне предлагает чай и конфеты. Для неё операция — обычное дело. Это её второй раз, поэтому она не волнуется. Да и опухоль совсем маленькая, находится возле уха.

— Ухо, правда, давно уже не слышит, — признаётся Танзиля-апа. — Ну да ничего, переживу. У меня недавно вон двое внуков родилось...

Потом мы все вместе смотрели их фотографии на телефоне.

Маме тоже хотелось чем-нибудь похвастаться, но внуков у неё ещё не было. Поэтому она сказала:

— А моя дочка — музыкант! На фортепиано играет, недавно они в конкурсе участвовали...

И всё это время я не знала, куда себя деть. Тётя Танзиля, конечно, тут же забросала меня вопросами. Но внезапно пришла их вторая соседка, Валерия, и внимание переключилось на неё. Валерия приехала из латышской деревни, находящейся на севере Башкирии. У неё красивая фамилия «Боже», и они с мамой спорят, куда надо ставить ударение. Сама Валерия тоже красивая: длинные белые волосы, почти до колен — когда она их расчесывает, напоминает Рапунцель.

Рапунцель целыми днями читает книжки. Но в палате вечно стоит болтовня, поэтому она подолгу не перелистывает страницы — в итоге книжка оказывается под подушкой.

Иногда Валерия устаёт от «старушечьих» разговоров и выходит в коридор. Тогда из палат выскакивают мужчины. Угощают конфетами и пытаются перебраться с ней хотя бы словечком. У Валерии здесь нет ровесниц. Иногда приходит поболтать медбрат Костя. И когда они смеются, прислонившись к стойке регистрации, старая врачиха с завистью шепчет: «вертихвостка!»

Иногда к Валерии приходит жених. Он появляется редко — много работает. Но если приходит, то всегда с цветами и фруктами.

— Завидного жениха отхватила! — говорит Танзиля-апа. — Уфимский?

Рапунцель кивает и загадочно улыбается.

Костику её жених не нравится.

— У этого типа уже лысина на свет пробивается, — говорит он, а сам за яблоки, растущие через дорогу, просит меня о нём разузнать.

Когда я болтаю с Костилом, мой голос дрожит. Наверное, я не привыкла говорить с мужчинами. Не знаю, куда деть взгляд, как вообще смотреть ему в глаза.

В палатах мест нет, и я сплю на каталке в коридоре. Ночью свет в больнице приглушают, но это всё равно мешает спать. Иногда я прислушиваюсь к тому, что происходит в палате. Маме в последнее время колотит обезболивающее, поэтому по ночам она крепко спит.

Сегодня я просыпаюсь от шарканья тапочек по скользкому больничному кафелю. На подоконнике в одной сорочке сидит Рапунцель. Раскрыв окно, она курит и жметесь в махровый халат на два размера больше. Она не похожа на принцессу, ско-

рее на шуплого нескладного подростка. Шапочка прикрывает подстриженную голову, и лицо её вдруг побледнело, стало некрасивым, резко выступили скулы.

— Не спится? — срывающимся голосом спрашивает она.

Мы впервые так разговариваем.

— А ты? Волнуешься перед завтрашней операцией?

— Вроде того. Хочу увидеть рассвет.

— Долго ещё ждать.

— Я потерплю.

— Ты знаешь, — мне хочется её утешить, — волосы ведь отрастут.

— Я раньше никогда не стриглась, — ответила Валерия.

Мы очень долго смотрим в окно. Там ничего нет. Ни звёзд, ни луны.

Только ночь да очертания нелепо воткнутой в землю коряг. От такой унылости сразу захотелось спать.

Я возвращаюсь на свою каталку. Сквозь сон мерещится призрак Валерии. Под утро слышится топанье толстой медсестры. Она заглядывает в палату.

— А где белобрысая? — спрашивает. — Ей уже пора.

— Вышла вроде куда-то, — отвечает Танзиля-апа.

— Так она давно уже вышла, — замечает мама.

— Вот дура! Её хирург ждёт, а она шляется по коридорам.

Но Валерию не нашли ни в коридорах, ни в гостиной. Она словно под землю провалилась. Охранники чесали затылки и клялись, что не видели ночью никого.

Уход Валерии всех поразил. Врачи еще целый день бегали по коридору, что-то кричали и разбирались. Заходила даже заведующая отделением.

Вечером зашел хирург.

— Ну, всё, завтра ждем вас на операцию, — говорит маме, посмеиваясь. — Надеюсь, вы-то от нас не убежите.

Я стала собираться домой. Мама считала, что из-за неё мне не нужно пропускать школу. Мне на смену приезжает тётя.

Дома меня ждала наша кошка. Только я подошла к двери, как она начала истошно кричать. Наверное, она не понимала, почему все её вдруг покинули. Я наложила ей корм, а сама заварила лапшу быстрого приготовления. Зачем варить целую кастрюлю для себя одной?

Вечером в дверь позвонили. Это пришла учительница по фортепиано. Маленькая, полненькая и рыжеволосая. Казалось, что она попала в дом великанов.

— Я у тебя поживу, пока мама в больнице, — сказала она.

Учительница разложила вещи, попросила вешалки, чтобы повесить платья. Потом мы принялись готовить.

— Где у вас сковородка? — спросила меня.

— На верхней полке.

Верхняя полка под самым потолком. Её короткая пухлая рука туда никак не может дотянуться.

Я достала сковородку и подала ей.

Обычно мама звала меня готовить. А мне не нравилось оставлять представление, которое так тщательно выстраивалось в моей голове целый вечер. Но звенящий голос мамы снова и снова вытаскивал из книжного мира и заставлял погрузиться в рутину.

Мы всегда страшно ругались во время готовки. Доходило до криков и хлопанья дверью. У нас с мамой руки похожие, как две капли воды. Но вот ведут себя совершенно по-разному. Наблюдая за моими неуклюжими движениями, мама не могла скрыть раздражение.

— Ат башы кебек, — говорила она, что означало: «У тебя вак-беляш как лошадиная голова».

И режу я не так, и леплю не так, и мука разлетается из-под рук по всей кухне. Я всегда была её полной противоположностью. Первые три года жизни у бабушки и дедушки сильно сказались на мне. И не перевоспитать. Я ничего не умела делать руками и вечно нарушала привычный порядок жизни моей педантичной и рассудительной мамы.

Пока учительница ставила кастрюлю с курицей на плиту, я помогала с нарезкой. Потом она разогрела сковородку.

— Зачем? — поинтересовалась я.

— Чтобы потушить ингредиенты для супа.

— Потушить?

— Так надо. Ты с мамой никогда не готовила суп? Я задумалась.

— Готовила. Только мы не тушим. И мясо из супа убираем. Давайте хотя бы мясо уберем. Ну, пожалуйста.

Учительница согласилась.

— Ты только утром моё пальто с вешалки сними. А то я сама не достану.

Конечно же, я забыла.

На следующий день мы поехали в больницу.

Я не узнала маму. Исчезли мягкие кудри, лысую голову покрывала повязка в форме шапки. Левый глаз был полузакрыт — бирюзовый зрачок заволокла серая пелена, а правый — покраснел и распух.

Я приблизилась к маме. Мне вдруг стало страшно. Вдруг это уже не моя мама? Вдруг она всё забыла?

— Мама, — говорю я.

Она мне кивает.

— Ты меня узнаешь?

— Да. — Пересохшие губы еле шевелятся.

— Кто я?

— Дочь.
 — Сколько мне лет? — Я еле сдерживаюсь. Нельзя плакать при маме. Нельзя её расстраивать.
 — Тринадцать.
 — Знаешь, мама, — говорю, отвернувшись. — У нас вчера была контрольная по математике. Я получила пятёрку. Ты рада, мам?

Краем глаза смотрю на маму. Уголок её губы ползл вверх.

— Гузель Хусаиновна сказала, что возьмет меня на конкурс. Дома всё хорошо. На обед готовили борщ. Но с твоим никогда не сравнится...

2019 г.

Артём ПОПОВ

Блажной

Рассказ

1

Николай Порядин остался без работы. Другой бы на его месте расстроился, а он, наоборот, почувствовал необычайное облегчение, как будто с плеч скинул тяжёлый рюкзак. Родные и друзья заругались: «Ты сдурел? С такой должности ушёл!» Николай работал в Администрации района помощником Главы. Решил уволиться «по собственному», не дожидаясь, чтобы его «ушли». Избрали нового Главу, и Николай почувствовал, что надо первым сделать шаг. Иначе всё равно выдавят, поставят на хлебное место своего человечка.

Николаю стукнул сороковник. На висках давно изморозь, а в последний год, как листья с осенних деревьев, стали сыпаться волосы. Но он следил за собой, не наел пузца, хоть и сметал несчетное количество пирожков из столовки.

Старый Глава, с которым он работал, был жёстким и даже жестоким. Друзья, чтобы не называть лишней раз его фамилии (телефон могли прослушивать, переписку читать), придумали ему прозвище Зверев. Не в честь известного стилиста-парикмахера, а потому что нрав был «зверский».

Работать со Зверевым, мягко говоря, было тяжело. Когда он только пришёл к власти, убрал всех людей из команды прежнего Главы. Долго плакала начальник управления здравоохранения, мудрая пожилая тётка. Она прошла все ступени — от санитарки, выносившей горшки за стариками в онкологии, до главной за все больницы района. Уговоры не помогли оставить её на этой должности. Женщина не выдержала: через месяц появилась зарубка на сердце — «заработала» без работы инфаркт...

Зверев был какой-то несчастливый. В самый первый день, когда он официально вступил в должность, упавшая сосулька сделала ребёнка инвалидом. Знак был плохой. Эту трагедию удалось как-то замять, но вскоре новая беда: ночью старая деревяшка сошла со свай. Субботним утром Николай был в душе, а на диване надрывался телефон. Трель мобильного услышал из-за двери ванной. Не вытирая волос, Николая второпях схватил телефон.

— Ты глухой? Запихай телефон в задницу, если не слышишь! — Зверев был в гневе.

Снова пропали выходные: надо было расселять пострадавших. Казалось, Николай себе не принадлежал, он был в постоянном напряжении. Из дней слагались недели, месяцы и годы.

Когда звонила секретарша из приёмной, он каждый раз начинал нервничать: что ещё Зверев выкинет? Вдруг его уволят за какую-нибудь провинность? Но Зверев не увольнял, наоборот, приблизил Николая к себе, поручая самые сложные задания, потому что был уверен: Николай справится. В лепёшку расшибётся, промолчит, что не согласен, но задание выполнит.

Синдром отличника — Николай не мог поступить иначе. С первого класса был ответственным до болезненности: сразу после школы делал уроки и собирал портфель. От переживаний в первом классе заболел, участковый педиатр поставил диагноз «хронический гастрит». В старших классах домашние задания решал на несколько дней вперёд. А за красный диплом института заплатил язвой желудка.

При близости к главе Николай мог бы неплохо зарабатывать. Одного из замов прозвали Антон-пять тонн. «Тонн» — значит, миллионов получал за нужную закорючку в документах. А Николай, как сказали бы другие прожженные товарищи, тупил. Зарплата немаленькая, но и не такая, чтобы шиковать.

Николай начал откладывать, каждый месяц аккуратно в день зарплаты относил большую часть поллучки в банк, потому что знал: любая работа не вечная. Никто «золотой парашют» ему не выдаст, когда закончится время Зверева.

Со стороны казалось, что всё у Николая прекрасно: престижная работа, благодаря которой в кабинет главы района он входил чаще других, просторная двухкомнатная квартира в новом доме, скрытом за высоким железным забором от соседей-деревяшек.

Множество друзей и знакомых не давали скучать. Многие даже завидовали. Но... он оставался глубоко несчастным одиноким человеком. Ранний брак, когда молодожёнам было чуть за двадцать, распался через год. Родным они объяснили, что не сошлись характерами. Те, конечно, не поверили, и правильно: молодая загуляла с коллегой. Николай узнал и не простил.

В последнее время друзья советовали без конца: «Тебе срочно надо жениться». Срочно не получалось. Несрочно тоже...

Николай тяготился бытом. Квартиру мыл редко, готовить вообще не умел. Покупал перед закрытием в столовой ужин с пятидесятипроцентной скидкой. Столовая еда выжигала желудок. Тётка, работавшая всю жизнь в общепите, пугала: «Если бы ты видел, как мы готовим, есть бы ни в жисть не стал!»

Всё когда-нибудь заканчивается, закончилось и время Зверева. Николай стал свидетелем, как передаются ключи от власти — попросту ключи от кабинета Главы.

Последней каплей стали прихоти жёнущки нового Главы. Стервозная курящая дама из помощника решила сделать прислугу.

— Николай, купи козий сыр, маслины, сухого вина, только из Аргентины бери, а не как в тот раз — пить невозможно было... — диктовала она по телефону длинный список продуктов для очередной вечеринки начальства. В это время по параллельной линии звонил её муж, час назад он требовал подготовить доклад.

— Я вам не лакей! — крикнул он наглой жене, сам от себя такого не ожидая: прорвало.

Бросил трубку, встал, оделся и пошёл прочь из кабинета, из здания — куда глаза глядят. Глаза привели в качалку.

— Подстраивайся под нового шефа. Начальники везде одинаковы, — увещевал друг и одновременно тренер Андрюха.

Николай уже не хотел быть винтиком в маховике управленческой машины. Машина эта не сломается, а винтик выпадет — никто не заметит.

— Всё, надоело прогибаться, уезжаю в глушь, в деревню! — выпалил неожиданно для себя.

— Моя бабка сказала бы — блажной! — повертел у виска Андрюха.

— Буду дауншифтером. — Николай с трудом выговорил это слово и с грохотом отпустил груз на станке.

— Ты это... полегче. Разнесёшь тренажёрку. Даун... как там?

— Загугли.

Николай сам точно не знал, что это такое.

— Дауншифтинг с английского значит переключение автомобиля на более низкую передачу, а также замедление или ослабление какого-либо процесса, — медленно прочитал Андрюха текст из Википедии. — Термин, обозначающий человеческую философию жизни ради себя. Ничего не понял.

— Если честно, тоже не очень представляю. Поеду в деревню.

— Ты даже не блажной, а просто даун! — крикнул Андрюха уходящему в раздевалку другу.

Идея отправиться в деревню передохнуть и определиться, чего он хочет, возникла, конечно, не в качалке, а давно.

Николай любил деревню. Казалось, там он возвращается в счастливое детство, когда приезжал туда с родителями к бабушке, когда не было никаких проблем — он даже не знал, что это такое. Может, дети и есть истинные дауншифтеры?

Как-то в обеденный перерыв, вырвавшись в городской парк, который находился рядом со зданием Администрации, он уловил знакомые запахи. Прямо на газоне рос куст смородины с крупными, как виноград, ягодами — точь-в-точь как в их деревенском огороде, выходившем к речке Меньше. А смородину догоняла крапива. Но откуда в центре современного города взялись эти деревенские жители — непонятно.

Со стороны, наверное, это выглядело смешно: мужчина в строгом дорогом костюме и галстук быстро, чтобы, не дай бог, не увидели знакомые, сорвал листок смородины, растёр его на пальцах... Запахи уносили в детство, к бабушке. С тех пор этот уголок деревни в городе стал его любимым. Когда было совсем невмоготу, он, как наркоман, шёл к смородине и крапиве.

Дома купил электрический камин со звуком трещавших поленьев, на стенах повесил деревенские пейзажи.

За годы работы денег скопилось достаточно, чтобы жить только на проценты от банковского вклада. Скромно, по минимуму, но на еду, тем более в деревне, должно хватить. Почему бы не исполнить свою мечту — вернуться в детство?

После увольнения трудовую книжку положил на дно шкапулки с документами — на всякий случай. Наступало лето, и он успокаивал себя тем, что просто поедет в деревню как бы в отпуск, а потом — будь что будет.

2

Деревня Загарье открылась взгляду сразу, как только шустрое такси спустилось с горушки. Как-то неожиданно резко, из-за поворота. Минута — и вот она, родная деревня, вся как на ладонке.

Место светлое, открыто небесному оку. Последние десятилетия поля нещадно заросли осиной, ивняком. За ними — чёрные от времени и печали избы.

Кажется, даже в пасмурную погоду здесь солнечно. Деревня на пригорке, дома — вниз к речке Меньше. Сколько времени Николай с пацанами проводил здесь!

Такси остановилось, и к машине подбежала — не подлетела! — трясогузка. Эта птица боится людей, а тут крутится у ног, словно собачка. Радует! Чудо! Будто это кто-то из родных... Бабушкина душа встре-

чает! Только в таком вот обличье — хлопотливой приветливой трясогузки. Бабушки нет уже тридцать лет. Некому обнять.

Николай подошёл к родному дому, прислонился к нагретым солнцем бревнам, как к родному человеку, и почувствовал успокаивающее тепло старого дерева.

Тишина давила на уши. А воздух травяной, насыщенный — руби его и ешь.

Бегло посмотрел на дом: электрические провода обрезаны. После дороги захотелось перекусить, но попить чайку, видно, не получится.

— Коля, ты, что ли? — издали крикнула полная женщина. — А я думаю, чего это всё утро Муська умывается — гостенька, оказывается, намывала!

Николай сразу узнал тётю Зину, дальнюю родственницу. Она была в мужской длинной рубашке, в чёрном трико с пузырями на коленях. Только соломенная шляпка придавала женственности и даже выглядела кокетливо.

— Сколько не виделись! Поседел-то! Давай к нам. Ключи от вашего дома у нас. — Странно, но Николай совсем забыл про ключи.

Шли заросшей деревней. Начало июня, а трава чуть не по пояс — будто плыли по зелёному морю. Николай не узнавал присевшие к земле дома с провалившимися крышами. Части стен выпилены, будто вырезаны почки или печень у человека.

— Да, вот так. А чего? Стоят, гниют... Попилили малость на дрова. — Тётя Зина перехватила его удивлённый взгляд. — Трактор Сашка никак не может отремонтировать, на лошади много дров из леса не привезёшь.

Сашка — муж тёти Зины. Спокойный, без единой седой волосинки, с сильными ручищами. При рукопожатии у Николая каждый раз хрустели пальцы. Тётя Зина и дядя Саша, было дело, расходились, каждый жил с новой семьёй лет десять, но ближе к пенсии снова соединились. Любовь!

Родственников можно назвать фермерами: в их хозяйстве и лошадь, и трактор. Кроме них, в Загарье ещё пять стариков оставались доживать свой век: Клавка, Мишка, Петруша и Вовка со Светкой.

У первых троих имелись, как полагается в деревне, прозвища. Клавку называли Высевленкой: перед московской Олимпиадой её как неблагонадежный элемент выселили из столицы. Разгульную жизнь там вела, а деревенские говорили по-своему: слаба на передок. Приехала двадцатилетней девушкой, а теперь уж старуха.

Рисованный, то есть Михаил, появился в деревне тоже в брежневские времена. Прозвище говорящее: руки, грудь — всё в татуировках. Михаил сидел за наркотики. Татуировки со временем почти стерлись, от русалок и цепей осталась одна синева.

Петруша — ближайший сосед к дому. Был похож на советского актёра Савелия Крамарова. Только нос в сторону смотрел: кто-то крепко надавал, а срослось криво. Петрушу называли Бараном ещё со школы. Почему, понятно: учился плохо. После восьмилетки стал работать скотником. Ума много не надо навоз на ферме отгребать или пастушить совхозное стадо.

Приличным казался один Вовка: в совхозе работал механизатором. Жена несколько лет назад умерла, дети разъехались в города, а одному мужику тяжело в деревне. Оставалась свободной только Светка. В детстве Светка обычную школу не смогла закончить, и её отдали в городе в спецшколу для дуриков. Потом была на ферме дояркой. Домашнее хозяйство она вела исправно.

И тётя Зина с дядей Сашей — вот и вся деревня.

В доме у родственников ничего не изменилось. Тётя Зина засуетилась на кухне. Чёрная сковорода на газовой плитке зашкворчала, запахло мясом.

— Дом проведать приехал? — Накрывая на стол, тётя Зина между делом проводила «разведку».

— Нет, пожить.

— Пожи-ить? — протянул дядя Саша.

— А чего, и правильно! — неожиданно поддержала тётя Зина.

— На что жить-то будешь? Семь на восемь, — беспокойно посмотрел дядька. Он всегда добавлял к месту и не к месту эту присловицу.

— Заработал, поди, в городе. Говорят, с Главой работал, — защищала тётя Зина.

— Работал... — ответил так, будто это было давно и неправда.

Дядя Саша налил мутного самогона, тётка достала из голбца¹ трёхлитровую банку огурцов. Рассол был такой же беловатый, как и самогон, а сами огурцы покрылись серой плёнкой.

— Хоть и прошлогоднего урожая, а хрустящие. Свежие-то ещё не выросли. Сейчас сполосну. — Тётка оправдывалась за не совсем симпатичные огурцы.

— А что, москвичи тут приезжали охотиться, дак спрашивали в деревне мутный самогон и плесневелые огурцы, — хохотнул дядя Саша. — Надоело им, видать, свою сивуху пить, коньяки да виски.

— Ну, за приезд! — предложил Николай.

Родственники говорили о нехитром житье-бытье. Автолавка, бывает, не каждую неделю ездит, без хлеба оставляет. Светка пыталась дядьку Сашу спойть, когда тётя Зина загремела в больницу с давлением...

Николая с четвёртой стопки сморило. К родному дому он в первый день так больше и не сходил. Прикорнул на диванчике, не раздеваясь.

¹ Голбец — подвал.

«Надо держаться родственников, — успел подумать, засыпая. — Хорошие они, как старосветские помещики».

3

Николай, как в далёком детстве, проснулся от громкого «ку-ка-ре-ку», а не от крика соседей в квартире за стенкой: «Ярик, вставай! ЯРИК!». Живя в своей городской квартире, Николай знал, как зовут соседского ребёнка, с чего начинаются семейные скандалы и чем заканчиваются — сладкими стонами. Слышимость в пятиэтажке как в спичечном коробке. Это невольное подслушивание всегда раздражало.

Желудок жгло, не надо было вчера пить много амогона.

Из кухни доносились аппетитные запахи.

— Выспался? Давай холодяжкой на улице ополоснись и за стол, — хлопотала тётя Зина.

На улице Кукла — хозяйская собака — уже не лаяла, как вчера, приняла за своего.

— Ух, хорошо! Ополоснулся водой из колодца и как заново родился.

На сковороде — огромное яйцо с желтком-солнцем.

— У вас что, куры-мутанты?

— Здорово! Это индюшиное, там белка больше, — зашёл в дом дядя Саша. — Держим вот десяток индюков.

Чай пили вприкуску с черносмородиновым желе. Такого вкусного и калорийного завтрака в городе никогда не было. Все-таки тётя Зина классная повариха!

— Спасибо большое! Пойду к дому. Надо обжигаться.

— Ой, да как там жить-то будешь? Оставайся у нас!

— Приду на обед.

Погода радовала, всё было в сочной зелени, режущей глаза: такая бывает только в самом начале лета. Пикировали над самой головой ласточки. Пока Николай шёл к дому, вспомнил случай с птичкой. Ему было годика три. На матросскую бескозырку, которую подарил сосед дядя Лёня, села маленькая птичка. Он пошёл — птаха сидит, не улетает. Наверное, решила на мальчике проехаться. Бабушка, увидев, улыбнулась и сказала тихо: «Божий знак!»

...Вот и родной дом. Старый заржавевший замок легко поддался, будто его каждый день открывали. А в дом не заходили лет десять, не меньше.

Николай сразу всё вспомнил. Половички, простенькие розоватые обои в цветочек, белые шторы до половины окна. Kleёнка на круглом столе, много раз порезанная ножом. Железные кровати с горкой

подушек. Вот на этой кровати у окна спал маленький Коля.

Сколько он так простоял на пороге — неизвестно. Время замерло, спешить никуда не надо.

Затопалась на крыльце тётя Зина, из-за её плеча выглядывал дядя Саша.

— Чего задумался? Пол, смотри, какой покатый. Печка вроде стоит, не потрескалась. Надо посмотреть на чердаке столб, не повело ли. А так ничё, жить можно, — успокоил дядя Саша.

— «Ничё», — передразнила тётка. — Угол протёк, все обои отошли. Наверное, на крыше дыра.

— Точно, глазастая! Семь на восемь!

На чердаке дядька обнаружил треснувшие стропила и сломанный шифер. Зато кирпичный столб обрадовал: без трещин. Значит, топить печку можно.

— Надо менять стропила, шифер. В копеечку влетит! — почесал затылок дядя Саша.

— Ну, что делать. Затопим печь? — попросил помочь Николай.

Нашли сухих берёзовых дров, подрали берёсты. Зажгли... Дым повалил в комнату. Стали открывать окна — треснуло стекло перекосившейся рамы. Дым выедал глаза. Вышли с дядей Сашей на крыльцо.

— Не пускает барабашка, — вытирая слёзы чёрными от сажи руками, предположил дядя Саша.

— Сиди давай, барабашка. Вы хоть помолились, прежде чем топить? У бабушки твоей большая икона в кути¹ стоит, — прошептала тётя Зина.

Точно, вспомнил Николай. Оклад большой иконы был цвета охры, а лики трёх святых совсем маленькие, хоть через лупу рассматривай. В детстве ему казалось, что вокруг золото. Потом уже понял, что это простая фольга. Николай, пригибаясь к полу, прошёл в куть. «Святая Троица» была на месте.

— Господи, помоги затопить печь! Бабушка, дедушка, помогите, родненькие!

Закашлялся и выбежал из избы.

Вторая попытка удалась. Не сразу, но дым покинул избу. И появился запах обжитого.

4

В первую ночь дома уснул не сразу, хотя вымотался с приборкой избы. Мышки оставили следы везде и всюду. Подушки и матрасы прокалил на солнце, просушил хорошенько. Сбежал несколько раз на Меньшу за водой, вымыл пол.

Засыпал, и всё ему казалось, что кто-то говорит в кути и на повети². Мужской и женский голоса. Николай вжался в кровать, закрыл глаза.

...В детстве, когда просыпался, видел избу в узорах. Оказывается, на личике лежала кружевная белая

¹ Куть — кухня.

² Поветь — сеновал.

накидка. Сквозь дырочки и смотрел. Как в любой деревенской избе, здесь было много мух. Чтобы они не щекотали лицо и не будили раньше времени, спасала сшитая бабушкой накидка. Со стороны выглядело, наверное, смешно: укрыт, словно ценный предмет.

На стене висела репродукция картины Васнецова «Алёнушка». В детстве он долго смотрел на босоногую бедную девушку, на серые камни и начинал плакать: так было её жалко! На хныканье первой пришла бабушка...

Николай проснулся и увидел ту же «Алёнушку», выцветшую за долгие годы. Мечта исполнилась — вернулся в детство.

Отправившись к родственникам, к дверям поставил батожок, как раньше делала бабушка. Замок остался в комнате.

По пути встретил Рисованного с Клавкой.

— Чего это, мил человек, к нам не заходишь? Брезгуешь деревенскими? — дыхнул перегаром Рисованный.

— Дядя Миша, давай в другой раз!

После обеда вернулся домой, сел на крыльце, широко по-хозяйски расставив ноги. Тихо в деревне. Журчит Меньша. Кажется, Кукла пролаяла. И снова — ни-че-го... Только далёкий гул и белый шлейф самолёта.

Он часто летал в самолётах, но никогда не задумывался, где пролетает, над какими городами-деревнями. А сейчас как дурак задрал голову и смотрел, пока не потемнело в глазах.

Мобильная связь была только в верхней части деревни, у старой лиственницы. Она, словно антенна, притягивала волны, и появлялись одна-две «палочки» на экране мобильного. Но звонить никому не хотелось. «Жить только для себя, забыл, что хотел?»

Надо было ехать в город, чтобы подключить электричество в дом. Без плитки не готовить еды, да и белые ночи через месяц заканчивались. И мобильный не подзарядить, не говоря уже о телевизоре. А пока он нашёл старую лампу, попросил у дяди Саши керосина.

— Ты бы ещё лучину зажёл! — навестила вечером тётка.

Ещё не давала покоя протекающая крыша, тазики на чердаке в первый же дождь мгновенно наполнились водой.

В селе, что в десяти километрах от Загарья, работала пилорама. Её хозяин, азербайджанец Тофик, говорят, работникам платил едой и выпивкой. Николай не пожалел и купил хороших досок на новые стропила, а вот шифера не было.

— Так у нас все баннерами крыши кроют, — предложили ему местные.

Точно, на крышах бань и хозяйственных построек были видны рекламные растяжки, которые отслу-

жили своё в городе, а деревенские ими перекрыли крыши. Продавали из расчёта за квадратный метр. Николай тоже купил: выхода не было.

Работники приехали быстро — Николай пообещал большие деньги. Нельзя было дожидаться сильного дождя. Старые стропила разобрали, шифер скидывали на землю, он с треском разламывался. Звук пилы, стук молотков — кажется, жизнь вернулась в деревню. Когда здесь кто-то строился последний раз?

— Делайте на совесть, — просил мужиков Николай.

Денег строители запросили много, чуть ли не больше, чем зарабатывал помощником главы района сам Николай.

Когда покрыли крышу баннерами, на лицевой стороне оказалась реклама окорочков и стильных кухонь — так крупно, что, казалось, их можно было разглядеть с самолётов, лети они ниже.

Крышу закрыли за два дня — дом стал самым ярким в деревне. Отметили это событие с родственниками, пришли и Клавка с Рисованным. Застолье длилось тоже два дня.

— Лешаки! — Тётка ругалась и принимала таблетки от давления.

Николай утром чувствовал тягучую, противную боль в желудке. Надо было выходить из запоя.

5

С подключением электричества оказалось во сто крат сложнее, чем с ремонтом крыши.

Пришлось ехать в райцентр. Контору энергетиков Николай нашёл не сразу. Длинная очередь к единственному окошечку. С его-то ростом пришлось наклониться — такая униженная поза.

— Хотелось электричество к дому подключить в Загарье.

— Паспорт, документы на дом, — отчеканила девица из окошка.

Николай только сейчас понял, что документов-то на дом у него нет. Да, бабушка написала дарственную, но где она сейчас...

— Постоите, а зачем вам документы на дом? — вдруг осенило Николая. — Какая разница, в какой дом я хочу провести электричество? Плачу деньги: и вашей организации хорошо, и мне светло.

— Документы на право собственности, — уныло повторила девица.

Вместо того, чтобы придумать очередной аргумент, он рассматривал крупную чёрную родинку у носа девицы.

— Не задерживайте очередь! — напирала в хвосте старики-просители.

— Да вся деревня докажет, что это наш дом! Дед рубил, мать родилась в нём! — Николая затрясло от этого равнодушия и глупости.

— Деревня! — презрительно произнесла родинка. — Следующий!

Бумерангом вернулась его чиновничья работа: сколько раз он готовил решения с отказом из-за того, что не хватает какой-то одной бумажки.

Хотелось вытащить из окошка эту девицу за волосы. Но он отошёл.

Один толк был от поездки в город — посидел в Интернете, проверил электронную почту — впервые за неделю. Посмотрел, что за авиатрассы проходят над родным Загарьем.

Ничего себе! Над деревней, оказывается, пролегают линии «Париж — Токио» и ещё в китайские города-миллионники летят аэробусы. Сонные пассажиры, наверное, нажимают кнопки суперсовременных айфонов, а в это самое время десятью километрами ниже загарцы разжигают берёстой печи. Вот если б с каждого китайца, нарушающего тишину деревушки, брать несколько юаней за пролёт, то... Можно было бы отремонтировать клуб, отстроить заново ферму, зерноток! Грустная шутка.

В деревню Николай вернулся с дорогим коньяком, закусью, конфетами. Пошёл к Вовке — представляться, Светке конфет вывалил на стол. Вовка был не только механиком, но и мастером по электрической части. После бутылки коньяка взяли самую длинную лестницу в деревне, забрались на столб и подключили дом к электричеству.

— Зачем ездил в город? Сказал бы мне сразу. Всего и делов-то на пять минут, — травой оттирал руки Вовка. — Мишке с Клавкой я давно так провёл. Раз в год электрики проверяют, так я отключаю — знаю, когда они ездят, свояк предупреждает из ихней конторы.

6

Троица в этом году выдалась поздняя — зашла в июнь. Почти всей деревней загарцы отправились на кладбище в соседнее село. Троица — повод не только навестить усопших, прибраться на могилках, но и повидаться с родными, что раз в год приезжают из городов.

Николай ещё накануне почистил могилку бабушки и дедушки, убрал всю траву, серебрянкой обновил оградку.

Кладбище было на краю поля, и вид открывался привольный, светлый. На Николая косились приезжие, но он никого не узнавал. Шептались, лицо горело огнём.

— Да, он в их породу, видишь, ямка на подбородке, как у деда. — Какой-то старик, не скрывая, рассматривал Николая.

На кладбище много памятников с одной фамилией. Старые могилки заросли, фотокарточки на крестах выгорели. От некоторых остался только хол-

мик. Рядом с бабушкой и дедушкой была похоронена семейная пара из соседней деревни. Их горькую историю Николай помнил ещё по рассказу бабушки: «Быки их забодали, а детей малых никто из родных не взял — побоялись. В детдом отдали».

— Вот бы здесь меня похоронили, с видом на поле и дорогу. Красота! — вырвалось после третьей стопки и лёгкой закуски огурчиком и помидоркой.

— Тьфу, сплюнь! — заругалась тётя Зина.

Николай не помнил, как оказался в тот день дома: так набрался в Троицу.

7

Дни в деревне проносились бесцельно, ничем не запоминаясь. Днём сжирали оводы, ночью — комары. Поутру ходил на рыбалку. Ловил как в детстве: в пластиковой крышке трехлитровой банки делал прорезь, засыпал туда хлеб. Привязывал банку и ждал. Рыба заходила в банку да там и оставалась. Вот такой бескровный метод. Правда, попадались только пещари и хариусы. Но две кошки тётя Зины и этому улову были рады.

— Ты бы хоть кур завёл, что ли? Делом займешься, — сказала тётя Зина как-то, когда Николай поедал очередную утреннюю яичницу. — Давай цыплят дам?

Тётка держала в доме большой ящик, в котором под старой настольной лампой вечно пищали жёлтые комочки.

— Птичку жалко. — Николай попытался отшутиться. Это же надо их чем-то каждый день кормить. А вдруг привяжется к этим курам-дурам? Не такие они и глупые. Вон, ходят за тёткой по пятам, как кошки или собаки. Как их потом топором по шее?..

Нет, лучше он даст денег побольше родственникам на свое питание, но никаких животин заводить не будет. А деньги, накопленные за время работы, постепенно растворялись.

Николай мучился от безделья. Всмотривался в зелёный зубец леса, который уже близко подступал к деревне. Вид на поле за деревней не радовал — почти всё заросло осиною да ивой. Чем-то походило на щетину: к лесу деревца-волоски все чаще, к деревне — реже. Само поле было необычной формы — как яйцо, но всегда давало отменный урожай. В дождливое лето лишняя вода стекала, в жаркое тоже без хлеба не оставались крестьяне.

— Да, всё заросло. — Дядька присел с сигаретой. — А ведь твой дед первым это поле и вспахал на колёснике¹.

Николая называли в честь деда. Хотя это плохой знак — называть в честь умерших родственников.

¹ Колёсник — первый колёсный трактор.

Николай слышал от мамы, что дедушка был уважаемым в деревне человеком — первым трактористом. Бабки крестились, когда шумный четырёхколёсник на своём ходу прикатил в Загарье. Позже и сосед Егорша выучился на тракториста.

— Коля ругался, когда Егорша пахал мелко, что бы быстрее поле вспахать. Всё правды искал у председателя колхоза, — продолжил дядя Саша. — Я мальцом был, но помню твоего деда. Крутой, сказали бы сейчас. Вот и ухайдакался раньше времени. Хорошо, что он этого безобразия не видит.

— А давно поле запустили? Выращивали бы какое зерно для кур и индюков? — предложил Николай.

— После девяносто третьего года не пахали. Совхоз закрыли, технику раздали. Мне вот достался старенький «Беларус» года выпуска московской Олимпиады... Не-е, невыгодно заниматься фермерством, мы сто раз просчитали. Если бы доча из городской столовки задарма объедки не возила, не стали бы никого держать, — признался дядя Саша.

Вечером Николай долго ворочался, противно скрипела металлическая сетка. Ночью приснилось, как мальцом он едет в кабине трактора. Трактор был гусеничный, рычагами управлял Вовка, тогда ещё молодой, резвый... Городскому мальчишке трактор казался танком, а тракторист — самым сильным и мужественным на свете. Телегу зерна ссыпали на току в огромную воронку. Пацанам запрещали туда прыгать, мало ли что случится, но они оставляли свои шлёпанцы и купались в зернах пшеницы, в этом золотом море...

Утром Николай проснулся с мыслью: надо привести в порядок поле, вырубить выросший сорный лес. В тот же день отправился в город, купил японскую бензопилу. Радостный, в предвкушении чего-то важного, может быть, самого важного в своей жизни, пришёл к родственникам.

— Ты это чего удумал? — Тётя Зина уловила настроение Николая.

— Завтра на поле выхожу.

— Пахать? — скривился в улыбке дядька.

— Нет, сеять, — подыграл Николай. — Буду лес убирать. Поможете?

Дядька промолчал.

— Да зачем тебе это надо? Всё равно не пахать уже тут. Никому... — Тётка тоже словно прикусила язык.

— Значит, не можете?

— И тебе не советуем. Блажь это! — Дядька вышел покурить.

Николай в ту ночь так и не уснул. С утра, пока ещё солнце не палило, он взял воды, бензина, масла, закинул пилу на плечо и отправился на поле.

Завёл пилу, она шумела тихо, надёжно. Появилась уверенность, что всё получится. Осины пада-

ли, как тонкие сорняки. Первая, пятая, десятая... Устал, спина мокрая. Оводы, кажется, впивались до кости. Николай посмотрел вокруг: сколько ещё деревьев! И одной сотой не убрал, а руки предательски дрожали. Только кузнечики немного успокоили. Он лёг на траву, лицо щекотали ромашки и пахучая кашка.

Услышал, как кто-то идёт. Петруша! Вот кого он никак не ожидал. В руках — топор, перчатки.

— Ну что, дровосек? Даже рукавицы не надел, — улыбался Петруша. — Хорошая у тебя техника, паря, но один не управисься.

Вести в деревне разносились быстро: Николай решил поле чистить.

Петруша — ну какой он Баран? — стал рубить крупные ветки, ставить в шалашики.

— Так просохнет быстрее, — пояснил Николаю. — А осенью запалим.

Стали работать на пару. К обеду подошёл дядя Саша.

— Ну, Петруша, ты-то чего припёрся? Этот, видишь, блажной, а ты, может, денег хочешь срубить?

— Да я так, ничего. Помочь мужику... — оторопел Петруша.

— Лады. Пообедаем — и я подмогну! — пообещал дядя Саша.

Работа пошла шустрее. Вечером тётя Зина натопила баньку, перестала зудеть от укусов спина.

Наутро страшно ныли руки и ноги, Николай никуда не хотел идти. Он ещё лежал в кровати, когда в оконное стекло громко постучали. К самому стеклу прислонился кривой нос Петруши. Сосед пытался через тюль рассмотреть комнату, приложив руки к окну.

— Ты чего? — в трусах открыл дверь Николай.

— Дак это... Робить-то пойдём? — Петруша смотрел своими детскими глазами прямо в упор.

— Конечно! Сейчас, я быстро!

Чуть позже подошёл дядя Саша — стали работать втроем. К обеду увидели и Вовку: не выдержал, пришёл посмотреть, чего это там мужики делают.

— А вот Загарье так и назвали, что за гарью. Наши старики пожгли лес, разработали поле, а потом здесь и деревню поставили, — рассуждал Вовка, перекатывая травинку на губах.

— Давай не мели, лучше делом помоги! — ответил дядя Саша, не поворачиваясь.

— А чего, я могу!

И через полчаса Вовка пришёл со своей пилой «Дружбой».

— Ну, с тебя «беленькая» и закусон, — не терпящим возражения тоном сказал Вовка, когда присели передохнуть.

Николай давно думал, как отблагодарить мужиков.

— Налью всем и каждому, когда уберём всё поле!

— Ты как наш бригадир Коля Красный. Он тоже в страду не давал напиваться мужикам: в магазине Соньке запрещал алкоголь продавать, — вспомнил Петруша. — Царствие Небесное Коле, хороший мужик был, справедливый! Трактором гусеничным раздавило, когда пьяный Толяха задний ход врубил.

Эти перекуры с мужиками были тоже в радость, как и сама физическая работа, которая приносила ему такое несравненное удовольствие, какое он никогда не испытывал, будучи помощником Главы.

На третий день затея с расчисткой поля уже казалась абсурдной, но Николай привык всё доводить до конца. «Сделал дело — гуляй смело», — так говорила бабушка. Сейчас она глядела на внука со стены и, казалось, видела его насквозь. Портрет предков в рамке висел рядом с божницей: сурово смотрел дед из-под густых, «брежневских» бровей, у бабушки бросались в глаза длинные натруженные пальцы рук, покойно лежащие на белом передничке. «Они трудились, потом поливали это поле, и что, всё зря?» — задавал себе вопрос Николай.

По утрам он будил Петрушу, вместе шли к полю. Ждали Вовку с дядей Сашей. Потом было что-то вроде развода: прикидывали, сколько надо сделать и сколько останется. Поправляли шалашики, чтобы быстрее просыхали ветки, крупные стволы тащили в деревню на дрова. Было видно, что мужики истосковались по настоящей работе, привычной для них с детства.

Только Рисованный не присоединился к общему делу.

— А чего с него взять? Ненашенский он, — сплюнул Вовка.

Каждый раз, когда пролетали самолёты, мужики задирали вверх головы: хоть какое-то развлечение.

— Слушай, а вдруг самолёт сломается. Так это, на наше поле, как на аэродром, сядет, — сочинил Петруша.

Мужики заржали.

— А чего, помните, по телику показывали, как на кукурузное поле посадили самолет — все живы остались, — не отступал Петруша. — Николашка, тебе медаль-ордена дадут, что поле расчистил!

— Ну, у нас на поле не размахнуться этому лайнеру. Хотя кукуруза тоже росла. Хрущёв, дедко сказывал, заставил у нас кукурузу сажать на Севере, — вспомнил Вовка. — Только замёрзло всё тогда в июне: поздним утренником прихватило. Тогда и пшеницу не успели вырастить.

Дело двигалось. Одно плохо: по утрам у Николая предательски ныл желудок, он горстями пил «Нашпу», терпел. А когда становилось совсем невмоготу, шел за «обезболивающим» к Рисованному: у него всегда было что выпить покрепче.

«Вот вырубим всё, поеду в город, в больницу сдаваться». — Николай каждый раз отодвигал неприятную встречу с врачами.

8

Через неделю кончился бензин, да и деньги тоже. Оставалось совсем немного почистить ивовые заросли у дороги.

Николай решил позвонить другу Никите, с которым вместе учились в институте, сидели пять лет за одной партией. Их часто даже путали преподаватели за похожие начала имён. Это обижало обоих, каждый считал себя личностью. Но Никита оказался более успешен: открыл в Москве собственное дело, став генеральным директором. Стажировку проходил в Канаде, офис купил где-то на Старом Арбате. Красавица жена, двое детей. В общем, жизнь удалась.

Никита всегда звал Николая в Москву к себе.

— Чего я у тебя буду делать? Пепельницы вытряхивать? — отшучивался каждый раз Николай. — Я ни хрена не понимаю в твоей цифровой экономике.

— Ты знаешь, я тоже! — Никита улыбался отбеленными зубами.

Не хотел Николай идти на поклон к Москве, но ничего не поделаешь: пить-есть охота, да и поле надо доделать. «Возделай поле своё». Откуда эта фраза? И спросить в Интернете нет возможности.

У лиственницы в тот вечер мобильная связь не брала: наверное, из-за дождя с ветром. Пришлось ставить лестницу и забираться по веткам.

«Как обезьяна!» — оставалось только иронизировать над собой.

И вот послышались гудки.

— Привет, Москва! — первый прокричал Николай.

— Здорово! Ты в Москве? Наконец-то решился! Собралась тряпка! — Никита всегда подшучивал над Николаем.

— Нет, я в деревне. Можешь деньгами помочь? — Николай назвал сумму.

— В какой деревне? Камбоджийской? Тебя в заложники там взяли? — Никита старался показать весь свой юмор.

— Никитос, раз в жизни денег попросил — ты жрешь! Экономика рулит, дай неудачнику денег!

— Просто так не дам. Нужен проект, бизнес-план. Если ты в своей деревне откроешь заводик по производству бутилированной воды, а вода там у вас не как в Москве-реке, то, конечно, дам, и даже без процентов, — трещал Никита.

Николай, мокрый от дождя, сидел на лиственнице, и ему было совсем не смешно.

— Ну, как знаешь, — разозлился и прервал связь. Стал думать о том, как не упасть со скользких ступе-

нек шаткой лестницы. И тут в руке завибрировал мобильник: СМС-сообщение показывало, что на банковскую карту от Никиты пришла огромная сумма — в три раза больше той, что просил Николай. И следом ещё одно сообщение от Никиты: «Можешь не отдавать».

Одна ступенька лестницы под ногой треснула. Николай упал. Шишка не проходила долго: деньги просто так не даются.

9

Несколько ночей Николай просыпался от нестерпимой боли в желудке, от которой, кажется, отдавало в голову. Он уже порывался идти к тётке, чтобы та вызвала «скорую». Но дорогу развезло от зарядивших холодных дождей: нет, не поедут медики на своей «газели» в Загарье.

В середине августа начались утренники. У реки трава белела, а потом от солнца чернела. Первыми улетели трясогузки, потом ласточки. Стало тихо и пустынно.

— Дядя Саша, давай уже поджигать, — Николаю не терпелось увидеть то, ради чего он жил эти месяцы. Высохшие осинки должны были быстро сгореть, и поле окажется чистым, как в детстве.

— Не гоношись, успеем, — спокойно отвечал дядька. — Главное — деревню не спалить. Семь на восемь.

И вот сентябрьским утром после заморозка они начали жечь один шалашик за другим. Подсохшие

ветки и стволы занимались быстро. Дядя Саша не давал запалить сразу несколько шалашиков, чтобы огонь не перешел на траву. Пришлось несколько дней заниматься поджигательством, вся одежда, волосы пропахли дымом.

Каждый раз огонь завораживал.

— Человек может бесконечно смотреть на огонь и воду, — философствовал Николай.

— И на работающего человека. Семь на восемь. Пойдем к следующему шалашу, — отрезвил дядька.

— Идите домой, сам прослежу за костром, — отпустил Николай, почерневший от усталости и дыма.

К вечеру тётя Зина ждала в баню.

Николай поджжёт последний, самый большой шалашик из осин. Ну, вот и всё. Под рёбрами зажгло так, как когда-то давно, в молодости, когда впервые проявилась язва. Но только невыносимо сильнее... Николай прилёт на чёрную траву, поджал под себя ноги, как младенец, чтобы облегчить боль. В грязно-сером небе проносилась последняя стая гусей. Они летели так низко и медленно, что было слышно, как хлопают крылья. Николай почувствовал, как к горлу от желудка поднимается что-то тёплое. Через мгновение во рту ощутил металлический привкус: кровь. И он не мог удержать её. Голова закружилась, он повернулся на живот. Николай понял, что никогда уже не уйдёт с этой земли. Уткнувшись носом в траву, вдохнул глубже её сладкий прелый запах и замер.

В небе догонял родную стаю последний гусь, птицы вместе летели туда, где всегда тепло и хорошо...

ПОЭЗИЯ

Марина ВОЛКОВА

Триптих

«Моя Россия. Взгляд сквозь время».

I

13 ИЮЛЯ 1826 ГОДА.

МОНОЛОГ С. МУРАВЬЁВА-АПОСТОЛА

Душа моя! Тоскуя в казематах,
Я чувствую мучительную близость
С безумным и прекрасным этим миром.
Не хочется, поверишь, умирать.
Всех принципов моих сломались латы.
Так жизнь любить — отвага или низость?
Так мир любить — и уж не быть кумиром,
Под знамя за тобой не встанет рать.

А я мечтал, что встанет вся Россия,
Что воссияет Солнце Правды скоро,
Что вольности великие идеи
Подарят нам другие времена.
И вот лежу, повержен и бессилён.
Восставшие — сегодня мародёры,
Мздоимцы, пустозвоны да злодеи.
Растоптаны Свободы знаменá.

Мне снился змей клубок. Схватил не глядя,
Смотрю — в руках пеньковая верёвка,
И призраков знакомых силуэты
Печально проплывают над Невой.
Мы завтра выйдем, словно на параде,
На эшафот взойдём легко и ловко...
...Какое же мучительное лето!
Как пытка — этот страшный, душный зной.

Зной... А над Петропавловским собором
Заплакал Ангел красными слезами,
И то ли это отблески заката,
А то ли кровь... Вновь стук из-за стены:
— Серёжа, скоро ль? — Скоро, Миша, скоро.
Пред Родиной, не перед образами
Стоим, своей же правдою распяты,
Своими же мечтами сожжены.

Мы вольности желали для Державы —
Так жаждущий — воды глоток алкает,
Так нищий жадно тянется за хлебом,
Младенец ждёт грудного молока.
— Серёжа, правы? — Правы, Миша, правы.
Но на Руси за Правду умирают.
Не бойся, брат, смотри, какое небо!
...Но как красны сегодня облака...

В любви клялись Свободе, как невесте,
И каждый, словно юноша влюблённый,
Не ей, а Смерти распахнул объятья.
Смотри же в оба, из последних сил!
— Серёжа, вместе? — Вместе, друг мой, вместе,
Уходим под рассветные знамёна:
Сергей, Иванов сын, и с ним же братья —
Кондратий, Павел, Пётр и Михаил.

12 июля 2020

II

МОЛОКО

(блокадный сон)

Ей снилась бабушка... Она
В руках своих держала крынку,
А крынка — доверху полна!
В горошек белая косынка
Чудною птицей на ветру
Над головой седой парила...
Но сон развеялся к утру.
И встать теперь — найдутся ль силы?

Так зябко — стынет в жилах кровь
(уснула прямо у порога).
Над Ленинградом вновь и вновь
Гудит воздушная тревога,
А на душе темным-темно...
Зачем в убежище? Не надо.
Уже не страшно — всё равно.
Души, не города блокада.

А год назад она цвела,
Хотя от голода шаталась:
В апреле дочку родила,
Любви негаданную завязь —
Весной блокадную, не в срок.
Смотрели люди без участия
На горький материнский рок,
На это трепетное счастье.

Она сияла — все три дня,
К груди малышку прижимая,
Достала дров — зажечь огня,
Шептала: «Доживём до мая».
Казалась веточкой — рука,
Тряпьё затёртое — парчою...
Не прибывало молока,
И дочь истаяла — свечою
Едва затеплившейся, но...

Не вспоминай, довольно ада.
Уже не страшно — всё равно.
Души, не города блокада.
Война велит: «Забудь и брось!»

Не мёртвым, а живым — угроза.
 Ведь сколько хоронить пришлось!
 Уже давно иссохли слёзы,
 Погиб супруг, два брата, мать...
 Семья за год вся поредела.
 А ей младенца вспоминать
 Приспичило вдруг под обстрелом.

«Не вниз, в подвал, а в небо путь —
 Пришла пора уйти за ними,
 Глаза усталые сомкнуть...» —
 Решила так. Вдруг слышит имя
 Своё. А голос так знаком,
 И между трав бежит тропинка —
 Туда, где детства сад и дом.
 И бабушка даёт ей крынку,
 А в ней — парное молоко!
 Хлебнула, словно захмелела.
 И стало вдруг легко-легко!..
 И снова вдруг потяжелело —

Пронзило грудь, как будто ток
 Прошёл — аж вскрикнула от страха.
 И с болью вдруг набух сосок,
 И стала влажною рубаха...
 Она проснулась в тот же миг,
 Сжимая грудь что было силы.
 За дверью — громкий детский крик!
 Едва поднявшись, поспешила —
 А там... Соседка. Умерла.
 Так на ступенях и осталась.
 Она вчера лишь родила
 (под осень с мужем повидалась).
 Любовь — она и на войне
 Всё побеждает, вы поверьте.
 И на войне сильней вдвойне,
 Как жизнь — всегда сильнее смерти.

Комочек маленький — в тряпье
 Закутан бережно. Схватила
 И шепчет: «Чудо ты моё!»

И словно это уже было —
 Весна холодная, апрель,
 Бомбёжка, снежное ненастье.
 Но через снег звенит капель,
 А на руках — живое Счастье.

Окно под крышей, высоко,
 А в нём — горит Луны лампадка.
 Течёт грудное молоко,
 Малыш, причмокивая сладко,
 Сопит тихонько на груди.
 «Спи! После будешь непоседа».
 Всё впереди. Всё впереди:
 И Жизнь, и Радость, и Победа!

Ей снилась бабушка. Она
 В руках своих держала крынку:
 «Пей вдоволь, внученька! Весна
 Одела в белые косынки
 Все вишни в дедовом саду.
 Ну, вот и май, и скоро — лето.
 Коль пережили ту беду,
 Так знай, переживём и эту.

Жизнь — радость, а не только бой.
 Почувствуй: от корней до кроны
 Весь Род стеною за тобой
 Стоит и держит оборону.
 Уходят души далеко,
 Плоть всходит по весне травую.
 Течёт грудное молоко,
 И Млечный Путь над головою».

16 апреля 2020

III ПОЭТАМ РОССИИ

А осень смотрит нам в глаза
 печально, ласково и строго.
 Бушует дальняя гроза, размокла слякотью дорога,
 Полыни горечь на губах и боль порой невыносима.
 Но, друг, гони тоску и страх,
 ты на Земле стоишь родимой.
 Тебя не сдвинуть, не скосить,
 не растоптать, не уничтожить.
 Твои слова — от предков нить,
 завет — добро и правду множить.
 Полно предателей в дому, и оттого на сердце скверно.
 И всё ж — важнее самому
 быть смелым, искренним и верным.
 И я пророчить не берусь, но верю, верю в перемены
 И в то, что солнечная Русь
 однажды вырвется из плена.
 Ещё крепка земная ось, ей не нужны пустые скрепы.
 Как много крови пролилось —
 за злата звон, за фальшь нелепых
 Извне навязанных идей, которые — гроша не стоят...
 Над вечной глупостью людей смеются боги и герои,
 А может, как и мы, грустят,
 в рассвет сознания не веря...
 У осени печальный взгляд. Но это вовсе не потеря,
 А вновь — надежда на весну,
 луч солнца между туч суровых...
 Ты берегаешь тишину,
 в которой вновь родится Слово.
 Не отступаешь, не спешишь,
 а держишь свой рубеж у края,
 Живым созвучием души весь мир огромный обнимаю.

7 сентября 2020

Юлия ГИАЦИНТОВА

ОСЕНЬ

Бросить дела и гулять по Москве,
В светлой, как ночи в июне, тоске,
Точки конечной не задавать,
Призраком между домами блуждать.

В окна глазеть на ничейный уют:
Ссорятся, мирятся — в общем, живут,
Катится сонный трамвай, дребезжа,
Лужа, как майская роза, свежа.

Встречный фонарь на бульваре пустом,
Кажется, тоже вздыхает о том,
Сколько осталось всего позади,
Дальше? А дальше все так же — дожди.

Кем-то когда-то придуманный план
И для чего-то ниспосланный нам.
Просто плыви по течению дней:
Уток корми, одевайся теплей

И ничего не планируй вперёд.
Школьник угрюмо четверку несет,
Снова ложится туман над прудом:
Все, как и должно, своим чередом.

ВЕЧЕР В ТАРУСЕ

Белла и Марина.
Мерзлая Ока.
Жизни половина,
Рваная строка.

Нету ни ограды,
Воздух чист и свеж.
Вы, наверно, рады
Здесь, и там, и меж.

* * *

Он ещё не родился,
Тот курносый солдат,
Что девчонок стыдился
И учил сопромат.

Он ещё не родился,
Тот мальчишка-солдат,
Что с родными простился:
«Скоро, верно, назад!»

Он ещё не родился,
Тот бедовый солдат,

Что всю ночь веселился,
А наутро — в штрафбат.

Он ещё не родился,
Тот бесстрашный солдат,
Что в атаку стремился,
Не жалея гранат.

Он ещё не родился,
Тот железный солдат,
Что за Родину бился,
Но не встретил Парад.

Он ещё не родился...
Только где-то вдали,
За туманом пролился
Горький голос земли:

«Где ты? Что, заблудился?
Кто ты? Где твоя мать?
Как же так? Не родился...
А уже умирать?»

НА ДАЧЕ

В мире бушует стихия,
На даче пишу стихи я,
Здесь сосны скрипят сухие,
И филин со мной говорит:

«Ну что ты, и это проходит,
Как лёгкий туман на восходе,
Как всякая мелочь в природе:
Исчезнет, увянет, сгорит».

И нам с тобой остаётся
Лишь воду черпать из колодца
И ждать, как могучее солнце
Наш маленький шар озарит.

* * *

Дети у тебя...
У меня — стихи,
Медленного дня
Ночи так тихи!

Подают мне знак:
Сны земные — прочь!
Не заметив как,
Стала я им — дочь.

* * *

Не выходить из дома было хорошо:
Сиди, плети себе за сплетней сплетню,

Стирай-стирай все мысли в порошок
И лезь под одеяло, словно в петлю.

Какой сегодня день? Не помню, был апрель,
А дальше май, за ним, наверно, лето.
И что с того, что нам с тобой теперь
Как будто бы совсем плевать на это?

И фикус на окне полит, накормлен кот,
Посуда вымыта (почти) до блеска.
И жаловаться, что весь мир не тот,
Пожалуй, нет такой причины веской.

А если вдруг ты двери распахнешь туда,
Где волосы твои растреплет ветер?
Что делать и идти теперь куда?
И как на это сам себе ответить?

ФЕОДОСИЯ

Все странности мои —
От моря и любви,
Здесь где-то Айвазовский
Писал пейзаж неброский,
И ты со мною кружишь
Под тёплым ветром южным...

А чайки смотрят косо
Как будто бы с вопросом:
«Надолго ль счастье ваше?»
И крыльями всё машут!
Но что нам эти чайки?
Простите и прощайте!

А завтра будет осень,
Пальто своё набросишь,
Покажется — приснилось,
Прошло и позабылось...
Давай назначим встречу,
Здесь как-нибудь далече?

Как в глупом старом фильме:
«Привет», — вдруг скажешь ты мне,
Скрипач достанет скрипку,
В саду калитка скрипнет,
И я тебе отвечу:
«Какой хороший вечер!..»

СИРЕНЬ

А за окном — сирень,
А в голове — туман,
В этот апрельский день
Кто-то сойдёт с ума.

Можно вино купить
И напоить весь двор,
Можно тебя любить,
Только всё это вздор.

Сяду на свой трамвай
(Пусть и трамваев нет),
Завтра наступит май —
Я подарю букет.

В этих цветах простых
Родины и любви
Больше, чем стих вместит
Или глаза твои.

В этот апрельский день,
В этом апрельском дне
Просто оставь сирень
Памятью обо мне.

Андрей КУЛЮКИН

Небеса нараспашку

ДВОРОВЫЙ ЗВОНАРЬ

Убогая жизнь у бродяги
Хоть в март, хоть в июль, хоть в январь.
Бутылками в мусорном баке
Трезвонит дворовый звонарь.

Дзинь-дзинь! В небе утро зевнуло.
Дзинь-дзинь! Просыпайся, народ.
Дежуривший ночью, сутулый
Фонарь с укоризной кивнёт.

Из серых домов как из сита
Просеялся свет в темноту.
Глядит недовольная сытость
На уличную нищету.

Начнут проклинать и ругаться
Из форточек люди опять.
Но каждая корка — богатство,
Но каждый сухарь — благодать.

И может быть, в этой юдоли
Средь мусора, грязи и вшей
Есть грань между верой и болью
В пропащей бродяжьей душе.

Быть может, по жизни паршивой
Бредёт он, уверенный в том,

Что есть красота в некрасивом,
И святость живёт в несвятом.

* * *

Утро солнцем обогрето,
Нараспашку небеса.
Поделись со мной рассветом,
Ясноокая весна.

Эх, капли, звон да сырость —
Небо льётся через край.
Раньше в рай душа стремилась,
А теперь весна как рай.

И не жаль душе бессмертья.
Воздух светел и багрян.
Дарит радость на рассвете
Соловьиная заря.

Для бессмертья — что рожденье?
Только раз давным-давно.
В жизни то благословенней,
Что весною рождено.

Что рождается в природе
В теплоте весенних дней,
Ледоходе, половодье,
Песне первых журавлей.

* * *

Что грустить, если жизнь отпылала?
Всем когда-то лететь на покой.
День зарёй начинается алой
И кончается алой зарёй.

Догорает вечерняя зорька.
Даст Господь ли душе благодать,
Чтоб у Родины хоть на задворках
Дикой яблоней мне прорастать.

Чтоб остаться здесь. Пусть и в печальной,
Пусть в суровой, но милой земле.
В жёлтом поле густым иван-чаем
Расцветал бы под крик журавлей.

Не бери мою душу отсюда,
Дай мне, Боже, ещё раз прожить
Хоть ветлой у забытого пруда,
Хоть цветком под ногами у ржи.

Что мне рай? Что сады золотые,
Коль не моют их слёзы весны?
Что мне рай, если нет там России,
Невесёлой моей стороны.

* * *

Расплескалось небо мутное,
От дождя февраль растаял.
Мчится стрелочка минутная,
А за нею часовая.

Что прошло, то будет заново.
Вечер, утро. Утро, вечер.
Люди-льдинки, нам же складывать
Невозможно слово «вечность».

Не беда. Дождём обласканный,
Ледяные смыв печали,
Опустился март саврасовский
Загалдевшими грачами.

Тают годы заунывные,
Но приятно таять в марте.
Лейтесь чувства, только ливнями
Душу, душу не состарьте.

Жизнь короткая и тленная,
Но весною часто слышу:
Плачет вечная вселенная
Проливным дождём по крыше.

* * *

Солнечный конь проскакал да подковку
Месяца бросил в кустах.
Мне от безбожья божьей коровкой
К Богу поближе бы стать.

За спину сумку — скитаться по свету.
Вертится мир под ногой.
Ветер подует — закрестится веткой
Клён местночтимый святой.

Ива-старушка глядит на седины
В зеркало тёмной реки.
Нищих, голодных лесная рябина
Ягодой кормит с руки.

Свет разликает задумчивый месяц,
Будто бы липовый мёд.
Кто же у речки на краешке леса
В этих красотах живёт?

Тихо дотронулась старая ива,
Тянет мне листьев пучок:
«Помните, люди: где Бог — там красиво,
Где красота — там и Бог».

* * *

Вышли звёзды, яркие подружки,
Во дворе у ночи полыхать.
Эх вы, годы, грустные частушки,
Рвёте жизни тонкие меха.

Разжелтелся старый лунный камень,
Протирают небо облака.
Ничего не вечно. Облаками
Уплывают серые века.

Льются жизнью тихие куплеты.
Пой да пой, пока не отпоют.
Я мечтаю на исходе лета
Побродить по голому жнивью.

Ах, поля, сырой земли веснушки,
Я люблю вас, что ни говори.
Здесь допел бы грустные частушки
На глазах проснувшейся зари.

МОЯ ТАМБОВЩИНА

Уже дорог немало пройдено,
Уже и даль вблизи видна.
Есть много мест, где сердце Родины,
Но в сердце Родина — одна.

А мне родней луга душистые
И степь туманная родней.
Тамбовский край у цнинской пристани
Зовёт домой своих детей.

Чем дальше в жизнь, тем больше хочется,
Чтоб развернулось время вспять.
Настанет час — и путь закончится,
И я устану ковлять.

Вернусь домой. Пусть ветер времени
Сметёт с дорог мои следы.
Но будет печь трещать поленьями,
Пуская в небо тёплый дым.

Я, как береза с белой рощею,
Корнями связанный с тобой,
Моя земля, моя Тамбовщина,
Сердечко Родины большой.

* * *

Кто о Моршанске мне лучше расскажет
В этот июльский берёзовый вечер?
Слушают старые лодки и баржи,
Может быть, всплески, а может быть, речи.

Млеет закат в расплавленном небе,
Город разлился вишнёвою песней.
Может быть, облако, может быть, лебедь
В небе речном или в речке небесной.

Ветер петляет по узкой дороге,
Много расскажет он: слушай да слушай.
Бурые клёны бросают под ноги,
Может быть, тени, а может быть, души.

Добрые песни и добрые сказки
Видно, не зря заучил наизусть я,
Чтоб на чужбине мечтать о Моршанске,
Может быть, с радостью, может быть, с грустью.

Екатерина ИГНАТЬЕВА

На сломе

* * *

В гирлянды небосвод укутан,
Искусственный на лицах свет.
Пестреет рынка пустоцвет.
Разинув рты, бегут минуты...

В облаве дней, метельных чар
И вызывающе, и мерно
Снежком растают перемены
На чьих-то сгорбленных плечах.

ЧТОБЫ ТЫ ЖИЛА

Я хочу, чтоб разливались воды
И несла энергия свободы
Облака, бесстрашны и чисты.

Я хочу, чтоб шелестели травы
И небесным отраженьем правды
Просияли души и кресты.

Я хочу, чтобы воскресла сила,
Дней былых и мужество, и стать.
Чтобы ты жила, моя Россия,
За себя сумела постоять!

* * *

Захлебнувшись слезами, ребенок, взъерошен,
Плакал так неуёмно и так тяжело:

«Я — хороший!», и с новой силой — «Хороший!!».
Глазки синие влагой соленою жгло.

Детство выцвело, стало — доверчивым прошлым,
Вязкой памятью лет, и опять — почему? —
Вдруг захочется крикнуть порой: «Я хороший!» —
И друзьям, и врагам, и себе самому.

* * *

Девочка плачет. И тут же смеётся!
В небе весеннем тот смех отдаётся,
В каждом листочке и каждой травинке,
Но на щеке — две тропы от слезинки.

Первая — та, что вела ниоткуда
К свету мечты, к ожиданию чуда;
Ну а вторая — вела в никуда.
Там, где мутнёная в речке вода...

Тихо во дворике солнечным утром.
Девочка, в новые туфли обута,
Сев на скамейку, глядит взором синим,
Как облака проплывают красиво...

* * *

Изыски комбинаций сложных
Таила лестница в себе:
Она стремилась ввысь, но все же,
И в равной мере, вниз, к земле.

Ступени временем избиты,
Шагами эхо говорит..
Была та лестница — забытой
Пружиной стяннутых орбит.

Пока в пролетах раздавалось
То «Не толкай!», то «Не споткнись!»,
В шаги простые превращалось
Стремление вверх, паденье вниз.

БЕРЕЗА

То шелкал дождь, то ветер тряс.
Весна внушала к счастью рвение.
Ты к солнцу тянешься сейчас,
Я — уповаю на мгновение.

Не чужа меж годами связь,
Перед тобой кажусь потерянной...
Росточком в сердце мне впелась,
Когда успела стать ты деревом?

* * *

Любви вершин и взглядом не объять —
Ее массивы
Осилить можно, но нельзя понять —
Откуда силы.

Нам восхождение это не забыть...
Сказать вернее?
Любить непросто, но любимой быть
Еще труднее.

* * *

Много-много перепето песен...
Всех и не припомнишь, не споешь.
Мир широк. Не потому ли тесен?
Тесен мир, в котором ты живешь...

Но, окинув взглядом небо сине
Утром пробуждающим, земным,
Человек уверен в Высшей силе,
Только потому — неуязвим.

Разойдутся временные были,
Хворь обманов и любви до дна.
Много-много песен мы сложили —
До конца не спета ни одна.

Зарина БИКМУЛЛИНА

Из цикла

«Транспортное кольцо»

ПРИТЯЖЕНИЕ

самолеты не падают просто так.
гравитация им не мешает мотать
на мотор облака, пропустив от винта к
тому месту, где пульс дробится на пять.
самолеты редко боятся гроз.
загоняют турбинами в грудь озон,
от морозовых роз оставляя «Оз»,
потому что не знают запретных зон.

самолеты любят смотреть в темноту —
в этом разница. Ведь, несмотря на класс
(даже в ТУ) и шампанское welcome to,
человечки без лиц, а точнее — без глаз,
накрываются шторками. Под крылом —
города, разгоревшийся лоск от ты-
сяч бессонниц, ары и акры. Лом

старых пашен, разрезанных в лоскуты
неизвестным занудой. Но им легко
изменяться в голосе ли, в лице ль.
И влетают в сбитое молоко,
как стрела, летящая точно в цель.

В небо вылили латте, вспененный сон.
А под ним затаился локальный ад
и пульсирует лондонским колесом.
Безопасно, если держаться над,
страшно, если чиркнуть шасси об шоссе.
Человечков внутри беспокоит меню
(кроме латте, могу предложить гясе,
зубочистку, Рембрандта в стиле ню).

самолеты не падают просто так.
разве что рыжий ящик устанет писать,
или темы закончатся. И пустота
протяженностью где-то в четыре часа
и пятнадцать минут захлестнет эфир.
Нет замены, тем более — тем. Разве что
пассажир в экономе заметит фирн
или шторм увидит сквозь пластик шторм.

самолеты не могут играть в трагизм
и в отточенном жесте складывать жесьть.
Крылья меньше защита, чем механизм,
потому, если падают, то — как есть.
потому и тоску, и рассвет, и ямб
бортовой самописец отправит в стол —
до тех пор, пока в горле одной из ям
не зажмурится и не выдохнет «сто»,
не завися от времени суток. Но,
усыпив телефон и блокнот включив,
пассажир и бессонница смотрят в окно,
чтобы лайнер все же остался жив.

ЗАЛ ОЖИДАНИЯ

Когда мы уснем с одноразовой ложкой во рту,
ремни застегнув неизвестно какого числа,
нас встретят с табличкой в заброшенном аэропорту
все те, кому номер рейса смогли мы прислать.

И сын человеческий пообещает простить.
И сын человеческий будет прощению рад.
И будут они на пару овец пасти,
растить на подтопленной гневом земле виноград.
И преданный воду, вино, молоко и мед
в саду отхлебнет (шанс — один к четырем).
А прибывший издали в трансферный зал пойдет
и будет ждать мотора вечного рев.

Кого-то ждут группой. Давно, безнадежно. Одна с
букетом из кипариса. Другая — скорей, с

побегами ясеня. Или же встретят нас
все те, кого мы провожали на прошлый рейс.
А кто-то едва успеет ступить на трап,
но тут таможня проверит его багаж.
Обратный рейс назначен на десять утра.
Зал вылетов слева, вам на восьмой этаж.

Но если мы сами забудем, простим все до
священной субботы и великой среды,
то всем наплевать на эти сто двадцать рядов
и всем наплевать на емкость райской среды,
никто нас не взвесит и не сравнит с пером,
ну, разве что сами озвучим себе приговор.
Но это не факт. Возможно, в зале ни род-
ственников, ни делегаций, вообще никого.

Известно одно: по ленте ползёт чемодан.
Известно второе: в паспорте третий штамп.
Критерия Стьюдента нет, интервал не дан.
Но если мы верили — кто-то нас встретит там,
представится (вероятность — один процент),
предстанет в обличии (шанс — один к десяти),
в одном из трех ликов (палатализуйте к/ц,
тогда в нужном слове будет г-фрикатив).

Но если мы верили — нас будут ждать, когда
по трапу сойдем, не допившие быстрый чай.
...а может, табличку с парой недавних дат
нам в руки впихнут и скажут одно:
встречай.

Роман РУБАНОВ Фрески

I АНДРЕЙ РУБЛЁВ

Рассвет войдёт по пояс в реку.
На корточках на бережке
сидит мальчонка. В лодке грека
плывёт по Яузе-реке.

Мальчонка по-рыбацки просто
на пшёнку жжёную плюёт
и ждёт улова. Как апостол.
И кто-то спросит: «Не клюёт?»

Да, не клюёт, но стоит ряску
пошевелить, и на воде
мгновенно заиграют краски
везде.

И в этот миг над ним не волен
никто. Над головой плывёт
свет с отдалённых колоколен,
как мёд из раскалённых сот.

И облака, как будто фрески
владимирские, так легки,
пойдут над пашнями, над лесом,
над сонным зеркалом реки,

и берег Яузы отчалит,
земного под ногами нет,
и Троицей Живоначальной
повсюду отзовётся Свет.

II БЛАГОВЕЩЕНИЕ

В какой-нибудь невзрачный вечер,
в весенний вечер за стеклом
увидю облик человеческий,
вдали мне машущий крылом.

То ангел молодой, рублёвский
с цветком раскрывшимся в руке.
Он озарит собой неброский,
невзрачный вечер мой. В реке

вода качнётся. Сом проснётся.
Совьют гнездо щегол ли, дрозд.
И месяц молодой прогнётся
под тяжестью студёных звёзд.
Капель утихнет. Гром не грянет.
И, прежде чем его норд-вест
подхватит, — обернётся, глянет
и принесёт благую весть.

III РОСПИСЬ

Поднимут человека на лесах.
Теперь ему держать руками небо.
На Северном и Южном полюсах
хор херувимский не смолкает, ибо,

когда умолкнут эти голоса
и прекратится музыка живая,
возможно ль будет небо дописать,
в шершавую доску спиной вжимаясь?

Все мышцы наливаются свинцом...
Но грянет хор мурашками по коже.

К апостолам и ангелам лицом
лежишь и тихо шепчешь: «Святой Боже...»

И дальше кисть работает сама —
рука её послушно разжимает.
И входит поп и говорит: «Зимааа...»
И, снег смахнув с плеча, пальто снимает.

IV ФРЕСКИ

Красные, на синем небе,
кровью полосы.
Кто там скачет? Печенег
или половцы?
С колоколенки собора
во Владимире
видно свору:
тьмы и тьмы неразглядимые.

Ох ты, горе. Ах ты, горе.
Что тут сделаешь.
Во Владимирском соборе
стены белые.

*...У одной стены — Даниил —
подряник простенький.
У другой — Андрей.
Работают сопостники...*

*...Золото на голубом...
Время жаркое...
Патрикия об пол лбом
тьма татарская.*

За собором пыль столбом,
стоны жалкие.
*...А в соборе — пыль столбом —
работа жаркая...*

*...Ох, сотрудничай, пиши.
Время постное...
У дружины бердыши
больно вострые.*

Брат на брата. Жизнь за жизнь.
Кровью по столу.
*...Знай расписывай, пиши себе
Апостолов...*

Кони резвые несут.
Даль туманится.
Словно Страшный суд.
Вот он и останется.

Илья ВЕРШИНИН

Из Прибалтийских тетрадей

...Нет более скверной породы людей, чем перекарсившиеся марксисты или специалисты по истории партии. Вот взять, к примеру, Рафика Григоряна, который в 80-е годы и ранее преподавал в Тартуском государственном университете. Вел он один любопытный предмет — «историю КПСС». Учившиеся в те годы в студенческом городе знакомые рассказывали, что сдать ему «предмет» было очень сложно — по каждому пунктику строго спрашивал. С подачи Рафика одна из студенток была даже изгнана из института «без права восстановления»... Но началась «перестройка», и уже Рафик Григорян стал участвовать в деятельности Народного фронта Эстонии. Разные идеи витали в воздухе эпохи, однако, когда пришла пора братья за мемуары, Рафик Григорян написал, что он при СССР, оказывается, тайно, конспиралогично (!) отработывал на прибалтийских государствах «наступление на демократию». Хорош был специалист по истории партии! Но мой взгляд остановился на другом признании специалиста. Якобы, когда проходил августовский путч 1991 года, некоторые эстонцы звонили председателю Тартуского горсобрания и предлагали спрятать участников Народного фронта, в том числе и его, Рафика, у себя в лесу. Рафик поясняет: «Там, где когда-то прятались лесные братья». Невольно напрашивается сравнение участников движения Народного фронта с обыкновенными бандитами. Надо полагать, оно возникло не умышленно. Иначе для того, чтобы не возникало никаких кошунственных ассоциаций, ему пришлось бы сделать поправки. Но что же говорит о сравнении себя с «братьями» сам Рафик Григорян? «Мне кажется, это и есть высшая форма народного признания и поддержки своих лидеров», — констатирует идеолог. То есть, по Рафику, получается, что быть спрятанным на том месте, откуда выходили «на дело» бандиты (нападения на сельских активистов, убийства пионеров в лесу и прочее), — это и есть форма высшего народного признания. Мне ничего не остается к этому добавить. Отмечу только, что именно поэтому и неудивительно, когда в недавнем отзыве о событиях в Белоруссии у Рафика Григоряна обнаружили следующие строки: «Сегодня дают о себе знать результаты 70-летнего тоталитарного правления. «Испорченные деспотизмом» люди не приучены к демократии... (...) У белорусов сегодня есть выбор: стать свободными или смириться с диктатурой и жить под ней дальше».

...В продолжение темы: насколько цивилизованна Европа и какая отсталая в сравнении с ней наша Россия. В пору моего студенчества, когда я еще только «оперился» и оказался в Москве, местные борцы за права и свободы начали меня «бомбить» фактами местного произвола, подчеркивая, что это чисто российское явление: дескать, власти давно вмешиваются в личное пространство людей, нет уважения к собственным согражданам... И далее следовало примирительное: «Мы любим Прибалтику, там ведь такого нет — каждому человеку оказывают уважение». Признаться, я с трудом сдерживал эмоции, однако поведал этим «борцам», что в Прибалтике у каждого жителя есть свой личный код. «Когда человека задерживают, достаточно ему назвать этот код, и его фамилия уже высвечивается на экране в полицейской машине». Этот, якобы для удобства возникший, личный код стоит всегда на первом месте. Вот, скажем, если человек заканчивает школу, в свидетельстве на первом месте указывается именно этот код, а потом имя и фамилия. То есть фактически имя, фамилия и отчество (которого, кстати, уже давно в Прибалтике нет) заменяются на цифры. Рассказал я им и о том, что на суде в качестве доказательства может быть абсолютно всем продемонстрирована прослушка телефонного разговора. Также этим «знатокам», искренне удивлявшимся тому, что мне, в общем-то, глубоко неинтересны все эти митинги оппозиции, пришлось пояснить, что в Европе жесткое применение полицейской силы — норма. И все же любители Европы не смогли или не пожелали пересмотреть свои взгляды на Россию и на Европу. «Ну — то Европа, там это нужно для порядка и демократии».

Вот так, просто и ясно, формируют свою политическую позицию в России враги: в одном случае вмешательство — это уважение к людям, в другом — произвол. Я и не защищал произвол. Но почему «борцы» никогда не говорят о том, как унижают их соотечественников за пределами России? Конечно, не одними только личными кодами, но и ограничением в избирательных правах, «марсианскими» паспортами, языковой инквизицией на русскоговорящих территориях. Но они не слушали меня и повторяли: «Ты же из Прибалтики, ты должен быть с нами!» «Нет, я не с вами...» — сказал я им. С тех пор все эти люди перестали со мной здороваться.

Какая все же у нас избирательная интеллигенция! Как сказать свое слово о жестоком обращении с гражданами в Белоруссии — это ради бога, как выступить в защиту Юлии Цветковой, которая получила срок за реальное распространение мерзевших картинок, совращающих несовершеннолетних, — так это пожалуйста. Но где они были, когда в Латвии фабриковалось «дело» в отношении Юрия Алексева? Ни «Медуза», ни кто другой из правозащитников

и слова поддержки ему не высказал. Вся демократическая общественность в количестве 180 с лишним человек впряглась в защиту псевдоисторика Юрия Дмитриева, не имеющего даже диплома о среднем образовании, который на поверку оказался педофилом. Но почему, когда в Эстонии в 2007 году их соотечественников полицейские обстреливали резиновыми пулями, завязывали им руки жгутами и по несколько часов держали в «Терминале Д», никто из этих же правозащитников не только не подписал обращения, но даже и голоса не подал? Всё правильно — для них это уже было защитой демократии. Материальная и идеологическая заинтересованность «правдорубцев» настолько очевидна (в их числе и любителя пинать режим батьки, хотя, впрочем, к нему тоже есть вопросы), что никакими шутками ситуацию невозможно выправить. Враги — они и есть враги!

...«Ох, режим!» — комментируют расхаживающие павлинами представители либеральной демократии приговор Кириллу Серебрянникову. И их понять можно: снова на их улице праздник, снова появился повод поговорить о том, как интеллигенцию гнобят. Вообще разговоры об ущемлении прав, о притеснении свободы слова для этой братии — естественная форма существования. Равно как для нацменов — спекулятивные разговоры о том, как их «обижают» по национальному признаку. В итоге, никаких других слов, кроме идеи «у всех должна быть свобода», у них нет. Возможно, я бы и поверил в невиновность Серебрянникова, если бы сам лично не общался с некой дамой, которая напрямую хоть этим вопросом и не занималась, но... все «тонкости» этого дела знает, сама из этой среды. У нее не было никакой личной заинтересованности очернять Серебрянникова. Просто сказала «как есть», как она эту проблему понимает. У этих «великих умов», «любимых нового разлива» (не как больших режиссеров, а как рассадников свободомыслия) есть такое правило: появляется финансирование, обязательно делись со своими. Известный закон театральных джунглей: ты — мне, я — тебе. Так вот. Серебрянников, работавший долгие годы по системе «своего коньячка», похоже, не поделился с кем-то из своих, который и сообщил, «куда надо». Я, конечно, не могу ручаться за то, что в случае с Серебрянниковым дело обстояло именно так, и все же почему-то этой версии верю. Но у нас принято как? Не разобравшись в обстоятельствах дела, кричать, что, мол, наших бьют. А Серебрянников потихоньку сам себя разоблачает. Вот одно из его высказываний: «Мне нравится история, когда в Риме горожане поили рабов до свинского, скотского состояния, они валялись в грязи пьяные, а богатые люди приводили своих детей и говорили: смотри, видишь, до какого низа может дойти человек. Это и были первые артисты — те, кто показывал человече-

ский низ, край». Кому-то нравится такая правда искусства? Лично мне — нет. Ни в эстетическом, ни в этическом смысле. С одной стороны — грязь, с другой — цинизм стороннего наблюдателя..

...Если президент России высказывает мысли, которые созвучны моим, я не считаю нужным, как это принято у демократов, всенепременно и немедленно их оспорить. В вопросе так называемой оккупации я с Путиным согласен — это было именно добровольное присоединение к СССР. Но в качестве доказательства этого тезиса я бы хотел привести свидетельство своего покойного знакомого — Героя Советского Союза Арнольда Мери (1919–2009), который, будучи солдатом эстонской буржуазной армии, лично за этими событиями наблюдал. Ведь он был не просто реальным свидетелем, но и умнейшим аналитиком. Вспоминаю нашу долгую беседу в Нарве 16 лет тому назад и вижу его как живого. Итак, Арнольд Константинович (интервью не мое, хотя и мое в Интернете тоже есть): «Я категорически не принимаю тезис оккупации Эстонии Советским Союзом в 1940 году. Причем не скрывал этого никогда, при всех обстоятельствах, независимо от характера аудитории, и именно поэтому состоялся надо мной суд. Потому что те события, которые произошли в Эстонии в 1939–1940 годах, были результатом внутренних противоречий в Эстонии. (...) Революционные события 1940-го, если их называть революционными, были не борьбой за установление Советской власти в Эстонии, а борьбой против втягивания Эстонии в войну в качестве немецких холоуев. Вот что было причиной, которая поднимала людей на протесты. Потому что идея подключить Эстонию к немецкому фашизму имела здесь своих, весьма мощных сторонников. В 1939–1940 годах, после заключения пакта Молотова–Риббентропа, все эти вопросы были чрезвычайно болезненны, ведь перед этим Эстонию непрерывно посещали Канарисы и прочие фашистские деятели. Заигрывание с гитлеровцами продолжалось все тридцатые годы, а это вызывало народное возмущение. Поэтому я и видел действительно тысячные демонстрации, когда бродил по улицам Таллина. Разговоры о том, что люди были насильно согнаны силами оккупационных войск — бред собачий! Я видел три-четыре советских танка, которые стояли в стратегически важных местах. Общее впечатление было именно такое: следят, чтобы не было кровопролития».

...В Эстонии давно уже нам всем стало ясно, что пропаганда в лоб не действует — сказками об «оккупации страшным русским медведем» население изрядно пресытилось. Но можно пойти, впрочем, по другому сценарию, как это сделал, к примеру, мой бывший приятель господин Хоботов. Вся суть его переобувания, его вылизывания пяток местным хозяевам до откровенного блеска можно прочувство-

вать на примере даже одного абзаца. «Во время Второй мировой войны в «красных амбарах» — бывших хлопковых складах Кренгольма — сначала был лагерь для советских военнопленных, потом — для немецких военнопленных. А вот затем, вплоть до 1955 года, там содержали репрессированных из девяти стран, и очень много здесь было украинцев». Сначала зритель настраивается на то, что речь идет просто о разных военнопленных. Потом они превращаются в репрессированных разных национальностей. За косноязычием и неполной информацией, то есть полуправдой (например, о том, что здесь был спецлагерь МВД), как видим, стоит четкий план: чтобы слушатель или читатель сам «дошел» до того, что свои своих репрессировали. Особенно приходится к месту упоминание про украинцев. Правильной дорогой идешь, Саша! Эта увязка здесь совсем не случайна. А мне на самом деле интересно, к чему раскручивание бренда «Хоботофф» в конечном итоге приведет? Как-то плохо все это вяжется с его прошлым псевдонимом Маузер, с Егором Летовым, выглядывавшим чуть ли не из каждой записи в ЖЖ, с нарвскими бабушками, которые считали подающего надежды таллинского журналиста «своей защитой и опорой». Ну что же, Саша, которого мои общие с ним знакомые осмеливаются называть «революционером», их отлично «защитил».

...Последний раз видел Джульетто Кьезу (1940—2020) на заседании Зиновьевского клуба незадолго до его кончины. Он, как всегда, был полемичен. В президиуме с ним заседали освоившие русский греческие коммунисты, которые, как только могли, проталкивали свои идеи. С хрипотцой, что выдавало волнение, Кьеза говорил (привожу не дословно, так что могу ошибиться): «Да я сам коммунист. Но вы, друзья, не понимаете, насколько абстрактны ваши рассуждения. Сейчас не действуют никакие формулы, никакие идеи. Сейчас главное — картинка, главное — информация. Никто ваших теоретических работ читать не будет. Нужно создавать новую систему, которая выведет этот мир из простоты и глобализма. Я езжу по странам и вижу: понять наши с вами идеи могут очень немногие». По нему видно было, что настроен он крайне пессимистично. Видно, и умер он по этой причине — поняв, что разговаривать с этим новым миром на равных нет никакого смысла.

...90 лет мы живем без Владимира Владимировича Маяковского. Что об этом сегодня можно сказать? На самом деле, отрадно, что сейчас на него не выливают столько помоев, как это было еще совсем недавно, и отдают должное профессионалы литературы, от рядовых писателей до убеленных сединами академиков. Маяковский действительно велик! Сегодня, к счастью, даже небесспорна фраза Ахматовой: «До революции ему не было равных. После революции — это сплошной плакат». Нет, ему не было

равных и после революции. Мне кажется, что очень точный портрет поэта дал Корнелий Зелинский. По его словам, мощная внешность Маяковского подавляла в нем ту силу, которая находилась внутри, а та, в свою очередь, была еще больше. Он все время был заложником самого себя, чувствуя, что ему не только этого тела, но и мира мало. Была у него даже такая фраза — что он обнял бы шар земной. И это были не просто слова. Это очень хорошо понимаешь, когда читаешь его самое, на мой взгляд, лучшее произведение — поэму «Война и мир». И в то же самое время, будучи таким масштабным человеком, он был очень ранимым. И резкая смена стиля после 1917 года — не оттого, что он изменился, а оттого, что только новое время позволяло ему еще больше развернуться. Впрочем, и этого, оказывается, было недостаточно... Как-то в письме матери поэт революции признался (привожу по памяти): «Я бы писал картины. Но мне не хватило бы красок. Поэтому своими стихами я экономлю на холстах, кистях, мольбертах, красках».

Анна ГОРОДКОВА (Бобылёва)

Жизнь недомашних животных

Как помочь хвостатым и усатым?

«В эти жуткие морозы пару дней назад к нам на базу подбросили шесть мелких комочков. Сердце нашего руководителя дрогнуло, и мы приютили их. Пятеро чёрных щенков и один рыженький — три мальчика и три девочки. Кому нужен верный друг и защитник?» — такими объявлениями ежедневно пестрят социальные сети Кузбасса. Как помочь животным и что делать, чтобы они не оказывались на улице?

Два помета разноцветных щенков родились под кемеровскими гаражами на улице Карболитовская. Две с детства бездомные мамы в разное время осени принесли 15 щенков, обреченных на родительскую участь. В районе старого вокзала бегают стаи из десятков ничейных псов, поэтому потенциальных отцов у щенят было достаточно. Каждый год собаки рожают, и каждый год из, как правило, большого потомства выживает один-два. Кого-то сбивает машина, кто-то погибает от холода, голода и травм, полученных в драках. Естественный отбор.

Местные работники магазина-склада, рядом с которым оценились суки, долгое время пытались мирно решить проблему — предлагали щенков кли-

ентам и своим знакомым и выкладывали объявления во все соцсети и сайты. Все время поиска собак-матерей подкармливали, а когда их молока стало не хватать (некоторые щенки были заметно больше остальных и отбирали еду у мелких), поили молоком и кормили кашей и детёнышей.

Судьба маленьких бездомных оказалась разной — один из приплода умер, не выдержав то ли морозов, то ли борьбы за еду, двое нашли добрых хозяев, троих взяли пристраивать волонтеры из приюта, а судьба остальных девяти остаётся неизвестной. Последних забрала молодая инициативная девушка, которая подозрительно быстро нашла малышам дом и мечтала организовать у себя мини-приют. После того, как большая часть отмытых и уже познавших тепло человеческого жилища щенков оказалась на улице (появилось новое объявление), девушка перестала отвечать на сообщения и отчитываться о судьбе животных. Через месяц шесть щенков-перебежцев появились по другому адресу — снова подброшенные. Им повезло — их подкинули крупной туристической организации, которая пристроила всех шестерых. Что случилось с остальными и случится с десятками таких же брошенок (декабрь обещают холодным) — неизвестно.

Подобная ситуация типична для Кемерова и всех остальных кузбасских городов. Объявления о новых выброшенных или рождённых на улице животных появляются ежедневно. Добрые люди пытаются пристроить зверят, но большинство проходит мимо.

«Возвращалась домой через областную больницу. Слышу: на остановке кто-то мяукает, и вижу на лавочке картонную коробку, в которой сидят трое полуторамесячных котят. Их выкинули в такие морозы! Забрала временно к себе, хотя у самой кошка и маленький ребёнок. Одну девочку, к счастью, быстро забрали, а двое мальчиков остались — ищу им новый дом», — рассказала нам кемеровчанка Джамия.

«Недалеко от моего дома живут два молодых пса. Родились и растут на улице, никому не нужны. Хожу кормлю их каждый день — то хлебом, то мясными обрезками, они всегда меня встречают и радуются. Видно, что ждут», — говорит Татьяна, жительница Тяжина. Казалось бы, небольшой посёлок, почти всё — частный сектор, заводи себе хоть десять собак-охранников, но и там множество животных вынуждены скитаться, голодные и холодные.

В крупных городах проблему пытаются решить с помощью приютов для бездомных животных, но все они существуют за счёт средств неравнодушных людей. Каждый из приютов в долгах. Собак и кошек нужно кормить и лечить (всех обязательно вакцинируют, стерилизуют или кастрируют), а приют содержать (вода, свет и наёмные рабочие). Например, у кемеровского приюта «Верный» (не-

сколько лет назад его подожгли, многие животные сгорели, а владельцам пришлось почти с нуля строить новый приют в другом месте) сейчас больше 40 тысяч долгов — в основном перед ветклиниками. Едва благотворители помогут закрыть один долг, как появляется другой. В приюте живет 300 хвостатых и усатых, хотя изначально планировалось набирать гораздо меньше, и каждый требует ухода и денег.

Некоторые устраивают мини-приюты в виде передержек в собственных квартирах, потому что крупные приюты «лопаются по швам». Один из таких кемеровских зооволонтеров рассказал, что последние три года пристроя почти нет и что у него и нескольких знакомых на передержках живет 62 (!) спасённых бездомных: «Животные всем мешают, особенно собаки. Хоть и выгуливаешь на поводках, соседи видят, что собака не одна и не две — партиями ведь выгуливать приходится. Крупная квартирная передержка — это не приют с вольерами и не зоопарк, это жильё, где живут люди (далеко не с евроремонтом) со своими проблемами».

Официальных данных о том, сколько всего бездомных собак и кошек на кузбасских улицах, нет, но зоозащитники считают, что около десятка тысяч. Собаки, собираясь в стаи, представляют реальную опасность. В октябре этого года в Тайге на 8-летнего ребёнка напал бездомный пёс и откусил мальчику два пальца. Врачам удалось спасти лишь один.

Начальник управления ветеринарии Кемеровской области Сергей Лысенко признает, что проблема бездомных животных имеет большую социальную значимость, потому что связана с безопасностью населения, санитарно-эпидемиологической ситуацией и гуманным отношением общества к животным. Сейчас бездомными занимаются органы местного самоуправления на основании договоров со специализированными организациями и частными приютами. Власти в идеале должны следить за тем, чтобы кошек и собак на улицах отлавливали, лечили и содержали, но по факту все получается не так радужно — ненужных животных по-прежнему много, и ещё несколько лет назад кемеровский САХ часть из отловленных просто уничтожал.

Лысенко сообщил, что сейчас управление разработало проект закона «О наделении органов местного самоуправления отдельными полномочиями по организации мероприятий по обращению с животными без владельцев». По проекту самоуправления смогут ловить и передавать бездомных в приюты, содержать их, искать хозяев или возвращать на прежние места обитания после кастрации/стерилизации. Убивать никого нельзя, только если животное не страдает тяжёлым заболеванием. Проект перекликается с ФЗ «Об ответственном обращении с животными» и сейчас находится на со-

гласовании. Неизвестно, когда он будет принят и сколько денег будет выделяться на все мероприятия.

По данным пресс-службы администрации Кемерово, здесь отловом безнадзорных животных занимается «Спецавтохозяйство», и сейчас рассматривается метод отлов-стерилизация-вакцинация-возврат. Он, исходя из опыта других городов, помогает сократить численность бездомных популяций на 40–50% и уменьшить количество нападений.

«Если существует опасность нападения собак, рекомендуем обеспечить себя средствами индивидуальной защиты (газовый баллончик или электрошокер), стараться избегать территорию собаки, не провоцировать ее на агрессию (не дразнить, не кричать, не замахиваться и не смотреть собаке в глаза) и не давать заходить к вам за спину. Все это обязательно нужно объяснить несовершеннолетним детям», — советуют в Администрации.

Михаил ФАХРЕТДИНОВ

Слово о правде и справедливости

Очерк

Наверное, каждый человек в жизни рано или поздно пускается в своих мыслях на поиски правды и справедливости. Процесс это увлекательный. Мы обитаем в стране, где данные изыскания часто становились массовыми, а еще, иногда, достаточно кровавыми. Сегодня в этот путь отправлюсь и я, человек XXI века, вооруженный знанием чужих трудов. Кстати, некоторые до сих пор считают, что спор рождает истину, поэтому и я поищу эту истину у двух противоположных авторитетов (для России). Хочется верить, что мои личные стереотипы не сильно скажутся на итоге этих поисков. Что ж, в путь!

Для начала следует договориться о терминах, так как заявленная цель без этих уточнений может далеко завести... История показала, что многих уже и завела. Кстати, также нужно сразу снять ореол «риторичности» с данной темы, ведь жив еще народ, который помнит конец Союза и последовавшие за этим потрясения. Эти люди живы, их большинство. В их памяти, а значит, и в мировоззрении, вопрос о справедливости и лукавые лица, отвечавшие на него, тесно переплетены. Житель России часто не глуп, поэтому послушает, кивнет, но на всё у него свой взгляд, о чем нужно помнить. Никакой риторики, только дело.

Итак, правда. Наиболее упоминаемый синоним этого слова — истина. В толковых словарях одним

всегда определяют другое. Постараемся привлечь авторитетные мнения со стороны. По Ленину, только практика подтверждает истинность чего-нибудь. Таким образом, истина — это то, что есть на самом деле. С другой стороны, Христос сказал, что Истина — это Он сам. А Достоевский уравнивал всё следующим образом: «Если б кто мне доказал, что Христос вне истины, и действительно было бы, что истина вне Христа, то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной».

Также в христианстве Христа именуют Солнцем Правды, то есть ее источником, но в той же культуре Христос — это Любовь, а любовь выше милосердия, которое выше справедливости. Исходя из вышесказанного, следует, что два термина используются примерно в одной области, но аксиологически неравнозначны, что выводит тему из области абсурда. Понимая это, начинать размышление следует с понятия «справедливость».

Я просмотрел десятки словарей, чтобы отыскать определение «справедливости», все они примерно одинаково трактуют ее, но меня поразило, что практически везде авторы определяли справедливость через справедливость, нарушая закон определения. Например:

СПРАВЕДЛИВОСТЬ, -и, ж 2. Беспристрастное, **справедливое** отношение к кому-, чему-л.

Вероятно, в ближайшее время самым трудным разговором между родителями и их детьми станет беседа о сексе, а разговоры о базовых понятиях. Ведь в условиях глобализации всё основательно перемешалось. Часто в попытках определить справедливость стараются уклониться в притчи или в жизненные примеры, что понятно: вопрос не из легких. Но все же для себя ответ на него я нашел, им руководствуюсь, поскольку ничего более исчерпывающего, логичного и лаконичного не встречал.

«Каждый из нас желает справедливости и требует, чтобы с ним обходились справедливо; каждый жалуется на всевозможные несправедливости, причиненные ему самому, и начинает толковать справедливость так, что из этого выходит *явная несправедливость в его пользу*. При этом он убежден, что толкование его правильно и что он «совершенно справедливо» относится к другим, но никак не хочет заметить, что все возмущаются его «справедливостью» и чувствуют себя притесненными и обойденными. Чем скуднее, теснее и насильственнее жизнь людей, тем острее они переживают все это и тем труднее им договориться и согласиться друг с другом. В результате оказывается, «справедливости» столько, сколько недовольных людей, и единой, настоящей Справедливости найти невозможно. А ведь, строго говоря, только о ней и стоит говорить».

Это означает, что интересы и страсти искажают великий вопрос, ум не находит верного решения и

всё обрастает дурными и ловкими предрассудками. Из предрассудков возникают ложные учения; они ведут к насилию и революции, а революции приносят только страдания и кровь, чтобы разочаровать и отрезвить людей, оглушенных своими страстями. Так целые поколения людей живут в предрассудках и томятся в разочаровании; и иногда бывает так, что самое слово «справедливость» встречается иронической улыбкой и насмешкой.

Однако всё это не компрометирует и не колеблет старую, благородную идею справедливости и мы по-прежнему должны противопоставлять ее всякой бесовской эксплуатации, всякой классовой борьбе и всякому революционному уравничеству. Мы можем быть твердо уверены, что ей принадлежит будущее. И всё дело в том, чтобы верно постигнуть ее сущность. Французская революция восемнадцатого века провозгласила и распространила вредный предрассудок, будто люди от рождения или от природы «равны» и будто вследствие этого со всеми людьми надо обходиться «одинаково»... Этот предрассудок *естественного равенства* является главным препятствием для разрешения нашей основной проблемы, ибо сущность справедливости состоит именно в *неодинаковом обхождении с неодинаковыми людьми*. Если бы люди были действительно равны, то есть одинаковы телом, душой и духом, то жизнь была бы страшно проста и находить справедливость было бы чрезвычайно легко. Стоило бы только сказать: «одинаковым людям — одинаковую долю» или «всем всего поровну» — и вопрос был бы разрешен. Тогда справедливость можно было бы находить арифметически и осуществлять механически; и все были бы довольны, ибо люди и в самом деле были бы, как равные атомы, как механически перекатывающиеся с места на место шарики, до неразличимости одинаковые и внутренне и внешне. Что может быть наивнее, упрощеннее и пошлее этой теории? Какое вероглядство — или даже прямая слепота — приводит людей к подобным мертвым и вредным воззрениям?

На самом деле люди *неравны* от природы и *неодинаковы* ни телом, ни душой, ни духом. Они рождаются существами различного пола; они имеют от природы неодинаковый возраст, неравную силу и различное здоровье; им даются различные способности и склонности, различные влечения, дары и желания; они настолько отличаются друг от друга телесно и душевно, что на свете вообще невозможно найти двух одинаковых людей. От разных родителей рожденные, разной крови и наследственности, в разных странах выросшие, по-разному воспитанные, к различным климатам привыкшие, неодинаково образованные, с разными привычками и талантами — люди творят неодинаково и создают неодинаковое и неравноценное. Они и духовно неодинаковы: все они — различного ума, различной доброты, несход-

ных вкусов; каждый со своими воззрениями и со своим особым правосознанием. Словом, они различны во *всех* отношениях. И справедливость требует, чтобы с ними обходились согласно их личным особенностям, не уравнивая неравных и не давая людям необоснованных преимуществ. Нельзя возлагать на них одинаковые *обязанности*: старики, больные, женщины и дети не подлежат воинской повинности. Нельзя давать им одинаковые *права*: дети, сумасшедшие и преступники не участвуют в политических голосованиях. Нельзя *взыскивать* со всех одинаково: есть малолетние и невменяемые, с них взыскивается меньше; есть призванные к власти, с них надо взыскивать строже и т. д. И вот, кто отложит предрассудки и беспристрастно посмотрит на жизнь, тот скоро убедится, что люди *неравны* от природы, *неравны* по своей силе и способности, *неравны* и по своему социальному положению и что *справедливость не может требовать одинакового обхождения с неодинаковыми людьми*; напротив, она требует *неравенства для неравных*, но *такого неравенства*, которое *соответствовало бы действительному неравенству людей*.

Здесь-то и обнаруживается главная трудность вопроса. Людей — бесконечное множество; все они различны. Как сделать, чтобы каждый получил в жизни согласно своей особливости? Как угнаться за всеми этими бесчисленными своеобразиями? Как «воздать каждому свое» (по формуле римской юриспруденции)? Они *не* одинаковы; значит, и обходиться с ними надо не одинаково — согласно их своеобразию... Иначе возникнет несправедливость...

Итак, справедливость совсем не требует равенства. Она требует предметно-обоснованного неравенства. Ребенка надо охранять и беречь; это дает ему целый ряд *справедливых привилегий*. Слабого надо щадить. Уставшему подобает снисхождение. Безвольному надо больше строгости. Честному и искреннему надо оказывать больше доверия. С болтливым нужна осторожность. С одаренного человека справедливо взыскивать больше. Герою подобают почести, на которые негерой не должен претендовать. И так — во всем и всегда...

Поэтому справедливость есть искусство неравенства. В основе ее лежит внимание к человеческой индивидуальности и к жизненным различиям. Но в основе ее лежит также *живая совесть и живая любовь* к человеку. Есть особый *дар справедливости*, который присущ далеко не всем людям. Этот дар предполагает в человеке *доброе, любящее сердце*, которое не хочет умножать на земле число обиженных, страдающих и жестоких. Этот дар предполагает еще живую наблюдательность, обостренную чуткость к человеческому своеобразию, способность вчувствоваться в других. Справедливые люди отвергают механическое трактование людей по отвлеченным

признакам. Они созерцательны, интуитивны. Они хотят рассматривать каждого человека индивидуально и постигают скрытую глубину его души...

Вот почему справедливость есть начало *художественное*: она созерцает жизнь сердцем, улавливает своеобразие каждого человека, старается оценить его верно и обойтись с ним *предметно*. Она «внимательна», «бережна», «социальна»; она блюдет чувство меры; она склонна к состраданию, к деликатному снисхождению и прощению. Она имеет много общего с «тактом». Она тесно связана с чувством ответственности. Она по самому существу своему *любовна*: она родится от сердца и есть живое проявление любви.

Безумно искать справедливость, исходя из ненависти, ибо ненависть завистлива, она ведет не к справедливости, а к всеобщему уравниванию. Безумно искать справедливости в революции, ибо революция дышит ненавистью и мстостью, она слепа, она разрушительна, она враг справедливого неравенства, она не чтит «высших способностей» (*Достоевский*). А справедливость сама по себе есть одна из высших способностей человека, и призвание ее состоит в том, чтобы *узнавать и беречь высшие способности...*

Этот текст написан в 1943 году. Автор — Иван Ильин.

Глядя на историческую панораму, я понимаю и вижу, что русский философ был прав. Он прожил потрясающе сложную и насыщенную жизнь, но умер в эмиграции, когда неправильно понимаемая и воплощаемая в жизнь «справедливость» новых режимов наложила на него свою печать.

Мне 34, я видел и прочувствовал многое. По законам Древней Греции я должен быть полноценным гражданином, поскольку имею свой дом, женат, получил образование, служил в армии, преподавал в школе. Однако перечисленные выше «достоинства» теперь не дают не только гарантий и прав гражданина, но и чувства гражданственности.

Точно так же, как и к справедливости. Базовые, краеугольные понятия: «демократия», «государство», «дисциплина», «долг», «честь», «терпение», «мужество» — сегодня очень редко понимаются правильно, а применяются в жизни еще реже. Этим легко пользоваться, чем и занимаются наши политики.

Аристотель вывел правильные формы государства: демократия, аристократия, монархия, но у них есть и антагонисты: охлократия, олигархия и тирания.

Привлечение огромных масс жителей страны к политическим процессам — это охлократия, то есть власть толпы, щедро проплаченная олигархами, так как одно без другого не случается. Управлять государством должны его граждане, которым есть что терять, а значит, что защищать, ценить и передавать своим детям.

Работая школьным учителем, я проехал больше половины страны. Я ее видел не из окна броневика.

Мне никто ничем не помогал, не спонсировал, даже не сочувствовал. Я всей своей душой чувствую прикосновение несправедливости, ее давление и неумолимую твердь.

Я не могу разлюбить Россию, которую не выдумал себе, но видел, которой восхищался, перед историей которой цепенел. К сожалению, она больше меня, и невозможность ее вместить, быть ей полезным ранит ничуть не менее, чем отсутствие справедливости. Многим людям гораздо сложнее, чем мне поэтому я ни с кем не говорю открыто, чтобы не задеть и их. Я должен честно дожить отмеренное мне и пытаюсь делать это в России, где вопрос справедливости стоит очень остро.

Помню, когда мои родители получили ваучеры (я был седьмым ребенком в семье), они не стали их продавать или менять на что-либо, так как нормальных предложений, чтобы вложить эти ваучеры в какое-нибудь дело, просто не было.

Так вот, из нашей семьи, состоящей из девяти человек, эти билеты получили только отец и мать, а брат был в армии...

Сегодня я понимаю, что мое государство не удалось во мне, в моих сестрах, в миллионах детей по всей стране, которые родились, но были несовершеннолетними, уже тогда. А те, кто отбывал наказание в тюрьмах или находился на излечении в психиатрических больницах? Неужели родственники всех этих людей не принимали участие в строительстве страны, которую оценили, обесценили, поделили впопыхах новые правители, как воры? Или они не платили налоги? Про тех русских, которые оказались за пределами РФ и не могли участвовать в приватизации, и говорить нечего.

Иван Ильин был запрещен в Союзе, и в школе оперировали иными определениями для базовых понятий и терминов. Это не могло не отразиться на получателях такого образования, которое сегодня ставится в пример. Занимательно, что Егор Гайдар находился в команде могильщиков, демонтировавших государственные конструкции СССР, которому служил его дед. Ошибки педагогические опасны не менее, чем ошибки медицинские, только проявляются позднее, о чем мы каждый год слышим в «Иронии судьбы».

Одно из самых пострадавших в годы Второй мировой войны государств — Япония. Один из американских генералов в 1945 году докладывал своему президенту, что для его самолетов нет целей на этих (японских) островах. Так она была разрушена, а еще два атомных взрыва! Здесь я не буду говорить о том, что они сами виноваты. Конечно! Это бесспорно! Но вот восстановились они менее, чем за двадцать лет. И дело здесь не в оккупации США. Отнюдь. Во время войны на службу в армию японцы не призывали учителей. Получив максимальные разрушения, они сохранили школу в лице своих педагогов. Японцы не

**Генеральный
директор**

Елена Петрова

**Художественный
редактор**

Татьяна Погудина

**Цветоделение
и компьютерная
верстка**

Александр Муравенко

**Заведующая
распространением**

Ирина Бродянская

Отпечатано

в АО «Красная Звезда»

Россия, 125284, Москва,

Хорошёвское шоссе, 38

тел. +7(499) 762-63-02,

факс +7(495) 941-40-66

e-mail: kz@redstar.ru,

www.redstarprint.ru

Подписано в печать:

27.03.2021

Тираж 2100 экз.

Уч.-изд. л. 12,0.

Заказ № 2268-2021

Адрес редакции:

Россия,

107078, Москва,

Новая Басманная, д. 19

Телефоны

редакции:

8(499) 261-84-61

8(499) 261-49-29

отдела распространения:

8(499) 261-95-87

E-mail:

roman-gazeta-1927@yandex.ru

Сайт:

www.roman-gazeta-1927.ru

Рукописи не рецензируются

и не возвращаются.

Отклоненные рукописи

сохраняются в течение года.

ассимилировались в американской культуре, но сохранили свою. Школа дала плоды быстро. Как я уже говорил, Япония восстановилась за 20 лет. Население этой страны сопоставимо с населением РФ, но живут они на скалах.

Многие мои знакомые венчают подобные разговоры неподдельным желанием уехать за границу, чтобы быть иностранцами в чужом государстве. Диссидент Григорий Померанц в схожей ситуации остался в СССР, когда ему предлагали перебраться на историческую родину. Он, кстати, сказал, что чувствует себя воином в осажденной крепости, который может помогать страждущим внутри крепости, но не может снять с нее осады.

В своих поисках справедливости по Ильину я остаюсь здесь и делаю это сознательно. У меня есть мечты и некоторые условия, при достижении и выполнении которых радость я буду делить только со своей семьей и самыми близкими. Практика показала, что громкие лозунги теперь не работают. В начале XVII века народы России смогли самостоятельно справиться со Смутой, а после избрания новой династии разошлись по домам, чтобы работать и воспитывать детей в соответствии со своими представлениями о красоте и справедливости, хотя могли бы с легкостью выбрать иную форму объединения общества, поменяв государственный строй.

Бунин говорил после революции, что потомки эмигрантов никогда не увидят ту Россию, которую они угробили собственными руками. Он оказался прав. Но кое-что осталось: небо и Церковь.

В. О. Ключевский сказал, что смерть — величайший математик, так как она исправит все ошибки. Солнце Правды не ограничено временем, как учит Церковь. Кстати, сразу оговорюсь, что в нашей стране так думают не все. Многие мои знакомые ожесточены.

В поисках правды я пришел к Евангелию и евангельским заповедям, которые обогатят их исполнителя всеми необходимыми для вечности добродетелями. Когда человек, обладающий ими, сетовал на отсутствие справедливости или правды в своей жизни? Он сам становился источником и того, и другого.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Федор КОЗВОНИН

Шабашник 3

Розалия ВАХИТОВА

Рассказы 60

Артём ПОПОВ

Блажной 71

ПОЭЗИЯ

Марина ВОЛКОВА 80

Юлия ГИАЦИНТОВА 82

Андрей КУЛЮКИН 83

Екатерина ИГНАТЬЕВА 85

Зарина БИКМУЛЛИНА 86

Роман РУБАНОВ 87

ПУБЛИЦИСТИКА

Илья ВЕРШИНИН

Из Прибалтийских тетрадей 89

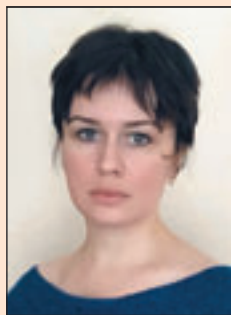
Анна ГОРОДКОВА (Бобылёва)

Жизнь недомашних животных 91

Михаил ФАХРЕТДИНОВ

Слово о правде и справедливости 93

Поздравляем победителей и лауреатов!

ИГНАТЬЕВА Екатерина Юрьевна
Родилась в 1990 году в городе Приозёрске Ленинградской области. В 2020 году защитила кандидатскую диссертацию по юридическим наукам. Член Союза писателей России, участница III Форума молодых писателей России и Китая (Шанхай, 2019 год). Автор нескольких поэтических сборников.

БИКМУЛЛИНА Зарина Рашитовна
Студентка 4 курса факультета почвоведения МГУ, родилась в Казани, лауреат всероссийских и международных литературных конкурсов.

РУБАНОВ Роман Владимирович
Поэт, актёр, режиссёр. Родился 6 июля 1982 года. Автор книг стихов «Соучастник» (2014), «Стрекалово» (2016) и «Соната № 3» (2020). Лауреат литературной премии им. Риммы Казаковой «Начало» (2013). Лауреат Литературной премии «Писатель XXI века» (2014). Лауреат Международной литературной премии «Звёздный билет» (2016). Публиковался во многих журналах. Член Союза писателей Москвы.

ВЕРШИНИН Илья Александрович
Родился в 1987 году в поселке Нарва-Йыэсуу Эстонской ССР, в семье учителя русского языка и литературы, ставшего позднее православным священником. В 2011 году издал книгу очерков об участниках Великой Отечественной войны «Дороги, которые выбрали нас». В 2013–2018 годах проходил обучение на очном отделении Литературного института им. А. М. Горького. С 2019 года — аспирант Института Мировой Литературы Российской Академии Наук (РАН).

ФАХРЕТДИНОВ Михаил Мирзаевич
Родился в 1986 году. Окончил Томский государственный педагогический университет. Служил в армии. Работал учителем истории. До недавнего времени — смотритель и экскурсовод музея Томской духовной семинарии. Автор статей по вопросам философии, истории и религии.

БОБЫЛЕВА (Городкова) Анна Анатольевна
Родилась 7 мая 1993 года в Кемеровской области. Окончила в 2015 году Кемеровский государственный университет по специальности «журналистика». Работала в газете «Аргументы и факты в Кузбассе». Один из авторов шестого выпуска 2020 года чувашского медиапроекта «Достояние Республики». Живет и работает в Кемерове.

